

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

№ 1 (ЯНВАРЬ-МАРТ)

2026 ГОД

Учредитель: Грудцына И.В.

Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»

Журнал выходит с 2025 г.

Выходит один раз в три месяца

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90260 от 29 октября 2025 г.)

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

Ежеквартальный научный РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по актуальным проблемам гражданского, семейного, предпринимательского, наследственного и трудового права.

Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научными знаниями, практическим юридическим опытом и результатами научно-правовых исследований в области частного права, гуманитарных знаний, обобщения научных и научно-практических результатов в области гражданско-правовых исследований.

Главный редактор: Грудцына Людмила Юрьевна

Первый заместитель главного редактора (координатор региональных представительств): Гандалоев Руслан Баширович

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Редактор: Дребезгова Юлия Дмитриевна

Корректор и компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: <https://private-law.moscow>

E-mail: editor@law-books.ru

Многоканальный (по России): +8-800-700-45-88

WhatsApp: +7-926-125-33-23

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-правовой журнал «Частное право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Грудцына Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия)

Первый заместитель главного редактора
(координатор региональных представительств):

Гандалоев Руслан Баширович, кандидат политических наук, Почетный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, Заслуженный юрист в Республике Ингушетии, член-корреспондент Российской академии естественных наук

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин Марат Селирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

- **Иванова Светлана Анатольевна**, доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».
- **Сангаджиев Бадма Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».
- **Стригунова Дина Павловна**, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
- **Усанов Владимир Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.
- **Шинкарецкая Галина Георгиевна**, доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации
- **Щербак Евгений Николаевич**, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета.
- **Эриашвили Нодари Дарчоевич**, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Grudtsina Ludmila Yurievna, Doctor of Law, Professor, Professor

Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

First Deputy Editor-in-Chief (Regional Office Coordinator):

Gandaloev Ruslan Bashirovich, Candidate of Political Sciences, Honorary Worker of Education and Enlightenment of the Russian Federation, Honored Lawyer in the Republic of Ingushetia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

Deputy Editor-in-Chief:

Shaikhullin Marat Selirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

- **Ivanova Svetlana Anatolyevna**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Finance University under the Government of the Russian Federation.»
- **Sangadzhiev Badma Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
- **Strigunova Dina Pavlovna**, Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International and Integration Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.
- **Usanov Vladimir Evgenievich**, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.
- **Shinkaretskaya Galina Georgievna**, Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
- **Shcherbak Evgeny Nikolaevich**, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities.
- **Eriashvili Nodari Darchoevich**, Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова**, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор ФГОБУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН

• **А.П. Галоганов**, доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

• **В.Н. Жуков**, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

• **В.В. Комарова**, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

• **И.А. Конюхова**, доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия.

• **А.В. Рагулин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

• **Б.С. Эбзеев**, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России.

• **Н.Д. Эриашвили**, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman: **S.A. Ivanova**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Russian Economic University named after G.V. Plekhanov,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

- **A.P. Haloganov**, Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.
- **V.N. Zhukov**, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.
- **V.V. Komarova**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).
- **I.A. Konyukhova**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice.
- **A.V. Ragulin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.
- **B.S. Ebzeev**, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.
- **N.D. Eriashvili**, Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Ивановская Е.Е., Красноперова А.В. * Применение государственных информационных систем при осуществлении регионального государственного строительного надзора 11

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Асадуллина А.А. * К вопросу о технико-юридическом аспекте реализации принципа равенства перед законом и судом в уголовном процессе современной России 15

Матушкина А.А. * Государственно-правовые и уголовно-правовые механизмы обеспечения безопасности личности в Российской Федерации: теоретические основы и некоторые проблемы правоприменения 19

ТЕОРИЯ И СИСТЕМА ПРАВА

Деханов С.А. * Юридическая и медицинская деонтология: краткий сравнительно-правовой анализ 23

Босов Д.В. * К вопросу о термине «великое расхождение»: историко-социологический аспект 26

ПРАВООПОНИМАНИЕ И ПРАВООПРИМЕНЕНИЕ

Ямковая И.М. * Особенности защиты интеллектуальной собственности 30

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Иванова С.А. * Сервитут как юридическая конструкция 34

Баретдинова Ч.А. * Проблемы правовой квалификации договора возмездного оказания медицинских услуг 39

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Романко О.А., Колос А.Г. * Психологические риски ресоциализации несовершеннолетних осужденных в образовательном пространстве 46

Шарнин А.А. * Понятие насильственных форм хищения по действующему уголовному праву Российской Федерации 52

Громов А.А. * Проблема классификации нематериальных объектов гражданских прав, не относящихся к объектам интеллектуальной собственности 56

Романко О.А., Колос А.Г. * Особенности личностного профиля несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния 59

Канивецкая А.В. * Структура организации Opus Dei 64

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Линь Ш. * Влияние цифровых технологий на стратегии транснационализации китайских технологических компаний 67

Шарнин А.А. * Ответственность за насильственные формы хищения по уголовному праву зарубежных стран 71

ИННОВАЦИИ И ПРАВО

Бидоленко Л.А. * Ключевые факторы, влияющие на формирование опыта мыследеятельности будущего специалиста 78

КУЛЬТУРА И НАУКА

Ван Ч. * Миниатюра как лаборатория жанрового эксперимента в фортепианном творчестве Ф.И. Стравинского 82

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Канивецкая А.В. * Ранняя история Opus Dei 86

Вялых Н.В. * Анализ промышленного стиля сахарных заводов второй половины XIX – нач. XX вв. Центрального - Черноземья, на примере Рамонского сахарного завода 89

НАУЧНЫЙ ПОДХОД

Щукин А.А., Муртазина С.А. * UX-дизайн как медиатор экологического поведения: эмпирические данные и социотехнический взгляд	95
Михайлова Н.Б. * Терапевтический промт в сказкотерапии педагога-психолога: структура, чек-лист и кейсы использования генеративного ИИ	99
Мустафина Д.Д., Белан Л.Н. * Рекультивации методом самовосстановления нефтезагрязненных земель: современные подходы и перспективы	106
Анисимова Т.А., Токмалаева В.В., Федотова Е.А. * Инфекции, передающиеся через слюну: предотвращение распространения в стоматологической практике	109
Сичинава Н.Е., Брюховецкая Д.О. * Особенности течения беременности у пациенток с синдромом поликистозных яичников	116

CONTENT:

LAW AND POLITICS

Ivanovskaya E.E., Krasnoperova A.V. * The use of state information systems in the implementation of regional state construction supervision 11

HUMAN RIGHTS

Asadullina A.A. * On the technical and legal aspect of the implementation of the principle of equality before the law and courts in the criminal proceedings of modern Russia 15

Matushkina A.A. * State and criminal law mechanisms for ensuring personal security in the Russian Federation: theoretical foundations and some problems of law enforcement 19

THEORY AND SYSTEM OF LAW

Dekhanov S.A. * Legal and medical deontology: a brief comparative legal analysis 23

Bosov D.V. * On the question of the term “the great diverge”: historical and sociological aspect 26

UNDERSTANDING OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

Yamkovaya I.M. * Features of intellectual property protection 30

CIVIL LAW

Ivanova S.A. * Servitude as a legal structure 34

Baretdinova Ch.A. * Problems of legal qualification of the contract for the provision of medical services for a fee 39

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Romanko O.A., Kolos A.G. * Psychological risks of the re-socialization of juvenile convicts in the educational space 46

Sharnin A.A. * The concept of violent forms of theft under the current criminal law of the Russian Federation 52

Gromov A.A. * The problem of classifying intangible objects of civil rights that are not related to intellectual property objects 56

Romanko O.A., Kolos A.G. * Features of the personality profile of minors who have committed unlawful acts 59

Kanivetskaya A.V. * Structure of the Opus Dei organization 64

LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Lin Sh. * The impact of digital technologies on the transnationalization strategies of Chinese tech companies 67

Sharnin A.A. * Responsibility for violent forms of embezzlement under the criminal law of foreign countries 71

INNOVATION AND LAW

Bidolenko L.A. * Key factors influencing the formation of the future specialist’s research experience 78

CULTURE AND SCIENCE

Wang Ch. * The miniature as a laboratory of genre experiment in Igor Stravinsky’s piano works 82

LEGAL ARCHIVE

Kanivetskaya A.V. * The early history of Opus Dei 86

Vyalykh N.V. * Analysis of the industrial style of sugar factories in the second half of the 19th - 20th centuries. Central-Chernozem region, on the example of the Ramon sugar factory 89

SCIENTIFIC APPROACH

Shchukin A.A., Murtazina S.A. * UX design as a mediator of ecological behavior: empirical data and

socio-technical perspective	95
Mikhailova N.B. * Therapeutic prompt in fairy-tale therapy of a school psychologist: structure, checklist and cases of using generative AI	99
Mustafina D.D., Belan L.N. * Self-restoration of oil-contaminated lands: modern approaches and prospects	106
Anisimova T.A., Tokmalaeva V.V., Fedotova E.A. * Saliva-borne infections: preventing the spread in dental practice	109
Sichinava N.E., Bryukhovetskaya D.O. * Features of the course of pregnancy in patients with polycystic ovary syndrome	116

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-1-11-14

ИВАНОВСКАЯ Екатерина Евгеньевна,
магистрант,
Ижевский государственный технический университет
имени М.Т. Калашникова,
Ижевск, Россия,
e-mail: katya.ivanovskaya@icloud.com

КРАСНОПЕРОВА Анастасия Валерьевна,
магистрант,
Ижевский государственный технический университет
имени М.Т. Калашникова,
Ижевск, Россия,
e-mail: ladida.krasnoperova@gmail.com

ПРИМЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬНОГО НАДЗОРА

Аннотация. Статья рассматривает роль и практические модели применения государственных информационных систем (ГИС — в смысле государственных информационных систем, а не геоинформационных) в деятельности региональных органов государственного строительного надзора (ГСН). Проанализированы действующая нормативно-правовая база, действующие государственные решения и платформы (включая Единую информационную систему жилищного строительства — ЕИСЖС, отраслевые госреестры и специализированные информационные системы), выделены основные функции, преимущества, ограничения и рекомендации по внедрению. На основе обзора источников даются предложения по архитектуре интеграции, стандартам обмена и KPI для пилотных проектов на уровне региона.

Ключевые слова: государственные информационные системы, государственный строительный надзор, региональный надзор, ЕИСЖС, Единые реестры, цифровизация, интеграция данных.

IVANOVSKAYA Ekaterina Evgenievna,
Master's Student,
Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov,
Izhevsk, Russia

KRASNOPEROVA Anastasia Valerievna,
Master's Student,
Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov,
Izhevsk, Russia

THE USE OF STATE INFORMATION SYSTEMS IN THE IMPLEMENTATION OF REGIONAL STATE CONSTRUCTION SUPERVISION

Annotation. The article examines the role and practical models of the use of state information systems (GIS — in the sense of state information systems, not geoinformation) in the activities of regional state construction supervision authorities (GOS). The current regulatory framework, current government solutions and platforms (including the Unified Housing Construction Information System (UISWS), industry-specific state registers and specialized information systems) are analyzed, the main functions, advantages, limitations and recommendations for implementation are highlighted. Based on a review of sources, proposals are made on integration architecture, exchange standards, and KPIs for pilot projects at the regional level.

Key words: state information systems, state construction supervision, regional supervision, UISWS, Unified registers, digitalization, data integration.

Регionalные органы государственного строительного надзора (РГСН) выполняют функции контроля за соблюдением градостроительных регламентов, технических нормативов и требований безопасности при строительстве и реконструкции объектов капитального строительства [6]. Рост строительной активности, усложнение проектных решений и необходимость прозрачности в градостроительных процедурах требуют перехода от бумажных и локальных информационных процессов к централизованным государственным информационным системам, обеспечивающим единый источник данных и автоматизацию процедур надзора. Этот переход частично закреплён в положениях Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК РФ) (ст. 56 — о государственных информационных системах обеспечения градостроительной деятельности).

Нормативно-правовая база и государственные инициативы

Градостроительный кодекс РФ определяет содержание и назначение государственных информационных систем (далее – ГИС) обеспечения градостроительной деятельности, включая хранение сведений в текстовой, графической форме и/или в форме информационной модели. Положения кодекса создают правовую основу для формирования региональных ГИС и их интеграции с федеральными реестрами и отраслевыми системами [3].

На федеральном уровне реализуются масштабные платформы и сервисы цифровизации строительной отрасли — в частности, единая информационная система жилищного строительства (далее – ЕИСЖС) (наш.дом.рф) как инструмент сбора сведений о жилищном строительстве, сервисы Минстроя по взаимодействию с регионами и программы по развитию цифровых сервисов для отрасли [2]. Эти инициативы создают предпосылки для использования централизованных данных в задачах надзора и мониторинга.

Государственные информационные системы, релевантные для ГСН

Для целей регионального строительного надзора целесообразно выделять следующие классы государственных информационных систем:

Единые отраслевые реестры и платформы — ЕИСЖС, специальные реестры проектной документации, Реестр СРО/экспертов, единые реестры разрешений и актов; они обеспечивают базовый набор атрибутов по строящимся объектам.

ГИСы обеспечения градостроительной деятельности (региональные ГИС) — системы, содержащие кадастровые, градостроительные регламенты, планы территории и иные пространственные слои в сочетании с проектными данными. Нормативно закреплены статьей 56 ГрК РФ [3].

Специализированные государственные системы мониторинга и контроля — платформы для

учета хода строительства объектов, контроля ввода в эксплуатацию, а также системы мониторинга объектов, финансируемых из бюджета [8]. На федеральном уровне инициированы проекты создания систем мониторинга объектов, финансируемых из бюджета.

Функции ГИС в деятельности регионального надзора

На основании анализа источников и практик выделяются ключевые функциональные сценарии применения государственных информационных систем в работе РГСН:

1. Идентификация и верификация объектов контроля.

Автоматическое сопоставление разрешений на строительство, проектной документации и исполнительных съёмов с реестрами позволяет быстро формировать реестр объектов, подлежащих надзору.

2. Приоритизация инспекций и аналитика рисков.

На базе агрегированных данных (статус разрешений, история нарушений, параметры объекта, сроки работ) система формирует рейтинги и карты риска для оптимизации выездов инспекторов.

3. Электронный документооборот и доказательная база.

Хранение актов, предписаний и протоколов в государственном реестре обеспечивает юридическую силу электронных документов (при условии нормативного закрепления) и прозрачность процедур.

4. Интеграция с мониторинговыми данными.

Подключение данных от датчиков, исполнительной съёмки, БПЛА и спутниковых сервисов повышает возможность превентивного надзора.

Преимущества внедрения ГИС для регионального ГСН

1. Повышение эффективности и оперативности надзора.

Централизованный доступ к данным снижает время на идентификацию проблемных объектов и подготовку выездов.

2. Прозрачность и подотчётность.

Публичные сервисы (как в ЕИСЖС) повышают доступность информации для граждан и бизнеса, что снижает конфликтность процедур и усиливает общественный контроль [2].

3. Снижение административных издержек.

Автоматизация рутинных операций и унификация форматов документов сокращают ручной труд и время согласований.

К основным барьерам и рискам внедрения относятся:

1. Нормативная неопределённость и юридическая сила электронных актов.

Хотя ГрК РФ задаёт рамки для ГИС, многие вопросы юридической природы (правовой статус электронных моделей, требования к электрон-

ным актам) требуют детальной регламентации в подзаконных актах.

2. Качество данных и совместимость систем.

Разрозненные форматы и отсутствие стандартов обмена (включая привязку проектных моделей к пространственным системам) препятствуют быстрой интеграции [7].

3. Кадровая готовность и организационные изменения.

Переход к цифровым процессам требует подготовки инспекторов, регламентации рабочих процессов и изменения бизнес-процессов в органах надзора.

4. Безопасность и доступ к данным.

Централизованные реестры требуют надёжной архитектуры кибербезопасности, разграничения прав и механизмов резервного копирования.

Рекомендованная архитектура внедрения и этапы пилота:

1. Архитектура (концептуальная)

Интеграционный слой — API-ориентированный обмен между региональной ГИС, ЕИСЖС и прочими федеральными реестрами (проектная документация, кадастр, реестр разрешений).

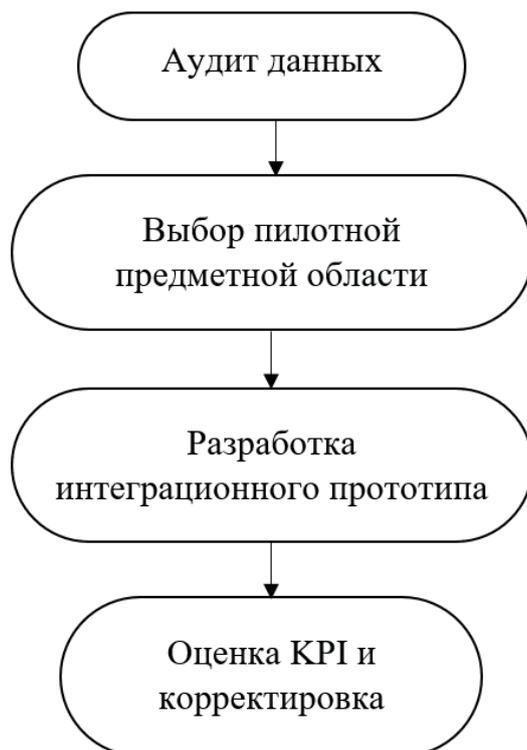
Панель управления рисками и аналитики — модуль, объединяющий атрибуты объектов для расчёта рискового профиля и формирования очередности проверок.

Мобильные приложения инспектора [5] — геопривязанные формы, фото- и видеофиксация, автоматическая загрузка актов в реестр.

Публичный портал/открытые данные — доступ для граждан и бизнеса к не персональным данным о статусе объектов и результатах проверок (в части, допустимой законодательством).

2. Этапность внедрения (пилот).

Рисунок 1. Схема этапов внедрения ГИС в деятельность РГСН.

Аудит данных — инвентаризация реестров и источников, оценка качества данных.

Выбор пилотной предметной области — объекты с высоким риском/социальной значимостью (многоквартирные жилые комплексы, социальная инфраструктура).

Разработка интеграционного прототипа — подключение 2–3 ключевых реестров и мобильного клиента для инспекции.

Оценка KPI и корректировка — время идентификации объектов, % плановых выездов по приоритету, скорость обработки актов.

Опыт и выводы из существующих практик:

Реализованные федеральные платформы (ЕИСЖС и сопутствующие цифровые сервисы), а также пилотные проекты по мониторингу отдельных объектов демонстрируют, что существенный эффект достигается при сочетании централизованных реестров и мобильной полевой практики инспекции [1]. В то же время регионы демонстрируют широкий разброс по готовности к цифровизации: от высокой (крупные города и отдельные субъекты) до низкой в ряде регионов, что требует унифицированной методологии внедрения и

грантовой/методической поддержки со стороны федеральных органов [7].

В качестве рекомендации для региональных органов, необходимо начать с пилота на ограниченном наборе объектов с чёткими KPI и сроками (6–12 месяцев).

Обеспечить правовую привязку электронных актов и регламентировать форматы обмена с федеральными реестрами.

Стандартизировать форматы данных (метаданные проектной документации, привязка к кадастру) и использовать API-интеграцию с ЕИСЖС.

Инвестировать в обучение и методические материалы для инспекторов — мобильные практики, цифровая фотофиксация, формирование доказательной базы.

Планировать меры по кибербезопасности и разграничению доступа на этапах пилота.

Государственные информационные системы предоставляют региональным органам строительного надзора инструменты для повышения оперативности, прозрачности и эффективности контроля. Ключевыми факторами успешного внедрения являются правовая проработка статуса электронных актов, стандарты обмена данными, качество исходных реестров и подготовка кадров. Рекомендуется начать с целевого пилота, интегрированного с федеральными платформами (ЕИСЖС и смежными реестрами), и далее масштабировать решение при учёте региональной специфики.

Список литературы:

[1] Готовность регионов к цифровизации строительного комплекса // econstor.eu. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/241587/1/1745143629.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 01.11.2025).

[2] Единая информационная система жилищного строительства // наш.дом.рф. URL: <https://наш.дом.рф/?stdPg> (дата обращения: 12.11.2025).

[3] Заостровных И.Д. Нормативное и документационное обеспечение государственной информационной системы обеспечения градостроительной деятельности // Документы и архивы: история и современность. — 2023. — С. 49–56.

[4] Минстрой России обозначил ключевые задачи на 2024 год по цифровизации строительной отрасли // Минстрой России. URL: https://minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-oboznachil-klyuchevye-zadachi-na-2024-god-po-tsifrovizatsii-stroitelnoy-otrasli/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.11.2025).

[5] Мухаметгалиева А.И., Гумарова А.Н. Эффективность и перспективы использования мобильного приложения «Инспектор» // Студенческий вестник. — 2025. — №. 20-13 (353). — С. 54–57.

[6] Тарануха Н. Л., Шишкина А. А. Роль государственного строительного надзора и строительного контроля в обеспечении качества и безопасности строительства // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2023. Т. 19, № 2. С. 29–34.

[7] Чеготова Е. Елена Чеготова: Надо победить кризис, связанный с цифровизацией строительства // Геоинфо. — 2024. — №. 6. — С. 32–34.

[8] Шкурина Е.Р., Благиных Е.А. Перспективы цифровой трансформации строительной отрасли // Вызовы цифровой экономики: технологический суверенитет и экономическая безопасность. — 2023. — №. Сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Брянск, 2023. — С. 659–665.

References:

[1] Regional Readiness for Digitalization of the Construction Sector // econstor.eu. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/241587/1/1745143629.pdf?utm_source=chatgpt.com (Accessed: 01.11.2025).

[2] Unified Information System for Housing Construction // наш.дом.рф. URL: <https://наш.дом.рф/?stdPg> (Accessed: 12.11.2025).

[3] Zaostrovnykh I.D. Regulatory and Documentary Support for the State Information System for Urban Development // Documents and Archives: History and Modernity. - 2023. - pp. 49–56.

[4] The Ministry of Construction of the Russian Federation outlined key objectives for 2024 for the digitalization of the construction industry // Ministry of Construction of the Russian Federation. URL: https://minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-oboznachil-klyuchevye-zadachi-na-2024-god-po-tsifrovizatsii-stroitelnoy-otrasli/?utm_source=chatgpt.com (accessed: 10.11.2025).

[5] Mukhametgalieva A.I., Gumarova A.N. Efficiency and prospects for using the Inspector mobile application // Student Bulletin. - 2025. - No. 20-13 (353). - P. 54–57.

[6] Taranukha N. L., Shishkina A. A. The Role of State Construction Supervision and Construction Control in Ensuring the Quality and Safety of Construction // Socio-Economic Management: Theory and Practice. 2023. Vol. 19, No. 2. pp. 29–34.

[7] Chegotova E. Elena Chegotova: We Need to Defeat the Crisis Associated with the Digitalization of Construction // Geoinfo. — 2024. — No. 6. — pp. 32–34.

[8] Shkurina E. R., Blaginykh E. A. Prospects for Digital Transformation of the Construction Industry // Challenges of the Digital Economy: Technological Sovereignty and Economic Security. — 2023. — No. Collection of Articles from the VI All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Bryansk, 2023. — pp. 659–665.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-1-15-18

АСАДУЛЛИНА Алина Альфировна,
Советский районный суд г. Уфы,
Уфа, Россия,
e-mail: Asalina102@ro.ru

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье исследуется принцип равенства всех перед законом и судом, как одна из ключевых гарантий справедливого правосудия.

Актуальность темы обусловлена противоречием между провозглашенным равенством и наличием специальных процессуальных режимов для отдельных категорий должностных лиц.

Новизна исследования проявляется в акценте на проблеме неопределенности статуса прокуроров и в формулировании предложений по корректировке законодательства.

Цель работы заключается в выявлении правовой неопределенности, связанной с применением специальных процессуальных гарантий, и обосновании путей ее устранения.

В результате проведенного анализа обоснована необходимость законодательной конкретизации круга лиц, обладающих иммунитетом, ограничения действия особых процедур только случаями, связанными с обеспечением независимости органов власти, и исключения льготных режимов для лиц, чья деятельность непосредственно не связана с уголовным судопроизводством.

Ключевые слова: принцип равенства перед законом и судом, уголовный процесс, специальные процессуальные режимы, иммунитет должностных лиц, правовая неопределенность, законодательные пробелы, гарантии независимости органов власти.

ASADULLINA Alina Alfirovna,
Sovetsky District Court of Ufa,
Ufa, Russia

ON THE TECHNICAL AND LEGAL ASPECT OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY BEFORE THE LAW AND COURTS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF MODERN RUSSIA

Annotation. The article explores the principle of equality of all before the law and the court, as one of the key guarantees of fair justice.

The relevance of the topic is due to the contradiction between the proclaimed equality and the presence of special procedural regimes for certain categories of officials.

The novelty of the study is manifested in the emphasis on the problem of uncertainty in the status of prosecutors and in the formulation of proposals for adjusting legislation.

The purpose of the work is to identify legal uncertainty associated with the application of special procedural guarantees, and justify ways to eliminate it.

As a result of the analysis, the need for legislative specification of the circle of persons with immunity was justified, limiting the operation of special procedures only to cases related to ensuring the independence of authorities, and excluding preferential regimes for persons whose activities are not directly related to criminal proceedings.

Key words: principle of equality before the law and the court, criminal process, special procedural regimes, immunity of officials, legal uncertainty, legislative gaps, guarantees of the independence of the authorities.

Принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе является фундаментом правового государства и демократического общества, обеспечивая справедливое

и беспристрастное правосудие. Его конституционное закрепление и отражение в УПК РФ формируют гарантии защиты прав и свобод личности, выступая выражением идеи юридического

универсализма – равного правового статуса всех участников уголовного судопроизводства.

В юридической науке сложилось единодушное признание равенства перед законом и судом в качестве принципа уголовного процесса. Его межотраслевой характер проявляется в том, что он пронизывает всю систему публичного права и тесно связан с принципами состязательности и законности. Без равенства процессуальных возможностей сторон невозможно говорить о полноценной реализации состязательного начала, а требование законности предполагает единообразное применение правовых норм ко всем участникам процесса.

Однако на практике реализация принципа сталкивается с рядом проблем: неравный доступ граждан к квалифицированной юридической помощи, влияние субъективных факторов на судебные решения, а также различия в правоприменении, порождающие юридическую неопределенность. Особенно остро данные трудности проявляются в условиях денонсации в 2022 году ряда международных договоров, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Отсутствие юрисдикции ЕСПЧ снижает уровень международных гарантий равноправия и справедливого суда, что требует поиска новых внутренних механизмов защиты принципа равенства.

Перспективы доктринального развития принципа заключаются в расширении института бесплатной юридической помощи для социально уязвимых лиц, унификации судебной практики через усиление разъяснительной роли Верховного Суда РФ, внедрении дополнительных механизмов контроля за соблюдением равенства на стадии предварительного расследования, а также в адаптации судебной политики к изменившимся условиям международного правового поля.

Таким образом, принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе выступает не только гарантией индивидуальных прав, но и системной основой поддержания доверия общества к судебной власти. Его укрепление возможно путем сочетания нормативного совершенствования, доктринального анализа и практических мер, направленных на обеспечение равных возможностей всех участников уголовного судопроизводства.

В технико-юридическом аспекте принцип равенства перед законом и судом формализует его нравственное и социально-правовое содержание через нормативное закрепление [4, с. 138].

Принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе рассматривается в науке как бесспорный и общепризнанный. В доктрине отсутствуют острые споры о его сущности, и большинство исследователей сходятся во мнении, что он имеет фундаментальное значение для всего уголовного судопроизводства. На это указывают работы таких авторов, как

В.А. Азаров, С.С. Безруков, З.Г. Брциева, В.А. Задорожная, Л.И. Малахова и других [1, с. 8; 2, с. 17; 3, с. 75; 5, с. 163].

Утверждается, что равенство перед законом и судом выступает именно принципом уголовного процесса, а не просто декларативной нормой. Его межотраслевой характер отражается в том, что он пронизывает всю систему публичного права и взаимодействует с другими ключевыми началами. Прежде всего, это принцип состязательности, поскольку состязание сторон может быть эффективным лишь при условии реального равенства их процессуальных возможностей. Далее, он неотделим от принципа законности (ст. 7 УПК РФ), ведь требование единообразного действия правовых норм распространяется на всех участников процесса – от подозреваемых и потерпевших до судей и прокуроров.

Таким образом, равенство перед законом и судом обеспечивает не только формальное закрепление прав, но и их объективную реализацию в уголовном процессе, создавая основу для справедливого и беспристрастного правосудия.

Несмотря на устойчивое доктринальное признание равенства всех перед законом и судом в качестве самостоятельного процессуального принципа, российский законодатель на протяжении более чем двух десятилетий действия УПК РФ 2001 г., подвергшегося множеству изменений, так и не закрепил его в числе принципов уголовного судопроизводства, прямо обозначенных в главе 2. Данное обстоятельство представляется методологически и теоретически проблемным, поскольку оставляет пробел между конституционными предписаниями и процессуальными нормами.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в подавляющем большинстве уголовно-процессуальных кодексов стран постсоветского пространства данный принцип получил закрепление. Так, он прямо отражен в УПК Азербайджана (ст. 11), Армении (ст. 16), Беларуси (ст. 20), Казахстана (ст. 21), Молдовы (ст. 9), Таджикистана (ст. 16), Туркменистана (ст. 20) и Узбекистана (ст. 16). Включение данного положения в тексты кодексов свидетельствует о его признании неотъемлемым элементом правосудия и процессуальных гарантий личности.

В странах континентальной правовой традиции (Германия, Франция) принцип равенства сторон закреплен и реализуется через баланс процессуальных прав, детализированные механизмы доказательств и независимые институты экспертизы. В англо-американской системе (США) равенство сторон реализуется через концепцию fair trial, которая предполагает не только формальное равенство, но и комплекс процессуальных гарантий, включая право обвиняемого на доступ к информации и эффективную защиту в соответствии с Федеральными правилами уголовного судопроизводства.

Общим для различных правовых систем является признание фундаментальной роли равенства сторон и безусловный запрет дискриминации как критерия справедливого судопроизводства. Однако предложенные ранее варианты закрепления данного принципа в УПК РФ не отражают современных правовых и геополитических реалий, что требует нового научного подхода к формулированию данной нормы.

Закрепление равенства перед законом и судом в числе принципов уголовного судопроизводства способствовало бы устранению доктринально-практического разрыва, укреплению доверия к судебной власти и реальному обеспечению конституционных гарантий справедливого правосудия.

Современное развитие уголовно-процессуального законодательства России требует не только обращения к универсальным ценностям международного права, но и учета национальных интересов и задач обеспечения государственной безопасности. В условиях прекращения действия Европейской Конвенции 1950 г. для Российской Федерации возникает необходимость адаптировать соответствующие правовые гарантии на основе суверенного подхода, не отрицая при этом общепризнанных демократических принципов.

Учитывая вышеизложенное предлагается дополнить УПК РФ самостоятельной статьей 7.1 «Равенство перед законом и судом» обладающей необходимой научной и практической значимостью. Сущность такой нормы выражается в следующем:

1. Уголовное судопроизводство должно строиться на основе равноправия каждого перед правосудием, вне зависимости от социальных, этнических, политических и иных характеристик личности. Это соответствует как конституционному положению о равенстве (ст. 19 Конституции РФ), так и современным представлениям о справедливом судебном разбирательстве.

2. Унификация процессуальных гарантий для лиц с одинаковым процессуальным статусом позволяет устранить возможное произвольное толкование и практику дифференцированного подхода при реализации прав и обязанностей участников процесса.

3. При этом законодателю надлежит предусмотреть особые субстантивные правила для категорий лиц, наделенных иммунитетом (депутаты, судьи, дипломаты), а также для ситуаций, связанных с угрозами государственной или национальной безопасности. Такой механизм не подрывает принцип равенства, а отражает конституционное требование баланса между индивидуальными правами и интересами государства.

Закрепление указанной нормы в виде отдельной статьи УПК РФ позволит обеспечить согласованность национальной процессуальной системы с традициями демократического правового государства; повышение уровня правовых

гарантий участников уголовного судопроизводства; укрепление доверия к судебной власти; институционализацию суверенного подхода России к защите прав человека и интересов государства.

Таким образом, формулирование принципа равенства перед законом и судом в самостоятельной норме УПК РФ позволит соединить универсальные стандарты правосудия с национальными потребностями и обеспечит более гармоничное развитие российского уголовно-процессуального права.

Безусловно, вышеизложенные теоретические положения не вызывают сомнений. Особым исследовательским интересом обусловлена непосредственная реализация принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве, поскольку характеризуется некоторыми противоречиями.

Принцип равенства всех перед законом и судом, закрепленный в ч. 2 ст. 3 УПК РФ, в отечественной доктрине традиционно рассматривается как одна из фундаментальных гарантий справедливого правосудия. Он предполагает единообразное применение уголовно-процессуальных норм и одинаковую защищенность прав всех участников процесса. Однако его непосредственная реализация в практике уголовного судопроизводства сопряжена с комплексом противоречий, вызванных существованием специальных процессуальных режимов для отдельных категорий лиц.

Особенности дифференциации уголовно-процессуальных статусов закреплены, в частности, в ст. 447 УПК РФ, устанавливающей особый порядок привлечения к ответственности судей, депутатов, прокуроров и ряда иных субъектов. С одной стороны, такие исключения оправданы необходимостью выполнения международных обязательств Российской Федерации и обеспечением функциональной независимости органов публичной власти. С другой стороны, недостаточная определенность критериев предоставления иммунитета порождает правовую неопределенность и затрудняет единообразное применение соответствующих норм.

Особенно дискуссионным является вопрос о процессуальном статусе прокуроров. Законодатель отсылает к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации», но при этом УПК РФ не содержит четкого указания на круг лиц, обладающих специальными гарантиями. В ст. 5 УПК РФ закреплены полномочия прокурора как участника процесса, однако остается неясным, распространяются ли специальные гарантии исключительно на прокуроров, участвующих в уголовном преследовании, либо на всех работников органов прокуратуры.

Подобная неопределенность способствует расширительному толкованию и фактическому отступлению от принципа равенства перед законом.

Таким образом, анализ норм УПК РФ и доктринальных подходов позволяет заключить, что существующая система специальных процессуальных гарантий требует уточнения. Законодателью целесообразно: конкретизировать круг лиц, обладающих иммунитетом; ограничить действие особых режимов только случаями, связанными с обеспечением независимости публичных институтов; исключить распространение льготных процедур на лиц, чья деятельность не затрагивает сферу уголовного судопроизводства.

Тем самым возможно будет достичь баланса между необходимостью сохранения гарантий независимости органов государственной власти и реализацией принципа равенства всех перед законом и судом как краеугольного начала уголовного процесса.

Список литературы:

[1] Азаров В.А. Справедливость как первооснова равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. Право. –2022. –№ 43. – С. 5–20.

[2] Безруков С.С. Категория равенства всех перед законом и судом в современном уголовном процессе России // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции: В 2-х частях. Санкт-Петербург, 20–21 марта 2015 г. – Санкт-Петербург, 2016. –С. 11–20.

[3] Задорожная В.А. Прогрессивные и регрессивные факторы реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. –№ 1 (36). – С. 70–80.

[4] Задорожная В.А. Содержание принципа ра-

венства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве / В.А. Задорожная // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2006. – № 5 (60). – С. 136–139.

[5] Малахова Л.И. Реализация конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом в уголовном процессе // Правовая наука и реформа юридического образования. – 2013. – № 3 (26). – С. 162–164.

References:

[1] Azarov V.A. Justice as the Fundamental Basis of Equality of All Before the Law and the Court in Criminal Procedure in Russia // Bulletin of Tomsk State University. Law. -2022. - No. 43. - Pp. 5-20.

[2] Bezrukov S.S. The Category of Equality of All Before the Law and the Court in Modern Criminal Procedure in Russia // Justice and Equality in Criminal Proceedings: Collection of Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference: In 2 Parts. St. Petersburg, March 20-21, 2015 - St. Petersburg, 2016. - Pp. 11-20.

[3] Zadorozhnaya V.A. Progressive and Regressive Factors in the Implementation of the Principle of Equality of All Before the Law and the Court in Criminal Procedure // Law and Order: History, Theory, Practice. - 2023. - No. 1 (36). - P. 70-80.

[4] Zadorozhnaya V.A. The Content of the Principle of Equality of All Before the Law and the Court in Criminal Proceedings / V.A. Zadorozhnaya // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. – 2006. – No. 5 (60). – P. 136–139.

[5] Malakhova L.I. Implementation of the Constitutional Principle of Equality of Citizens Before the Law and the Court in Criminal Proceedings // Legal Science and Reform of Legal Education. – 2013. – No. 3 (26). – P. 162–164.

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

МАТУШКИНА Анастасия Александровна,
аспирант,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
Саратов, Россия,
e-mail: Anastasiamatu4kina@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается комплексный подход к обеспечению безопасности личности в Российской Федерации как ключевой функции правового государства. Анализируется конституционная основа этого права, его закрепление в уголовном законодательстве и стратегических документах в области национальной безопасности. Основное внимание уделяется уголовно-правовым механизмам защиты, в частности, институту необходимой обороны. Подчеркивается эволюция его применения благодаря разъяснениям Верховного Суда РФ, которые расширили права граждан на самозащиту и скорректировали судебную практику в их пользу. Особо выделяется системная проблема недостаточной защиты жертв домашнего насилия, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и формирования последовательной государственной политики в этой сфере.

Ключевые слова: безопасность личности, публично-правовые механизмы, превентивная деятельность, права и свободы человека, национальная безопасность, правоприменительная практика.

MATUSHKINA Anastasia Aleksandrovna,
Postgraduate Student,
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia

STATE AND CRIMINAL LAW MECHANISMS FOR ENSURING PERSONAL SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL FOUNDATIONS AND SOME PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Annotation. The article examines a comprehensive approach to ensuring personal security in the Russian Federation as a key function of the rule of law. It analyzes the constitutional basis of this right, its consolidation in criminal legislation, and strategic documents in the field of national security. The focus is on criminal law mechanisms of protection, particularly the institution of necessary defense. The evolution of its application is highlighted, thanks to the clarifications provided by the Supreme Court of the Russian Federation, which have expanded the rights of citizens to self-defense and adjusted judicial practice in their favor. The systemic problem of insufficient protection for victims of domestic violence is particularly highlighted, indicating the need for further improvement of legislation and the development of consistent state policy in this area.

Key words: personal security, public law mechanisms, preventive activities, human rights and freedoms, national security, and law enforcement practices.

Безопасность личности в широком смысле означает состояние защищенности жизненно важных интересов человека от внутренних и внешних угроз, при котором отсутствует опасность для жизни, здоровья, свобод и достоинства личности [11, ст.2]. Обеспечение безопасности личности – одна из ключевых функций правового государства. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их защиту – обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ). В соответствии со статьей 45 (ч. 2) Конституции

каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [3]. Данное конституционное положение закладывает основу для правового института самозащиты, гарантируя гражданину право на оборону от противоправных посягательств.

Обеспечение безопасности граждан представляет собой одну из фундаментальных задач, закрепленных в российском законодательстве. Данный принцип находит прямое отражение в Уголовном кодексе РФ (УК РФ), поскольку его предназначением является охрана наиболее зна-

чимых общественных ценностей: прав и свобод личности, собственности, общественного порядка и конституционного строя. Функция защиты реализуется через конкретные правовые нормы, которые устанавливают строгую ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, честь и достоинство личности.

Федеральный закон «О безопасности» № 390-ФЗ (2010) закрепляет правовые основы обеспечения безопасности личности, общества и государства и определяет систему безопасности и ее функции [11]. Этот закон относит безопасность личности к числу приоритетных направлений государственной политики в области национальной безопасности. Кроме того, Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ № 400 от 02.07.2021) также исходит из необходимости защиты национальных интересов Российской Федерации путем обеспечения безопасности личности, общества и государства [10]. Эти стратегические документы подчеркивают, что защищенность личности – необходимое условие устойчивого развития общества и государства.

Государство охраняет безопасность личности через систему правовых механизмов. К ключевым из них относятся уголовно-правовая охрана, превентивная деятельность полиции, а также право граждан на необходимую оборону. Уголовное законодательство, как отмечалось, ставит задачей предупреждение преступлений и неотвратимость наказания виновных. В 2023 году органами внутренних дел было раскрыто почти миллион преступлений, при этом раскрываемость тяжких преступлений против личности (убийства, тяжкий вред здоровью, изнасилования) превышала 96% [6]. Эти цифры свидетельствуют о значимых усилиях правоохранительных органов по реализации принципа неотвратимости наказания и, в конечном счете, по защите граждан от преступных посягательств. Одним из принципов обеспечения безопасности является и профилактика правонарушений: согласно официальным данным МВД, часть преступлений (более 6%) удается пресечь еще на стадии приготовления, благодаря превентивной работе полиции. Тем не менее, несмотря на общий тренд снижения уровня зарегистрированной преступности (в 2023 г. число преступлений против личности сократилось на 5,3%), проблема преступных посягательств на жизнь и здоровье граждан сохраняет остроту.

Необходимая оборона является фундаментальным элементом системы личной безопасности. Закрепленное в ст. 37 УК РФ право позволяет гражданину дать отпор преступному посягательству, причиняя вред нападающему при защите себя и других лиц. Указанное право представляет собой важную юридическую гарантию возможности защищать своими интересами и правами любыми не запрещенными законом методами. По разъяснениям Верховного суда РФ, норма о необходимой обороне призвана защитить права граждан

от преступлений, играя критическую роль в обеспечении их безопасности [6]. В связи с этим судебной практике необходимо ориентироваться на поддержку правомерной обороны, способствовать защите прав лиц, действовавших в этом состоянии, и исключить необоснованное уголовное преследование обороняющихся.

Институт необходимой обороны традиционно вызывает дискуссии и сложности на практике. Несмотря на четкое законодательное регулирование (ст. 37 УК РФ), до недавнего времени существовала проблема излишне строгого подхода судов к оцениваемым действиям обороняющихся граждан. Нередки были случаи, когда лица, защищавшие свою жизнь или жилище от нападения, сами привлекались к уголовной ответственности за превышение пределов обороны. Как отмечают специалисты, обороняющийся нередко рисковал оказаться на скамье подсудимых вместо настоящих преступников [7]. Такая ситуация во многом обусловлена отсутствием конкретизации ряда положений ст. 37 УК РФ и не единообразной судебной практикой, когда следственные органы и суды зачастую игнорировали признаки необходимости обороны в действиях обвиняемых.

Верховный Суд Российской Федерации предпринял шаги для исправления данной ситуации. Постановлением Пленума ВС РФ № 19 от 27.09.2012 г. (в ред. от 31.05.2022 г.) были даны разъяснения по применению законодательства о необходимой обороне, существенно уточненные и дополненные в 2022 году. В частности, расширен перечень ситуаций, при которых причинение вреда нападающему признается правомерным. Незаконное проникновение в жилище против воли проживающего теперь прямо отнесено к виду посягательств, от которых допускается обороняться, даже если такое проникновение не сопряжено с угрозой жизни. Верховный Суд разъяснил, что состояние необходимой обороны может иметь место и при наличии реальной угрозы нападения, когда защитные действия предприняты непосредственно перед посягательством для его предотвращения. Таким образом, обороняться дозволено не только в момент нападения, но и в преддверии явно неминуемой атаки – если, например, агрессор высказывает угрозы немедленного насилия и создает у обороняющегося обоснованные опасения за свою жизнь.

В разъяснениях 2022 года также введено важное положение о недопустимости перекладывания бремени доказывания на обороняющегося. Пленум ВС указал, что при разбирательстве дел суды обязаны исходить из презумпции невиновности в пользу лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии обороны. Подсудимый не обязан доказывать правомерность своих действий; напротив, именно обвинение должно доказать отсутствие условий обороны либо явное их превышение. Все неустранимые сомнения должны трактоваться в пользу обороняющегося.

Такое прямое напоминание о базовых принципах уголовного процесса было вызвано тем, что на практике нередко защита была вынуждена доказывать факт самообороны, а следствие – игнорировало обстоятельства, указывающие на защитный характер действий обвиняемого.

Эксперты позитивно оценили внесенные изменения, называя их устранением «системных дефектов правоприменения» в данной сфере [7]. Отдельного внимания заслуживает домашнее насилие как одна из наиболее распространенных и опасных угроз безопасности личности. Насилие в семье представляет прямую угрозу жизни и здоровью граждан, прежде всего женщин и детей, однако российская правовая система до сих пор не выработала эффективного механизма противодействия этому явлению. Эксперты и международные инстанции указывают, что нынешнее законодательство РФ не обеспечивает должной защиты жертв домашнего насилия.

Анализ показал, что в сфере защиты безопасности личности в современной России накопились значимые проблемы правоприменения. С одной стороны, создана разветвленная система нормативных актов, признающих приоритет защиты личности: Конституция гарантирует государственную охрану прав и свобод, уголовное законодательство строго наказывает посягательства на жизнь и здоровье, полиция наделена обязанностями и полномочиями по защите граждан. С другой стороны, реальная эффективность этих норм во многом зависит от практики их применения. Ключевые трудности возникают там, где требуется тонкий баланс прав и интересов.

Во-вторых, остро стоят вопросы, связанные с фактической защищенностью уязвимых категорий граждан – прежде всего жертв домашнего насилия. Здесь пробелы законодательства (отсутствие отдельного закона и особых составов) усугубляются недостатками применения имеющихся норм. Международные органы и отечественные эксперты едины во мнении, что без специального правового регулирования эффективность борьбы с домашним насилием остается низкой. Необоснованное перекладывание ответственности на саму жертву (через механизм частного обвинения) противоречит самой идее государств-обязанности по защите своих граждан. Предпринимаемые шаги – обсуждение законопроектов, инициативы Верховного Суда – пока не реализованы законодательно, что свидетельствует о необходимости политической воли и широкого общественного консенсуса для решения проблемы.

Список литературы:

- [1] Антипова Н. Н. Уголовная ответственность за домашнее насилие в России: особенности правового регулирования / Н. Н. Антипова // Молодой ученый. – 2024. – № 50(549). – С. 178-182.
- [2] Качкынбеков У. А. Безопасность личности

в условиях глобализации / У. А. Качкынбеков // Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева. – 2022. – № 17. – С. 88-93.

[3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – № 237.

[4] Кукина К. О. Право на безопасность личности как объект непоименованных прав Конституции РФ / К. О. Кукина // Права детей - это права человека: Материалы Всероссийской научной студенческой конференции с международным участием, посвященная Всемирному дню ребенка и Всемирному дню прав человека, Новосибирск, 08 ноября 2023 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2024. – С. 112-117.

[5] Никитина Е. Е. Безопасность личности в конституционно-правовом измерении / Е. Е. Никитина // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 8. – С. 33-46.

[6] Пленум ВС РФ скорректировал разъяснения о необходимой обороне [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. – 2022. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/plenum-vs-rf-skorrektiroval-razyasneniya-o-neobkhodimoy-oborone/> (дата обращения: 11.07.2025).

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 11.

[8] Чернышова А. В. Физическая безопасность личности / А. В. Чернышова, И. В. Тюрина // Научные исследования XXI века. – 2022. – № 2(16). – С. 125-129.

[9] Статистические сведения о состоянии преступности в 2023 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2023-godu/> (дата обращения: 11.07.2025).

[10] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 03.07.2021.

[11] Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 2.

[12] Ханова Г. Р. Домашнее насилие, проблемы криминализации и идеи предупреждения / Г. Р. Ханова // Аллея науки. – 2024. – Т. 1, № 10(97). – С. 534-538.

References:

- [1] Antipova N. N. Criminal liability for domestic violence in Russia: features of legal regulation / N. N. Antipova // Young scientist. - 2024. - No. 50 (549). - Pp. 178-182.

[2] Kachkynbekov U. A. Personal security in the context of globalization / U. A. Kachkynbekov // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after Kazy Dikambaev. - 2022. - No. 17. - Pp. 88-93.

[3] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta. - 1993. - Dec 25. - No. 237.

[4] Kukina K. O. The Right to Security of the Person as an Object of Unspecified Rights of the Constitution of the Russian Federation / K. O. Kukina // Children's Rights Are Human Rights: Proceedings of the All-Russian Scientific Student Conference with International Participation, Dedicated to World Children's Day and World Human Rights Day, Novosibirsk, November 8, 2023. - Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management «NINH», 2024. - Pp. 112-117.

[5] Nikitina E. E. Personal Security in the Constitutional and Legal Dimension / E. E. Nikitina // Journal of Russian Law. - 2022. - Vol. 26, No. 8. - Pp. 33-46.

[6] The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation adjusted the clarifications on necessary defense [Electronic resource] // Advocate Newspaper. - 2022. - URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/plenum-vs-rf-skorrektiroval-razyasneniya-o-neobkhodimoy-oborone/> (date

accessed: 11.07.2025).

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 No. 19 (as amended on 31.05.2022) «On the application by the courts of the legislation on necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2012. - No. 11.

[8] Chernyshova A. V. Physical Security of the Individual / A. V. Chernyshova, I. V. Tyurina // Scientific Research of the 21st Century. - 2022. - No. 2 (16). - P. 125-129.[9] Statistical information on the state of crime in 2023 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2023-godu/> (date accessed: 11.07.2025).

[10] Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. - 03.07.2021.

[11] Federal Law of 28.12.2010 No. 390-FZ «On Security» // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2011. - No. 1. - Art. 2.

[12] Khanova G. R. Domestic Violence, Problems of Criminalization and Ideas of Prevention / G. R. Khanova // Alley of Science. - 2024. - Vol. 1, No. 10 (97). - P. 534-538.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ТЕОРИЯ И СИСТЕМА ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-1-23-25

ДЕХАНОВ Сергей Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры конституционного и гражданского права
Государственного университета просвещения,
профессор кафедры гражданского права
Российской таможенной академии,
Москва, Россия,
e-mail: daad95@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ДЕОНТОЛОГИЯ: КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье анализируется опыт становления и развития медицинской и юридической деонтологии. Формой выражения медицинской и юридической деонтологии являются кодексы профессионального поведения (клятва Гиппократова; Декларация о независимости, о профессиональной свободе врача; Кодекс профессиональной этики адвокатов). Принимая кодекс профессионального поведения, юристы и медики должны располагать или создавать необходимые механизмы контроля за его соблюдением. Одним из видов такого контроля может быть институт комплаенса.

Ключевые слова: право, медицина, профессия врача, деонтология, клятва Гиппократова, комплаенс.

DEKHANOV Sergey Aleksandrovich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor in the Department of Constitutional and Civil Law
at the State University of Education,
Professor in the Department of Civil Law
at the Russian Customs Academy,
Moscow, Russia

LEGAL AND MEDICAL DEONTOLOGY: A BRIEF COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article analyzes the experience of the formation and development of medical and legal deontology. The form of expression of medical and legal deontology is the codes of professional conduct (the Hippocratic Oath; the Declaration on the Independence and Professional Freedom of Physicians; the Code of Professional Ethics for Lawyers). When adopting a code of professional conduct, lawyers and physicians must have or create the necessary mechanisms for monitoring its compliance. The institution of compliance is such a mechanism.

Key words: law, medicine, medical profession, deontology, Hippocratic oath, compliance.

Нет более нужной и интересной профессии, чем профессия врача, но и юристы в течение веков гордо несут свое знамя, на котором написано, что право – это искусство добра и справедливости.

Какие же факторы позволяют и, медикам и юристам, быть на высоте общественного признания?

Прежде всего то, что эти профессии относятся к классическим свободным профессиям. По своему составу и юридические, и медицинские профессии сложны и многообразны. Согласно социологическим исследованиям, самой юридической профессией является профессия

адвоката. В пользу адвоката высказались 42% респондентов, 23% считают самой юридической профессией профессию судьи, 13% – вольного юриста, 8% – прокурора, 7% – юрисконсульта, 2,9% – нотариуса.

Поэтому в данной статье, прежде всего, речь будет идти об этических стандартах адвоката.

Что касается медиков, то респонденты следующим образом выстроили иерархию востребованности медицинских профессий (направлений):

1. Педиатр.
2. Отоларинголог.
3. Офтальмолог.
4. Терапевт.

5. Фельдшер.
6. Медицинская сестра.
7. Хирург.
8. Анестезиолог.
9. Клинический психолог.
10. Эндокринолог.

Традиционно, общество предоставляет членам свободных профессий большую автономию, чем представителям других профессий, дает им право устанавливать свои собственные правила поведения, регулировать доступ в свою специальность, вводить для своих членов дисциплинарные нормы.

Однако в обмен на такую более широкую автономию от членов свободных профессий ожидают служения на благо общества, установления для своих членов более строгих правил поведения, соблюдения более строгой дисциплины.

Предоставляемая обществом уступка свободной профессии заключается в том, что оно ослабляет общественный контроль над нею при условии, что она *саморегулирует и самодисциплинирует свою деятельность*.

Саморегулирование происходит на основе правил профессионального поведения (деонтологических норм), содержащихся в кодексах профессиональной этики или деонтологических кодексах.

Понятие «деонтологии» (от греческих слов «deon» – долг, должный, надлежащий и «logos» – наука) как учение о правильном и должном было создано в 1834 г. И.Бентамом, и оно тесно связано с моралью и этикой [2; 3, с. 54-58].

Деонтология – это профессиональная требовательность некоего сообщества, которая предполагает разные санкции к своим членам в зависимости от способов осуществления той или иной деятельности.

Однако задолго до Бентама медиками былработан свой кодекс профессионального поведения, выраженный в клятве Гиппократата: «Клянусь Аполлоном, врачом Асклепием, Гигеей и Панакеей, всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство»:

- считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями;
- делиться с ним своими недостатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах;
- его потомство считать своими братьями;
- наставления, устные уроки и всё остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому» [5].

Первоначальный вариант клятвы запрещал врачу содействовать аборту и самоубийству.

Клятва Гиппократата, очевидно, является первым историческим источником, который служит основанием для современных кодексов врачеб-

ного профессионального поведения.

Так, например Декларация о независимости о профессиональной свободе врача 1986 г, провозглашает следующие принципы:

- «- принцип соблюдения независимости и профессиональной свободы врача,
- принцип признания и поддержания права пациента,
- принцип охраны и защиты независимости профессиональных медицинских и этических решений врача,
- медицинской тайны» [6].

Базовыми принципами профессиональной этики адвоката являются также принципы независимости, несовместимости должностей, адвокатской тайны.

Возвращаясь к Декларации о независимости о профессиональной свободе следует выделить еще несколько важных положений:

Первое: к врачам не может предъявляться требование о проведении государственной или социальной политики при распределении недостаточных ресурсов системы здравоохранения. Такое требование привело бы к созданию конфликта с обязательствами врача перед пациентом и серьезному нарушению принципа профессиональной независимости врача.

Несмотря на то, что врачи должны знать реальную стоимость лечения и прилагать все усилия к разумному снижению стоимости медицинского обслуживания, приоритетная обязанность врача заключается в представлении и защите интересов больных и пострадавших.

Обеспечивая независимость и профессиональную свободу медицинской практики, общество гарантирует своим гражданам наилучший уровень здравоохранения, что, в свою очередь, способствует становлению сильного и надежного общества.

Данные общие положения конкретизируются в Кодексе профессиональной этики медицинского работника, где подчеркивается, что основная цель медицинского работника – сохранение жизни человека, а ядро системы ценностей медицинского работника составляет пациент, его безопасность.

Раздел 2 Кодекса посвящен взаимоотношению пациента и медицинского работника. Анализ статей кодекса позволяет сделать вывод, что медицинский работник, так же, как и в Кодексе профессиональной этики адвокатов, должен уважать честь и достоинство пациента. Ст. 9 посвящена конфликту интересов, а ст. 10 – врачебной тайне. Именно врачебная тайна, адвокатская тайна и тайна исповеди в деонтологическом измерении ставят профессию врача, священника и адвоката в один ряд.

Что касается юридической деонтологии, то она была оформлена в СССР во второй половине 80-х гг. XX столетия в качестве пропедевтической, вводной учебной дисциплины по инициати-

ве профессора В.М. Горшенева [1].

В самом общем виде юридическую деонтологию необходимо характеризовать как учение о юридических, профессиональных и моральных обязанностях и правилах поведения.

И так же, как у врачей, эти правила должны содержаться в Кодексах профессионального поведения – Деонтологических кодексах.

Каким должен быть Кодекс? Кодекс должен быть регулятивным и целенаправленным.

Включение в него идеалов не возбраняется. Но в нем следует точно определить, какие его положения являются идеалами, а какие носят дисциплинарный, карательный характер.

Кодекс призван защищать общественные интересы и интересы тех, кого профессия обслуживает. Только в том случае, если общество не извлекает выгоды от предоставления профессии автономии, оно должно лишить ее этой привилегии.

Кодекс не должен являться средством самообслуживания профессии. Кодексы не могут быть использованы для служения интересам профессии за счет общества. Положения кодексов, препятствующие конкуренции внутри профессии, обычно не в интересах общества; они направлены на подчеркивание негативных, монополистических свойств профессии.

Кодексы должны быть точно сформулированными и четкими. Автономия предоставляется профессии для минимизации возможных специфических ошибок, недостатков данной профессии – ее темных сторон, неэтичных, хотя и не совсем противозаконных методов.

Кодекс должен быть контролируемым и контролирующим. Если кодекс не содержит положений о предъявлении обвинений и о применении наказаний, он представляет собой не более чем декларацию об идеалах. Если профессия не может всей своей деятельностью доказать, что она контролирует своих членов, то у общества нет оснований верить, что она это делает.

В последнее время помимо обычных деонтологических (кодексов профессионального поведения) кодексов отдельными российскими компаниями были приняты Кодексы искусственного интеллекта.

Принимая кодекс профессионального поведения, юристы и медики должны располагать или создавать необходимые механизмы контроля за его соблюдением. И таким механизмом контроля является институт комплаенса.

Существуют разные определения и оценки института комплаенса, ограничимся самым простым: «комплаенс – это инструмент или механизм этико-нормативного регулирования для эффективного предупреждения, выявления и устранения проблем.»

Применительно к медицине некоторые ученые-юристы, например В.Ф. Попондопуло, Д.А. Петрова сводят институт комплаенса «к согласию пациента на рекомендуемый курс лечения» [4].

Комплаенс (в юриспруденции) – это система управления рисками несоответствия осуществляемой хозяйствующим субъектом деятельности:

1) требованиям нормативных правовых актов, обычаев, обязательных стандартов саморегулируемых организаций,

2) предписаниям контролирующих органов,

3) складывающейся правоприменительной практике,

4) макроэкономическим параметрам и

5) иным значимым для осуществления деятельности факторам.

Таким образом, несмотря на внешние и существенные различия профессии врача и адвоката, есть то, что их объединяет и таким объединительным механизмом являются кодексы профессионального поведения или деонтологические кодексы.

Список литературы:

[1] Горшенев В.М. Юридическая деонтология (Введение в юридическую специальность). Х., 1990.

[2] Организация адвокатуры и профессиональная этика адвокатов в Западной Европе / С. А. Деханов. - Москва : Юрлитинформ, 2012. - 263 с.

[3] Деханов С.А. Антимонопольный комплаенс и деонтология //Право и государство: теория и практика. 2020. № 8(188). С. 54–58.

[4] Попондопуло В.Ф., Петров Д.А. Антимонопольный комплаенс: современное состояние и перспективы //Арбитражные споры. 2019. № 2 (86). С. 55–64.

[5] Энциклопедия лекарств РЛС // URL: <http://Rlsnet.ru> (дата обращения 24.10.2024).

[6] Официальный сайт С.В. Фирстова // URL: <http://svfirstov.ru> (дата обращения 24.10.2024).\

References:

[1] Gorshenev V.M. Legal Deontology (Introduction to the Legal Specialty). Kh., 1990.

[2] Organization of the Bar and Professional Ethics of Lawyers in Western Europe / S.A. Dekhanov. - Moscow: Yurlitinform, 2012. - 263 p.

[3] Dekhanov S.A. Antimonopoly Compliance and Deontology // Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 8 (188). Pp. 54–58.

[4] Popondopulo V.F., Petrov D.A. Antimonopoly Compliance: Current State and Prospects // Arbitration Disputes. 2019. No. 2 (86). Pp. 55–64.

[5] RLS Encyclopedia of Medicines // URL: <http://Rlsnet.ru> (accessed 24.10.2024).

[6] Official website of S.V. Firstov // URL: <http://svfirstov.ru> (accessed 24.10.2024).

БОСОВ Д.В.,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук,
Московский международный университет,
доцент кафедры Социальные отношения,
реклама и связи с общественностью,
Московский технический университет связи и информации,
Москва, Россия,
e-mail: dimabw@mail.ru

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ВЕЛИКОЕ РАСХОЖДЕНИЕ»: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению термина «великое расхождение» и его трактовкам, предложенным основными представителями исторической социологии. В статье рассматриваются определения данного научного понятия, вскрываются идеи основных исторических социологов, предложивших свои критерии для измерения причин, условий и критериев возникновения и развития изучаемого феномена в эпоху промышленной революции и первичной модернизации в экономике и в обществе. В итоге представлены дискуссионные точки зрения о феномене «великое расхождение».

Ключевые слова: великое расхождение, великая дивергенция, «великое чудо», историческая социология, модернизация, капитализм.

BOSOV D.V.,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, Department of Humanities,
Moscow International University,
Associate Professor, Department of Social Relations,
Advertising, and Public Relations,
Moscow Technical University of Communications and Information,
Moscow, Russia

ON THE QUESTION OF THE TERM “THE GREAT DIVERGE”: HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECT

Annotation. The article is devoted to the consideration of the term “great divergence” and its interpretations proposed by the main representatives of historical sociology. The article examines the definitions of this scientific concept, reveals the ideas of the main historical sociologists who proposed their criteria for measuring the causes, conditions and criteria for the emergence and development of the phenomenon under study during the era of the industrial revolution and primary modernization in the economy and society. As a result, controversial points of view about the “great divergence” phenomenon are presented.

Key words: great divergence, great divergence, “great miracle”, historical sociology, modernization, capitalism.

Введение

Проблема исследования: противоречие между изменяющимся содержанием термина «великое расхождение» в социологии истории и отсутствием системного анализа его связи с социокультурными процессами.

Цель исследования

Выявить трансформацию содержания термина «великое расхождение» в социологии истории в его взаимосвязи с социокультурными процессами.

Задачи исследования

Представить и раскрыть разнообразные трактовки термина «великое расхождение»; проанализировать становление и развитие термина «великое расхождение» и его содержания в историко-социологическом ключе; изучить термин «великое расхождение» в рамках дихотомии концепций «евроцентризм-индигенизация» в исторической социологии.

Методы

Исследование использовало методы дискурсивной интерпретации, количественно-каче-

ственного контент-анализа, нарративного, сравнительно-исторического, герменевтического, визуального и компаративистского анализа, метода комментированных первичных текстов.

Результаты

Как известно, термин «великое расхождение», согласно немецкому представителю мирсистемного социологического анализа Андре Франку, в обиход был введен американским политологом и социологом Самюэлем Хантингтоном, хотя еще до этого в 1981 г. близкое к данному термину понятие «великое чудо» использовал Эрик Джонс. Обычно термин «великое расхождение» (или же используется термин «великая дивергенция») описывает процесс, согласно которому Западный мир осуществил мощный прыжок в своем экономическом развитии, добившись могущества и богатства, затмевая при этом таких своих конкурентов, как турецкую Османскую империю, манчжуро-китайскую Великую державу Цинь, японский сегунат Токугава и империю Великих Моголов, вобравшую в себя территорию Индии, Бангладеш и Афганистана. [10, с.171; 11, с.181; 2, с.15].

Предшественник К. Померанца австралийский историк Эрик Джонс в своей известной работе «Европейское чудо: окружающая среда, экономика и геополитика в истории Европы и Азии» (1981) показал тенденции внезапного подъема Запада в эпоху позднего средневековья. По его мнению, именно начало Нового времени и его условия стали трамплином для развития Запада в могущественную цивилизацию, добившись господства в мировой политике и торговле, демонстрируя подобное монопольное положение вплоть до начала XX века, пока не появился Советский Союз [3, с.43; 10, с.174]. Вместе с тем данный опус Джонса не удовлетворил ряд специалистов, которые, подчеркнув выдвинутый тезис Джонса о европейской исключительности, полагая эту работу одной из влиятельных в этом направлении исторической социологии, тем не менее обрушились с критикой на целый ряд выводов автора. К примеру, американский антрополог и критик европоцентризма Джеймс Блаут, именуя книгу «мальчиком для битья» в сфере рассмотрения европоцентристских идей превосходства мира Запада над остальными, обнаружил в работе Джонса аспекты «культурного расизма», о чем позже вторили и немецкий социолог Андре Гаднер Франк, и британский политолог и социолог истории Джон Монтегю Хобсон, и британский историк Кеннет Померанц. [5, с.45-46; 6, с.64; 7, с.125; 8, с.202].

В своем известном труде «Великое расхождение» (2000) американский синолог и социолог истории Кеннет Померанц также рассматривал вопрос о том, почему модернизационный рывок, связанный с успешным переходом к индустриальному обществу состоялся именно в странах

Западной и Северной Европы, и США, а не в странах Востока.

Будучи синологом и зная о специфике развития стран Азии и Африки не понаслышке, Померанц заявлял, что до середины XVIII столетия Восток и Запад практически развивались наравне и даже страны Азии в определенных направлениях обгоняли страны Запада по уровню развития, если приводить пример Китая и Индии. Ученый полагает, что, начиная с середины XVIII в. именно наличие угля как ценного ресурса и топлива в противовес древесному топливу позволило Европе осуществить быстрый переход к технологиям индустриальным как первичной модернизации, что позволило осуществить значительный рывок в совокупности с развитой торговлей и использованием сырьевых ресурсов американского континента. Тем самым Северо-Западная Европа увеличила численность населения, добилась углубления промышленной специализации, высвободила ресурсы труда из сельского хозяйства и использовала их в развитии промышленности, увеличивая импорт, что соблюдалось при ситуации, в которой не осуществлялась максимизация объемов производства. [12, с. 202–203]

Американский экономист и профессор экономической истории Нью-Йоркского университета в Абу-Даби Роберт Аллен, специализирующийся на исследовании таких тематик, как генезис и развитие промышленной революции, а также исторический уровень жизни людей и глобальное развитие экономических процессов, который ввел в научный оборот термин «пауза Энгельса» (пятидесятилетний период с 1790 по 1840 гг., когда зарплата рабочего класса оставалась прежней при мощных тенденциях эскалации роста производства на душу населения в Великобритании), в 2011 г. опубликовал свою работу «Глобальная экономическая история: очень краткое введение» (2011). В ней он утверждал, что причина Великой дивергенции (так он именуется термин «великое расхождение») становится комбинация таких фундаментальных факторов, как благоприятная географическая среда, минимальная барьерность для развития определенных социальных институтов, особенности развития культурных факторов и, наконец, факторы «исторических случайностей» (т.е. то, что можно назвать удачей, случайным благоприятным стечением обстоятельств – курсив мой, Д.Б.). [1, с. 14–16.]

Отечественные исследователи Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев в своей работе «Великая дивергенция и великая конвергенция» (2015), полагают, что «великое расхождение» начинается вовсе не в XVIII в., как полагают их многие зарубежные коллеги, а еще в XV-XVI столетиях, когда согласно исторической хронологии в связи с географическими открытиями, усилением монархической власти до возникновения первых абсолютистских государств в условиях развернувшихся религиозных войн между католиками и

протестантами (Англия, Франция), централизации и центростремительным тенденциям в преодолении раздробленности в необходимости противостоять внешним угрозам принялись развиваться национальные рынки, расти города, производство и торговля как развитие и эскалация ранних капиталистических отношений и капиталистической модернизации. [4, с.221; 9, с. 128]

Заключение

Различные представители и школы исторической социологии предложили свои трактовки понятия «великое расхождения», исходя из акцентирования в рамках тех дисциплин социально-гуманитарного знания, в рамках которых осуществлялась их основная исследовательская деятельность.

Так историк Эрик Джонс, раскрывая содержание термина, подчеркивал его раскрытие во взаимосвязи с процессом перехода от поздне-средневекового общества к раннеиндустриальному капиталистическому, на чем настаивал и историк-востоковед Кеннет Померанц. Абу-Даби Роберт Аллен, будучи экономистом и придерживаясь трактовки термина как «великой дивергенции», отталкивается, в первую очередь, от факторов, максимально пригодных для развитие социально-экономических процессов, а историки и философы истории Леонид Гринин и Алексей Коротаев вновь возвращаются к вопросам трансформации социальных систем в историческом процессе.

Хотя элементарные составные элементы явления в целом исследователями выявлены и рассмотрены, тем не менее вопрос определения генезиса феномена «великое расхождение» остается дискуссионным.

Список литературы:

- [1] Аллен Р. Глобальная экономическая история: Краткое введение / Роберт Аллен. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. — 224 с.
- [2] Босов Д.В., Кулемина Л.Б., Александров А.В. К истокам социологии истории в России: цивилизационная теория Н.Я. Данилевского / Д.В. Босов, Л.Б. Кулемина // Российский экономический вестник. — 2023. — Т. 6. — № 3. — С. 11 – 18.
- [3] Босов Д.В., Кулемина Л.Б. Концепция О. Шпенглера в ракурсе социологии культуры и политики. Часть 1. “Закат Европы”, том 1 / Д.В. Босов, Л.Б. Кулемина // Российский экономический вестник. — 2024. — Т. 7. — № 2. — С. 42-49.
- [4] Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн / Под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, Р. С. Гринберга. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016. — 368 с.
- [5] Смирнов И.Т. Великое расхождение и Малое расхождение как результат совпадения факторов экономического развития / И.Т. Смирнов // Alter Economics. — 2023. — Том 20. — № 2. — с. 291-308.

[6] Травин Д. Я. Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии / Дмитрий Травин. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2024. — 393 с.

[7] Blaut J. Eight Eurocentric Historians / James Morris Blaut. — New York: Gilford Press, 2000. — 228 p.

[8] Blaut J. The Colonizer’s Model of the World: Geographical Diffusionism and Eurocentric History / James Morris Blaut. — New York: Gilford Press, 1993. — 246 p.

[9] Grinin L.E., Korotayev A.V. Great Divergence and Great Convergence: A Global Perspective / L. E. Grinin, A. V. Korotayev. — Heidelberg; New York; London: Springer, 2015. — 261 p.

[10] Jones E. L. The European miracle environments, economies and geopolitics in the history of Europe and Asia / Eric Jones. — 3rd ed. — Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. — 301 p.

[11] Frank A. Review of The Great Divergence / Andre Frank // Journal of Asian Studies. — 2001. — № 60 (1). — Pp.180-182.

[12] Pomeranz K. The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy / Kenneth Pomeranz. — N. J.: Princeton University Press, 2000. — 382 p.

References:

- [1] Allen, R. Global Economic History: A Brief Introduction / Robert Allen. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2013. 224 p.
- [2] Bosov, D.V., Kulemina, L.B., Aleksandrov. To the Origins of the Sociology of History in Russia: N.Ya. Danilevsky’s Civilizational Theory / D.V. Bosov, L.B. Kulemina // Russian Economic Bulletin. — 2023. — Vol. 6. — No. 3. — Pp. 11–18.
- [3] Bosov, D.V., Kulemina, L.B. O. Spengler’s Concept from the Perspective of the Sociology of Culture and Politics. Part 1. “The Decline of Europe”, Volume 1 / D.V. Bosov, L.B. Kulemina // Russian Economic Bulletin. — 2024. — Vol. 7. — No. 2. — Pp. 42-49.
- [4] Crises and Forecasts in Light of Long Wave Theory / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, R. S. Grinberg. Moscow ed. of Uchitel Publishing House, 2016. — 368 p.
- [5] Smirnov I. T. Great Divergence and Small Divergence as a Result of the Coincidence of Economic Development Factors / I. T. Smirnov // Alter Economics. — 2023. — Vol. 20. — No. 2. — Pp. 291-308.
- [6] Travin D. Ya. How the State Grows Rich: A Guide to Historical Sociology / Dmitry Travin. — Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2024. — 393 p.
- [7] Blaut J. Eight Eurocentric Historians / James Morris Blaut. — New York: Gilford Press, 2000. — 228 p.
- [8] Blaut J. The Colonizer’s Model of the World: Geographical Diffusionism and Eurocentric History / James Morris Blaut. — New York: Gilford Press, 1993.

– 246 rubles.

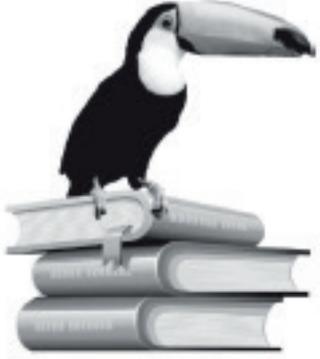
[9] Grinin L.E., Korotayev A.V. Great Divergence and Great Convergence: A Global Perspective / L. E. Grinin, A. V. Korotayev. – Heidelberg; New York; London: Springer, 2015. – 261 p.

[10] Jones E. L. The European miracle environments, economies and geopolitics in the history of Europe and Asia / Eric Jones. – 3rd ed. –

Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – 301 rub.

[11] Frank A. Review of The Great Divergence / Andre Frank // Journal of Asian Studies. – 2001. – No. 60 (1). – pp. 180-182.

[12] Pomeranz K. The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy / Kenneth Pomeranz. – N. J.: Princeton University Press, 2000. – 382 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-1-30-33

ЯМКОВАЯ Ирина Николаевна,
кандидат юридических наук, заместитель декана
ГАОУ ВО ЛО «Гатчинский государственный университет»
Гатчина, Россия,
e-mail: iragorlovka@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Показаны правовые основы охраны результатов интеллектуальной деятельности, анализируются судебные и административные механизмы защиты исключительных прав. Отмечаются проблемы доказательственной базы, пробелы в законодательстве и недостаточная адаптация существующих институтов к вызовам цифровой экономики. На основе трудов отечественных исследователей выделены перспективы совершенствования системы защиты интеллектуальной собственности, включая цифровизацию процедур, развитие международного сотрудничества и внедрение альтернативных способов разрешения споров.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, охрана исключительных прав, судебная защита, административные меры, цифровая экономика.

YAMKOVAYA Irina Nikolaevna,
Candidate of Law, Deputy Dean
Gatchina State University
Gatchina, Russia

FEATURES OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION

Annotation. The article examines the specific features of intellectual property protection in the Russian Federation. It outlines the legal framework for safeguarding the results of intellectual activity and analyzes judicial and administrative mechanisms of rights enforcement. Special attention is given to the problems of evidence collection, legislative gaps, and insufficient adaptation of existing institutions to the challenges of the digital economy. Based on the works of Russian scholars, the paper highlights prospects for improving the system of intellectual property protection, including digitalization of procedures, strengthening international cooperation, and the implementation of alternative dispute resolution methods.

Key words: intellectual property, exclusive rights protection, judicial enforcement, administrative measures, digital economy.

В современных условиях социально-экономического развития институт интеллектуальной собственности приобретает особую значимость для устойчивого функционирования инновационной экономики. Для России проблема обеспечения эффективных механизмов охраны и защиты интеллектуальных прав остаётся одной из наиболее дискуссионных как в правовой доктрине, так и в практике правоприменения. Расширение цифрового пространства, трансграничный характер обмена результатами интеллектуальной деятельности, рост числа споров, связанных с нарушением исключительных прав, требуют формирования комплексной системы правовой защиты, способной адаптироваться к новым вызовам.

По мнению В.В. Лихолетова, интеллектуальная собственность выполняет функцию своеобразно-

го «ресурса развития», определяя конкурентоспособность не только отдельных компаний, но и государства в целом [6, с. 17]. В этих условиях цивилистическая доктрина обращает особое внимание на специфику правового регулирования, поскольку защита имущественных и личных неимущественных прав авторов требует особых процедур и инструментов.

В российской науке сформировались разные подходы к пониманию категории «защита интеллектуальной собственности». Одни исследователи акцентируют внимание на судебных формах защиты, другие рассматривают административные и альтернативные механизмы. При этом, как отмечает А.К. Жарова, специфика правовой охраны в данной сфере определяется уникальной природой объекта: интеллектуальный результат

не имеет материального выражения, а потому подвержен наиболее интенсивному нарушению [4, с. 64].

Следует учитывать, что в национальной системе права закреплён широкий перечень объектов интеллектуальной собственности: произведения науки, литературы и искусства, изобретения, товарные знаки, программы для ЭВМ и базы данных. Каждая категория обладает собственной спецификой правовой охраны. Нормативная база представлена в первую очередь четвёртой частью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также федеральными законами и международными договорами, ратифицированными Россией.

Современные тенденции показывают, что проблемы защиты интеллектуальной собствен-

ности всё чаще смещаются в сферу цифровой экономики. По наблюдениям О.К. Давыдовой, интернет-пространство стало ключевой средой, где фиксируются нарушения исключительных прав, что требует как технических решений, так и новых правовых механизмов [3, с. 465].

В этой связи статья направлена на комплексный анализ особенностей защиты интеллектуальной собственности в России, выявление специфики судебных и административных способов охраны, а также рассмотрение проблем и перспектив развития правоприменительной практики.

Нормативная база защиты интеллектуальной собственности в России представлена в таблице 1.

Таблица 1. Нормативная база защиты интеллектуальной собственности в России

Нормативный акт	Краткая характеристика	Практическое значение
Гражданский кодекс РФ (часть IV)	Системное регулирование прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации	Определяет перечень объектов охраны и способы защиты
Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»	Устанавливает режим охраны данных в цифровой среде	Имеет значение при защите прав на программы для ЭВМ и базы данных
Международные договоры (Бернская конвенция, Парижская конвенция, Договор ВОИС по авторскому праву)	Гармонизируют национальную систему с международными стандартами	Обеспечивают признание охраны на территории стран-участниц

Анализ приведённых норм позволяет заключить, что российская система защиты интеллектуальной собственности строится на сочетании национального регулирования и международных обязательств. Кодификация норм в рамках Гражданского кодекса позволила унифицировать регулирование, однако практика применения демонстрирует наличие ряда пробелов. Прежде всего это касается цифровых объектов, а также вопросов соотношения национальных правил с положениями договоров Евразийского экономического союза.

Судебный порядок традиционно считается основным инструментом защиты интеллектуальных прав в России. Он обеспечивает восстановление нарушенных интересов автора или правообладателя посредством вынесения обязательного решения. Как отмечает Т.Т. Алиев, специфика судебной процедуры заключается в необходимости установить факт нарушения, идентифицировать объект и доказать исключительное право на него, что требует особых юридико-технических знаний [1, с. 71].

В последние годы наблюдается рост числа

дел, рассматриваемых судами по искам правообладателей. Это связано не только с увеличением числа нарушений, но и с расширением понимания объектов интеллектуальной собственности. Судебная практика показывает, что наиболее часто оспариваются нарушения авторских прав, прав на товарные знаки и патенты.

Важное значение имеет позиция В.А. Анянueva, подчеркивающего, что судебная защита предполагает не только применение традиционных способов, таких как взыскание убытков или компенсации, но и использование специальных средств: изъятие контрафактных товаров, публикация решения суда в средствах массовой информации, приостановление незаконного использования объектов [2, с. 27]. Эти меры носят не только компенсаторный, но и превентивный характер, формируя культуру уважения интеллектуальных прав.

Наряду с судебным порядком активно используется административный способ защиты. Он реализуется через обращения в федеральные органы исполнительной власти — прежде всего в Роспатент и Федеральную антимонопольную

службу. По мнению А.К. Жаровой, административный механизм отличается оперативностью и позволяет пресекать нарушения на ранних стадиях, однако он не всегда способен обеспечить полноценное восстановление имущественных прав [4, с. 146].

Особое внимание заслуживает практика применения мер таможенного контроля в целях защиты интеллектуальной собственности. В соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС и национальными нормативными актами, ввоз товаров, нарушающих исключительные права, может быть пресечён на границе. Это придаёт правовой охране комплексный характер, обеспечивая её эффективность в условиях глобализации рынка.

Несмотря на наличие развитого институционального механизма, в российской правоприменительной практике сохраняются сложности, связанные с доказательственной базой. Как отмечает С.В. Лаврова, одной из проблем является отсутствие единых методических подходов к идентификации нарушений исключительных прав в цифровой среде [5, с. 29]. Кроме того, затруднено применение мер самозащиты, которые формально закреплены в ГК РФ, но редко находят отражение в судебных решениях.

Для понимания реальной практики рассмотрим распределение способов защиты интеллектуальных прав в России в таблице 2.

Таблица 2. Основные способы защиты интеллектуальной собственности в судебной и административной практике

Способ защиты	Применение в судебной практике	Применение в административной практике
Взыскание убытков или компенсации	Наиболее распространённый способ защиты, особенно при нарушении авторских и смежных прав	Отсутствует, не входит в компетенцию органов
Прекращение противоправных действий	Обеспечивается судебным решением о запрете использования объекта	Может обеспечиваться предписаниями ФАС или актами Роспатента
Изъятие контрафактных товаров	Применяется в отношении материальных носителей контрафакта	Реализуется через меры таможенного контроля
Публикация судебного решения	Используется в целях восстановления репутации правообладателя	Не применяется
Приостановление действия незаконных регистраций	Вынесение судебных решений о недействительности регистрации	Возможность аннулирования решения Роспатента по жалобе заинтересованного лица

Анализ данных показывает, что судебные способы защиты остаются более эффективными в части имущественного возмещения, тогда как административные меры выполняют функцию профилактики и ограничения оборота контрафакта. Их сочетание формирует комплексную систему, позволяющую реагировать на различные типы нарушений.

Современная практика демонстрирует необходимость гармонизации процедур, поскольку наличие параллельных механизмов защиты нередко приводит к коллизиям. Например, признание незаконной регистрации товарного знака в административном порядке не всегда влечёт автоматическое прекращение споров в судах. Это свидетельствует о недостаточной согласованности институтов, что снижает предсказуемость правоприменения [7, с.204].

Проведённое исследование позволяет заключить, что особенности защиты интеллектуальной собственности в России определяются сочетанием судебных и административных способов охра-

ны, а также наличием специфических проблем, связанных с цифровой средой и международным взаимодействием. Судебные механизмы демонстрируют эффективность в части компенсации убытков, однако их сложность и продолжительность нередко снижают привлекательность для правообладателей. Административные меры, напротив, позволяют оперативно реагировать на нарушения, но редко обеспечивают полное восстановление нарушенных имущественных прав.

Ключевыми проблемами выступают недостаточная адаптация законодательства к новым технологиям, пробелы в доказательственной практике, а также низкий уровень правовой культуры в сфере интеллектуальных прав. Перспективы развития связаны с цифровизацией процедур защиты, укреплением международного сотрудничества и развитием альтернативных способов разрешения споров.

Согласимся с позицией, что интеллектуальная собственность становится одним из главных факторов конкурентоспособности государства.

В этой связи совершенствование системы её защиты должно рассматриваться как приоритетное направление государственной политики.

Список литературы:

[1] Алиев Т. Т. Особенности реализации судебного порядка защиты интеллектуальной собственности // Проблемы научной мысли. — 2023. — Т. 4, № 6. — С. 70-73.

[2] Ананьев В. А. Особенности судебной защиты прав интеллектуальной собственности // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития. — Курск: Университетская книга, 2023. — С. 26-28.

[3] Давыдова О. К. Особенности защиты гражданских прав в сфере интеллектуальной собственности в сети Интернет // Молодой ученый. — 2024. — № 49(548). — С. 464-466.

[4] Жарова А. К. Интеллектуальное право. Защита интеллектуальной собственности. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2025. — 381 с.

[5] Лаврова С. В. Особенности исключительных прав, возникающих на охраняемые объекты интеллектуальной собственности, способы их защиты и самозащиты // Юрист. — 2024. — № 7. — С. 28-33.

[6] Лихолетов В. В. Экономико-правовая защита интеллектуальной собственности. — М.: Юрайт, 2025. — 191 с.

[7] Меццержакова К. Н. Особенности охраны и защиты прав на интеллектуальную собственность в России и за рубежом // Гражданские правоотношения в цифровой среде: вопросы теории и

практики. — СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. — С. 203-207.

References:

[1] Aliyev T. T. Features of the implementation of the judicial procedure for the protection of intellectual property // Problems of scientific thought. - 2023. - Vol. 4, No. 6. - Pp. 70-73.

[2] Ananyev V. A. Features of judicial protection of intellectual property rights // Study of the innovative potential of society and the formation of directions of its strategic development. - Kursk: University book, 2023. - Pp. 26-28.

[3] Davydova O. K. Features of the protection of civil rights in the field of intellectual property on the Internet // Young scientist. -2024. - No. 49 (548). - Pp. 464-466.

[4] Zharova A. K. Intellectual law. Protection of intellectual property. - 6th ed., revised and enlarged. - M.: Yurait, 2025. - 381 p.

[5] Lavrova S. V. Features of exclusive rights arising on protected objects of intellectual property, methods of their protection and self-defense // Jurist. - 2024. - No. 7. - Pp. 28-33.

[6] Likholetov V. V. Economic and legal protection of intellectual property. - M.: Yurait, 2025. - 191 p.

[7] Meshcheryakova K. N. Features of the protection and defense of intellectual property rights in Russia and abroad // Civil legal relations in the digital environment: issues of theory and practice. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. - Pp. 203-207.

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-1-34-38

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,

доктор юридических наук,
профессор кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
Москва, Россия,
e-mail: info@mail.ru

СЕРВИТУТ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Аннотация. Автор рассматривает сервитуты как правовую категорию в историческом и теоретическом аспектах, определяя характерные черты и признаки, выделяющие их в отдельную группу внутри категории вещных прав. Исследуя существующие классификации сервитутов, автор предлагает в процессе реформы вещных прав восполнить существующий пробел законодательства включением отрицательного сервитута как инструмента сохранения качества вещи путем ограничения действий с соседними объектами недвижимости.

Ключевые слова: вещное право, сервитуты, отрицательные сервитуты, публичный и частный сервитут, ограниченные вещные права, соседние объекты недвижимости.

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,

Doctor of Law, Professor,
Department of State and Criminal Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

SERVITUDE AS A LEGAL STRUCTURE

Annotation. The author examines servitudes as a legal category in historical and theoretical aspects, defining the characteristics and features that distinguish them as a separate group within the category of property rights. By exploring existing classifications of servitudes, the author suggests that the existing legal gap can be filled by incorporating negative servitudes as a tool for preserving the quality of a property by restricting actions with neighboring properties.

Key words: property rights, easements, negative easements, public and private easements, limited property rights, neighboring properties.

Сервитуты составляют основной массив вещных прав и как таковые возникли на раннем этапе развития общества в качестве инструментов эффективного хозяйствования при использовании основного существовавшего на тот момент актива - земли, а также «устроения нормального человеческого общежития» [1, с. 25]. Основопологающим в этом случае выступает принцип «vicinitas», который переводится как «соседство» и закрепляет правило: земельные участки, в отношении которых устанавливается земельный или иначе говоря «предиальный» сервитут должны располагаться рядом и оказывать влияние друг на друга - улучшать свойства либо устранять недостатки.

Принято считать, что сервитут как юридическая конструкция возник и «пришел» из римского права. Так, в частности, в римском праве права

пользования вещами определялись как личные сервитуты и именовались «servitus personarum», которые относились исключительно к предиальным сервитутам. Предиальные сервитуты разделялись на: «три сервитута дорожных (iter - право прохода через чужой участок, actus - право прохода и прогона скота, via - право прохода, прогона и проезда вообще; каждый последующий сервитут включает в себя и предыдущий) и один сервитут воды (aquaeductus - право провести воду из чужого участка)» [2].

Представления римских юристов фактически сформировали правовые концепции в отношении различных правовых категорий во всех существующих системах права. Так, адаптация римского права под континентальную правовую систему была впервые осуществлена немецкими пандектистами, определившими, что органич-

ные вещные права представляют собой некое «слабое, вторичное право по отношению к праву собственности». Такое мнение существовало и в российском дореволюционном праве [3].

В Своде законов Российской Империи, в десятом томе которого содержались положения о вещных правах, раздел «*jura in re aliena*», как таковой в нем отсутствовал (в сравнении с Кодексом Наполеона), но имелись следующие статьи: «о полном праве собственности», «о неполном праве собственности», «о пожизненном владении», «о праве пользования», «о залоге». Таким образом, как следует заметить, понятие сервитута как такового в Своде отсутствовало, но он существовал фактически. Отечественном праве в тот период сервитут существовал в качестве «прав участия частного в пользовании и выгодах чужого имущества» и «прав угодий». Следующим этапом развития отечественного законодательства должно было стать Гражданское уложение. Так, Проект Гражданского уложения, созданный в 1902 году, уже содержал в себе раздел вещных «вотчинных» прав, состоящий из положений о: «праве собственности, праве в чужом имуществе, залоге и закладе» [4].

Ввиду Первой мировой войны и последующей начавшейся революции, Гражданское уложение так и не было принято. После установления советской власти директом Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 8 ноября (26 октября) 1917 г. «О земле» [5] появилась «государственная монополия на землю», ввиду чего фактическая частная хозяйственная деятельность практически перестала быть возможна. Так, в 1922 году В.И. Ленин указал комиссии, которая составляла Гражданский кодекс РСФСР: «Расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые» отношения; расширить право государства отменять «частные» договоры» [5].

Появившийся в 1922 году Гражданский Кодекс РСФСР еще содержал в себе вещные права, а именно право собственности, право застройки и залог имущества, но в последующем они, также как и сервитуты, (за исключением права собственности) просто прекратили свое существование.

После распада СССР, в законодательство Российской Федерации такие вещные права как сервитуты были возвращены.

Так, в действующем ГК РФ содержатся статьи (274-277 ГК РФ): «право ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут)», «сохранение сервитута при переходе прав на земельный участок», «прекращение сервитута», «обременение сервитутом зданий и сооружений». Помимо в ГК РФ нормы о сервитутах содержатся в Земельном кодексе Российской Федерации (далее – ЗК РФ), а также в ряде специальных законов.

Как указывают цивилисты, данные обремене-

ния делятся на типы в зависимости от воздействия, применяемого при их установлении: диспозитивные, императивные и диспозитивно-императивные [6].

Как определено положениями ст. 274 ГК РФ, частный сервитут может быть установлен «в отношении собственника земельного участка для его нужд», то есть определенного лица. При этом, перечень «нужд» не содержит исчерпывающий перечень: «для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок, строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, не препятствующих использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием, а также других нужд». Ограничением, в данном случае, выступает лишь то, что данные нужды «не могут быть обеспечены без установления сервитута».

Таким образом, данный сервитут «связан с определенным лицом», невозможно изменение этого лица, но направлен он на имущество.

Между тем, законодателем четко очерчен перечень, в соответствии с которым может быть установлен «сервитут в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности».

Разновидностью частного сервитута следует определить так называемый «дорожный сервитут». В частности, в соответствии со ст. 25 Федерального закона от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: «в отношении земельных участков в границах полосы отвода автомобильной дороги, предназначенных для размещения объектов дорожного сервиса, для установки и эксплуатации рекламных конструкций, допускается установление сервитутов в порядке, установленном гражданским законодательством и земельным законодательством, с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей» [7]. Таким образом, специальными законами могут быть установлены отдельные, специальные виды частных сервитутов с четко определенным основанием и целями их установления.

Что же касается публичных сервитутов, то они определяются как сервитуты, которые устанавливаются в пользу неопределенного круга лиц. В положениях ст. 23 и 39.37 ЗК РФ законодатель привел перечень целей, по которым может быть установлен такой вид сервитутов. Все эти цели связаны с потенциальными потребностями неопределенного круга лиц.

По сравнению с выводами цивилистов дореволюционного права у современных исследователей сформировался совершенно иной подход к пониманию сути сервитута. Е.А. Суханов отметил, что сервитуты и право собственности не являются конкурирующими правами: установление сервитута не отрицает право собственности как

такое, но затрагивает (не в большей степени, чем физические свойства участка) возможности отправления некоторых правомочий собственника [8].

Помимо прочего в современном законодательстве Российской Федерации наблюдается «эластичность права собственности», оно занимает максимально возможный объем, в то время как ограниченное вещное право имеет рамки, очерченные при его установлении, которые не могут быть изменены без создания специального изменяющего акта. Таким образом, органичное вещное право не является «вторичным правом» по отношению к праву собственности, наоборот, как отмечал исследователь: «Само право собственности на землю в современных правопорядках подвергается настолько серьезным ограничениям, что по своему юридическому содержанию становится скорее типичным ограниченным вещным правом, нежели традиционно понимаемым широким правом собственности» [8]

Для того, чтобы сформулировать понятие «сервитут» следует выделить его характерные признаки, свойства и аспекты. Монахов Д.А. выделяет следующие свойства сервитута:

- пользование чужой вещью в каком-либо известном отношении;

- сервитут не может быть обременен иным сервитутом», так как о своей природе он выступает «правом на вещь, а не на право на нее;

- сервитут не может быть установлен на собственную вещь, а только на чужую. Однако исследователь отмечает, что данное свойство несколько ослаблено нормами действующего ГК РФ. Так, в частности, подобного прямого запрета не предусмотрено, в то время как положениями статьи 275 ГК РФ закреплено следующее: «Сервитут сохраняется в случае перехода прав на земельный участок, который обременен этим сервитутом, к другому лицу, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом». Несколько схожая имеется и в «Законе о земле» государства Израиль, который устанавливает следующее: «господствующая и служащая вещи оказываются в собственности одного лица, сервитут не может быть прекращен только по этой причине. Однако, если господствующий и служащий участок были объединены в один, сервитут прекращается» [9]. Между тем, законодательство многих иных государств содержат в себе формулу, что сервитут прекращается, если одно и то же лицо является собственником и господствующего и служащего участка;

- «сервитут должен быть полезен». Данное свойство сервитута тоже возникло из римского права, в частности: «Сервитут имеет целью выгоду лица или участка.. свобода собственности не должна терпеть ограничений ради удовлетворения простой прихоти» [8]. Таким образом, сервитут может быть установлен в случае наличия интереса для господствующей вещи, а не для ее владельца. Дополнительно к этому Монахов Д.А.

отмечает, что польза от установления сервитута должна быть постоянной, «случайность или непостоянство пользы» от использования чужой вещи не может служить необходимой и достаточной причиной для возникновения сервитута;

- «принцип соседства». Так, господствующая и служащая вещи должны быть в непосредственной близости друг от друга. Между тем, из указанного принципа не следует, что, к примеру, земельные участки должны быть смежными. Определяющим критерием является «возможность воздействия одной вещи на другую»;

- «возмездность сервитута». В силу норм действующего законодательства РФ (п. 5 ст. 274 ГК РФ), установление сервитута может являться возмездным, то есть может взиматься плата «за пользование чужим земельным участком». Между тем, ни характер платы, ни ее периодичность законодатель не определяет [1].

Следует отметить, что данные свойства фактически являются универсальными для сервитутов в правовых системах множества стран.

В теории права существуют не только предельные или, иначе говоря, земельные сервитуты, но и сервитуты личные. Что же касается отечественного законодательства, то формально они в нем не закреплены, между тем, существуют фактически.

Так, в ст. 1137 ГК РФ содержатся правила о завещательном отказе в соответствии с которыми предусматривается передача имущества «во владение на ином вещном праве или в пользование вещи, входящей в состав наследства», «в частности, на наследника, к которому переходит жилой дом, квартира или иное жилое помещение, завещатель может возложить обязанность предоставить другому лицу на период жизни этого лица или на иной срок право пользования этим помещением или его определенной частью», что является личным сервитутом.

Классики отечественной юридической мысли относят к личным сервитутам и положения закона в отношении пожизненного содержания с иждивением (ст. 601 ГК РФ) и о «праве пожизненного проживания при отказе от приватизации», закрепленном ст. 19 Федерального закона от 29.12.2004 № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» [10]. Особенностью личных сервитутов выступает то, что они не могут существовать дольше существования лица, в интересах которого они установлены.

В теории права представлена и другая обширная классификация сервитутов [11].

Представляет интерес классификация сервитутов по содержанию - деление сервитутов на положительные и отрицательные: «Сервитут положительный дает право иметь какое-либо сооружение на служащем участке или совершать в отношении него какие-либо действия. Сервитут отрицательный дает право запрещать собствен-

нику служащего участка совершать какие-либо действия» [12].

Все сервитуты, представленные на настоящий момент в российском праве, являются положительными. Наиболее часто приводимыми примерами отрицательных сервитутов являются имеющиеся в английском и шотландском праве: «право на свет», «право на воздух» и «право на вид», посредством которых, устанавливается запрет сокращать приток воздуха или доступ света, закрывать вид на объекты материального мира, доставляющие субъекту эстетическое удовольствие, на господствующий земельный участок из-за высадки на служащем земельном участке деревьев, строительства объекта недвижимости [12].

Следует отметить, что отрицательные сервитуты могут являться только предиальными: они не могут существовать без прикрепления к определенному объекту недвижимости, т.к. право на воздух, свет или вид, связано с вполне определенным объектом недвижимости, с определенной вещью. Таким образом, отнесение отрицательных сервитутов исключительно к земельным связано с их содержанием.

Итак, различие положительного и отрицательного сервитутов заключается в способе воздействия на служащую вещь – активном или пассивном, однако, что положительный, что отрицательный сервитут «расширяют сферу имущественной власти собственника господствующей недвижимости, одновременно сужая сферу имущественной власти собственника служащей вещи» [13].

В качестве итога следует указать, что корни существующих на данный момент в российском законодательстве сервитутов уходят к римскому праву, которое обладало обширной системой вещных прав. Юридически сервитуты стали существовать в отечественном законодательстве только с момента закрепления их действующем ГК РФ. При этом в дореволюционном праве сервитуты также имели место быть, но «скрыто» в виде «прав участия частного в пользовании и выгодах чужого имущества» и «прав угодий». Нормы о сервитутах содержатся в ГК РФ, ЗК РФ и специальных законах. На сегодняшний день в российском законодательстве закреплены только предиальные сервитуты - земельные, которые могут быть как частными, так и публичными. Различие частных и публичных сервитутов состоит в круге лиц, в отношении которых они устанавливаются. Так, частные сервитуты устанавливаются в пользу определенного лица, в то время как публичные - в пользу неопределенного круга лиц. Следует также отметить, что сервитут не может быть обременен иным сервитутом или установлен на собственную вещь; он должен быть полезен и направлен на удовлетворение нужд, «которые не могут быть обеспечены без его установления», при этом должен быть соблюден принцип «сосед-

ства». Так, определяющим критерием является «возможность воздействия одной вещи на другую», при этом объекты недвижимости по отношению к друг другу выступают господствующим и служащим. Отрицательные же сервитуты представляют собой право запрещения совершать какие-либо определенные действия на служащем участке и могут быть только земельными, так как непосредственно связаны с вполне определенным объектом недвижимости. И положительный, и отрицательный сервитуты одновременно расширяют сферу имущественной власти собственника господствующей недвижимости, одновременно сужая сферу имущественной власти собственника служащей вещи.

Предполагалось, что совершенствование регулирования сервитутов будет проведено в процессе реформирования ГК РФ, но до настоящего времени реформа гражданского законодательства в этой части не завершена и на данный момент направлена только на упорядочивание уже существующих в российском законодательстве видов сервитутов в ГК РФ, без внедрения в него каких-либо новых. Вместе с тем, следует заметить, что современные правовые реалии неминуемо сталкиваются с усложнением отношений, складывающихся кроме прочего также и между собственниками соседних объектов недвижимости.

Представляется целесообразным при проведении реформы вещного права закрепить в ГК РФ на уровне закона конструкцию отрицательного сервитута, обеспечив возможность его регистрации в реестре прав на недвижимость.

Список литературы:

- [1] Монахов Д.А. Сервитуты – М.: Статут, 2023. 199 с.
- [2] Покровский И.А. История римского права. 3-е изд., испр. и доп. 1917. – 226 с.
- [3] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. - М.: Статут, 2020. С. 208 – 209.
- [4] Гражданское Уложение. Книга третья. Вотчинное право: Проект Высочайше учрежденной Комиссии по составлению Гражданского Уложения // СПб.: Государственная тип., 1902. - Т. 2. - 13 - 292 с.
- [5] Копылов А.В. Вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном российском гражданском праве. М.: Статут. – 2000. –56 с.
- [6] Захметьянова З.А. О землепользовании юридических лиц, не являющихся собственниками земельных участков // Современное право. - 2023. - № 2. - С. 14–16
- [7] Федеральный закон от 08.11.2007 №257-ФЗ (ред. от 14.11.2023) «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

// Собрание законодательства РФ. 2007. № 6. Ст. 12.

[8] Суханов Е.А., Ограниченные вещные права / Под ред. М.К. Треушникова. - М.: Городец, 2005. - 182 с.

[9] Land Law, 5729 - 1969. // URL: https://kneset.gov.il/review/data/eng/law/kns6_land_eng.pdf (дата обращения: 14.02.2026).

[10] Суханов Е.А. Гражданское право: Учебник: В 4 т. / Под ред. Е.А. Суханова. - М.: Волтерс Клувер, 2006. - Т. I. - 595 - 596 с.

[11] Луповский М.С. Происхождение и этимологическое значение «коммунального сервитута», его применение в российском праве // Известия Иркутской государственной экономической академии. - 2014. - № 3.

[12] Рябов А.А. Отрицательные сервитуты и сервитут вида в российском гражданском праве // Журнал российского права. - 2007. - №5. - 69 с.

[13] Томилов А.Ю., Томилова В.А. Отрицательные сервитуты в законодательстве зарубежных стран // Вестник Челябинского государственного университета. - 2015. - № 17. - 131 - 136 с.

References:

[1] Monakhov D.A. Servitudes – Moscow: Statut, 2023. 199 p.

[2] Pokrovsky I.A. History of Roman Law. 3rd ed., corrected and supplemented. 1917. – 226 p.

[3] Pokrovsky I.A. Main Problems of Civil Law. - Moscow: Statut, 2020. pp. 208–209.

[4] Civil Code. Book Three. Patrimonial Law: Project of the Supremely Institutional Commission for Compiling the Civil Code // St. Petersburg: State

Printing House, 1902. - Vol. 2. - 13 - 292 p.

[5] Kopylov A.V. Property Rights to Land in Roman, Pre-Revolutionary Russian, and Modern Russian Civil Law. Moscow: Statut. – 2000. –56 p.

[6] Zakhmetyanova Z.A. On land use by legal entities that are not owners of land plots // Modern law. - 2023. - No. 2. - Pp. 14–16

[7] Federal Law of 08.11.2007 No. 257-FZ (as amended on 14.11.2023) «On highways and road activities in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 6. Art. 12.

[8] Sukhanov E.A., Limited property rights / Ed. by M.K. Treushnikov. - Moscow: Gorodets, 2005. - 182 p.

[9] Land Law, 5729 - 1969. // URL: https://kneset.gov.il/review/data/eng/law/kns6_land_eng.pdf (date of access: 14.02.2026).

[10] Sukhanov E.A. Civil Law: Textbook: In 4 volumes / Ed. E.A. Sukhanov. - M.: Wolters Kluwer, 2006. - Т. I. - 595 - 596 p.

[11] Lupovsky M.S. Origin and etymological meaning of the «communal easement», its application in Russian law // Bulletin of the Irkutsk State University of Economics. - 2014. - No. 3.

[12] Ryabov A.A. Negative easements and easement of the type in Russian civil law // Journal of Russian Law. - 2007. - No. 5. - 69 p.

[13] Tomilov A. Yu., Tomilova V. A. Negative easements in the legislation of foreign countries // Bulletin of Chelyabinsk State University. - 2015. - No. 17. - 131 - 136 p.

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

БАДРЕТДИНОВА Чулпан Айзатовна,
магистрант,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Казань, Россия,
e-mail: chusyao@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование коллизий, связанных с квалификацией договора возмездного оказания медицинских услуг в контексте частного здравоохранения в Российской Федерации. Основная проблематика проведенного исследования состоит в том, что традиционная гражданско-правовая конструкция договора возмездного оказания услуг (глава 39 Гражданского кодекса Российской Федерации) является недостаточной для всецелого урегулирования медицинской деятельности, поскольку данная сфера характеризуется: высокой социальной значимостью, неопределенностью результата, обусловленной индивидуальными особенностями пациентов, и особым доверительным характером отношений «врач — пациент». В работе последовательно анализируются трудности, возникающие при попытке внедрить своеобразный характер медицинской услуги в стандартные юридические рамки. Детально рассматриваются особенности определения предмета и качества услуги, согласования цены и сроков, которые в медицинских услугах часто носят вероятностный характер. Особое внимание уделяется глубинному противоречию между диспозитивными началами гражданского права и императивными публично-правовыми требованиями к медицинской деятельности (лицензирование, стандарты, врачебная тайна). Автор также затрагивает сложности квалификации договоров, связанных с использованием биологических материалов человека, где сталкиваются принципы возмездности и безвозмездности. Механическое применение общих норм о защите прав потребителей без учета характера медицинской деятельности не разрешает коллизии, а зачастую усугубляет их, порождая споры, тем самым дополнительно нагружая судебную систему. Подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и судебной практики для формирования сбалансированного правового регулирования, обеспечивающего как комплексную защиту прав пациентов, так и правовые гарантии для добросовестных медицинских организаций.

Ключевые слова: договор возмездного оказания медицинских услуг; срок оказания услуги; цена услуги.

BADRETDINOVA Chulpan Aizatovna,
Master's Student,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

PROBLEMS OF LEGAL QUALIFICATION OF THE CONTRACT FOR THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES FOR A FEE

Annotation. This article presents a comprehensive study of conflicts related to the qualification of contracts for the provision of medical services for a fee in the context of private healthcare in the Russian Federation. The primary concern of the study is that the traditional civil law structure of contracts for the provision of services for a fee (Chapter 39 of the Civil Code of the Russian Federation) is insufficient to fully regulate medical practice, as this area is characterized by high social significance, uncertainty of outcome due to the individual characteristics of patients, and the uniquely trusting nature of doctor-patient relationships. The paper consistently analyzes the difficulties that arise when attempting to integrate the unique nature of medical services into a standard legal framework. It examines in detail the specifics of determining the subject and quality of the service, negotiating the price and terms, which are often probabilistic in medical services. Particular attention is paid to the underlying contradiction between the discretionary principles of civil law and the imperative public law requirements for medical practice (licensing, standards, medical confidentiality). The author also addresses the complexities of qualifying contracts involving the use of human biological materials, where the principles of compensation and gratuitousness clash. Mechanical application of general consumer protection rules without regard to the nature of medical activity fails to resolve conflicts and often exacerbates them, generating disputes and thereby further burdening the judicial system. The need for further improvement

of legislation and judicial practice is emphasized to establish balanced legal regulation that ensures both comprehensive protection of patients' rights and legal guarantees for bona fide medical organizations.

Key words: *contract for the provision of medical services; duration of service provision; price of service.*

Формирование в Российской Федерации системы частного здравоохранения привело к необходимости создания корректного оформления возникающих правоотношений. Однако конструкция стандартного договора возмездного оказания услуг при всей своей универсальности не может охватить специфику медицинской сферы, в связи с чем на практике возникают трудности квалификации и применения данных правоотношений.

Актуальность проблематики усиливается на фоне законодательных инициатив последних лет. Так Федеральным законом от 28.12.2024 № 514-ФЗ в статью 238 УК РФ было добавлено примечание согласно которому действие статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи [4]. Кроме того, рассматривается законопроект № 580179-8 дополняющий и разграничивающий понятия «медицинская помощь» и «медицинская услуга» [5]. Данные аспекты свидетельствуют о понимании со стороны государства недостаточности регулирования сферы.

Также с точки зрения правовой регламентации медицинская услуга приравнивается к охранной или консультационной услуге, однако на практике это является упрощением.

В этих условиях возникает необходимость подробного анализа ключевых проблем квалификации и применения договора возмездного оказания медицинских услуг, и дальнейшее исследование будет направлено на раскрытие ключевых проблем данной конструкции.

Квалификация предмета договора определяется исключительной сложностью, поскольку базируется на жизни и здоровье человека, высокой степени неопределенности результата, вытекающих из индивидуальных особенностей организма, а также глубоким доверительным отношением между доктором и пациентом [13, с. 163–165.].

Главная загвоздка в данном вопросе кроется в разграничении понятий медицинская помощь и медицинская услуга. В соответствии с Федеральным законом от 21.11.2011 № 323 -ФЗ в редакции от 23.07.2025 под первым понимается комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг. Медицинская услуга же трактуется как медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение [2]. Такая трактовка порождает правовую неопределенность, поскольку понятие медицинской помощи включает в себя медицинские услуги, но в контексте частной ме-

дицины возникает взаимозаменяемость терминов.

Так по мнению ряда авторов Е.В. Епифановой, А.А. Коновалова, К.И. Тархова «медицинская помощь» является категория профессионально-нравственного характера, основа правового регулирования которого закреплено Конституцией, а «медицинская услуга», в свою очередь, как понятие уже и является экономико-правовой категорией [15, с. 135-137; 14, с. 98–100].

Кроме того, глава 39 ГК РФ не оперирует понятием «объем услуги», что, во-первых, очень сильно роднит данный договор и договор подряда, привязывая отношения к конкретному результату, а во-вторых, ведет к несогласованности, если в перечне отсутствует перечень конкретных манипуляций [17, с. 419–421].

Формальная юридическая квалификация в виде консенсуального, двусторонне-обязывающим, возмездным, и как правило, публичного, хоть и является корректной, однако в полной мере не раскрывает сущность.

В отличие от большинства услуг, где содержание действий исполнителя может быть корректно определено, то в медицине первоначальный диагноз и план лечения часто корректируются по мере получения результатов обследований и реакции организма пациента на терапию.

В судебной практике споры о так называемом «навязывании» дополнительных медицинских услуг разрешаются не по формальному признаку их отсутствия в первоначальном договоре, а через оценку совокупности юридически значимых обстоятельств: наличия информированного добровольного согласия пациента, объективной медицинской необходимости, соблюдения стандартов и клинических рекомендаций, а также причинно-следственной связи между действиями медицинской организации и заявленным вредом.

Так, Третий кассационный суд общей юрисдикции указал, что дополнительные диагностические процедуры могут являться обязательными элементами лечебного процесса при отсутствии у пациента актуальных результатов обследований, а условия договора, предусматривающие их оплату при досрочном отказе, не ущемляют прав потребителя, если отказ не был обусловлен нарушением со стороны клиники и пациент был надлежащим образом информирован [6].

Аналогичный подход отражён в практике Красноярского краевого суда, который пришёл к выводу, что даже неблагоприятный послеоперационный результат сам по себе не свидетельствует о некачественной медицинской услуге, если экспертизой установлено отсутствие дефектов оказания помощи, соблюдение стандартов лечения и отсутствие прямой причинно-следственной

связи между действиями врача и вредом, а также если ухудшение состояния обусловлено, в том числе, несоблюдением пациентом врачебных рекомендаций [7].

Таким образом, предмет договора об оказании медицинских услуг не может быть сведен к фиксированному набору манипуляций либо к результату, ввиду особенностей здоровья человека. В этой связи медицинская услуга в рамках гражданско-правового договора выступает не как заранее предопределённый «объём работ», а как правовая форма реализации медицинской помощи, содержание которой конкретизируется и корректируется в процессе лечения при соблюдении стандартов, клинических рекомендаций и режима информированного согласия.

Следующей вытекающей из предмета проблемой можно отметить качество услуги, поскольку данная категория является пересечением профессиональных медицинских стандартов, субъективного восприятия пациента и правовых критериев оценки надлежащего исполнения обязательств.

Рассуждая с формальной точки зрения качество данного вида услуг должно соответствовать установленным стандартам, однако данные нормативы содержат общие требования оказания помощи, допуская отступления, которые обусловлены особенностями организма, к примеру, наличие хронических заболеваний, аллергий и иными объективными обстоятельствами. Пациент, являясь потребителем медицинской услуги в контексте потребительского права, оценит качество субъективно. Как отмечают М.А. Амхадова, Е.А. Батлер, Д.Г. Илюхин и И.А. Петрова, понятие «недостатка услуги», применяемое в Законе о защите прав потребителей, не в полной мере раскрывает специфику неблагоприятных последствий, свойственных медицинским правоотношениям [12, с. 53-58].

Принципиальное значение имеет различие между врачебной ошибкой и ненадлежащим оказанием медицинской услуги. В судебной практике споры о разграничении врачебной ошибки и ненадлежащего оказания медицинской помощи разрешаются не через формальную констатацию добросовестности заблуждения врача, а через детальную оценку совокупности юридически значимых обстоятельств: соответствия оказанной помощи общепринятым стандартам и клиническим рекомендациям, полноты диагностических мероприятий, наличия информированного добровольного согласия пациента, а также причинно-следственной связи между действиями медицинской организации и наступившими последствиями. Так, Центральный районный суд города Сочи, удовлетворяя требования пациента о возврате средств за некачественное протезирование, указал, что решающим доказательством стала судебная экспертиза, установившая, что «оказанная помощь не соответствовала обще-

принятым стандартам лечения», а «отсутствие диагностических манипуляций, необходимых при лечении полной адентии... привело к неудовлетворительному конечному результату» [10].

Более того, в сложных случаях, связанных с лечением редких заболеваний, суды подчеркивают значимость своевременной диагностики. Кировский районный суд г. Самары, рассматривая дело о смерти пациентки от малярии, взыскал компенсацию морального вреда с учреждения, где врачи, несмотря на наличие информации о возвращении пациентки из эндемичной страны, «недооценили клинические проявления болезни», что было квалифицировано экспертами как дефект, состоящий в причинно-следственной связи со смертью [9].

Таким образом, категория качества в контексте данной категории услуг не может оцениваться исключительно через призму «потребительского субъективизма» или формального соответствия договора, поскольку по своей природе она является комплексным правовым конструктом, находящемся на стыке профессиональных стандартов, допустимого клинического риска и субъективных ожиданий пациента.

Не менее важной является проблема согласования цены и сроков оказания услуги. Применительно к цене услуги возникает парадоксальная ситуация. С одной стороны, согласно пункту 1 статьи 424 Гражданского кодекса РФ, исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон. Для договора возмездного оказания услуг цена не является существенным условием: при её отсутствии применяется правило о цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные услуги (п. 3 ст. 424 ГК РФ). С другой стороны, договор оказания медицинских услуг, как правило, квалифицируется как публичный договор (статья 426 ГК РФ), что предполагает обязанность исполнителя оказывать услуги каждому обратившемуся на одинаковых условиях, включая цену. Следовательно, цена должна быть определена заранее и доведена до сведения неопределённого круга лиц (прейскурант, сайт клиники и т.п.).

Однако медицинская специфика такова, что окончательная стоимость лечения зачастую не может быть определена на момент заключения договора, поскольку зависит от выявленной патологии, индивидуальной реакции пациента и необходимости дополнительных вмешательств. В ходе лечения могут возникнуть непредвиденные обстоятельства, требующие расширения объёма медицинского вмешательства, что ставит под сомнение заранее установленную цену. В результате цена, не являясь существенным условием классического договора возмездного оказания услуг, в публичном договоре фактически приобретает обязательный характер, поскольку должна быть заранее определена и раскрыта пациенту. При этом реальная медицинская практика

делает такую фиксацию зачастую невозможной. Аналогичный подход к соотношению заранее установленной цены и фактического объема услуг сформулирован в апелляционном определении Саратовского областного суда, где указано: Заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг до его фактического исполнения, в этом случае возмещению подлежат только понесенные исполнителем расходы, связанные с исполнением обязательств по договору. Какие-либо иные последствия одностороннего отказа от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг для потребителя законом не предусмотрены» [8]. Тем самым суд подтвердил, что предварительно установленная цена в публичном договоре не может считаться окончательной, если услуга фактически не оказана или оказана не в том объеме, который был согласован изначально.

Таким образом, противоречие между требованием заранее определять цену в публичном договоре и объективной невозможностью точно установить объем медицинского вмешательства на момент его заключения не может разрешаться за счёт ущемления прав пациента. В условиях, когда окончательная стоимость лечения формируется в процессе оказания помощи и зависит от факторов, не поддающихся предварительному прогнозированию, приоритет должен отдаваться принципу защиты экономически более слабой стороны договора. Предварительно объявленная цена в таком случае не может рассматриваться как безусловно подлежащая уплате сумма, а служит лишь ориентиром, подлежащим последующей корректировке с учётом фактически оказанных услуг. Иное означало бы возложение на пациента бремени рисков, связанных с профессиональной деятельностью исполнителя, что противоречит как положениям гражданского законодательства, так и целям законодательства о защите прав потребителей.

Не менее сложной является проблема определения сроков оказания медицинской услуги. Согласно пункту 1 статьи 708 ГК РФ, если иное не установлено договором, исполнитель несет ответственность за нарушение как начального и конечного, так и промежуточных сроков выполнения работы (оказания услуги). Применительно к медицинским услугам точное определение сроков часто объективно невозможно, поскольку длительность лечения зависит от индивидуальной реакции организма пациента на терапию. Например, сроки приживления дентальных имплантатов или достижение окончательного результата пластической операции могут варьироваться в широких пределах. Если же в договоре фиксируются конкретные календарные сроки, их нарушение формально образует основание для применения санкций, предусмотренных статьей 28 Закона РФ «О защите прав потребителей» (неустойка за каждый день просрочки), даже при отсутствии

реальных дефектов лечения.

Данная коллизия на практике нередко становится инструментом злоупотреблений со стороны пациентов, что в научной и экспертной среде обозначается как проявление «потребительского экстремизма» в медицине — использование формальных нарушений условий договора для извлечения необоснованных имущественных выгод при отсутствии вреда либо дефектов медицинской помощи. В таких ситуациях ключевое значение приобретает позиция суда, ориентированная не на буквальное толкование сроков, а на проверку реального качества и последствий лечения.

Так, в Решении Химкинского городского суда Московской области от 27.04.2023 по делу № 2-1246/2023 по иску к ООО «Санмедэксперт» о взыскании неустойки, компенсации морального вреда и штрафа за якобы некачественные стоматологические услуги, суд отказал в удовлетворении требований, указав, что само по себе формальное несоблюдение ожиданий пациента не образует нарушения, если отсутствуют доказательства ненадлежащего качества лечения и причинно-следственной связи между действиями врача и ухудшением состояния здоровья.

Суд, положив в основу выводы судебной медицинской экспертизы, отметил, что: оказанная помощь соответствовала клиническим рекомендациям и порядкам оказания медицинской помощи; выявленные дефекты носили исключительно документационный характер (неоформление ИДС, отсутствие отдельных записей), при этом между такими дефектами и ухудшением состояния пациента отсутствует причинно-следственная связь, вред здоровью в результате медицинского вмешательства причинен не был.

В связи с этим суд прямо указал, что отсутствие доказанного дефекта медицинской помощи исключает ответственность исполнителя, а потому требования о взыскании неустойки, компенсации морального вреда, штрафа и судебных расходов удовлетворению не подлежат [11].

То есть в спорах о сроках оказания медицинских услуг приоритет имеет не формальное толкование условий договора, а установление фактического качества лечения, наличия дефектов и причинно-следственной связи с наступившими последствиями. Нарушение сроков само по себе, без доказанного вреда и ненадлежащего оказания помощи, не может служить основанием для гражданско-правовой ответственности медицинской организации.

Глубинная коллизия проистекает из противоречия между гражданско-правовым принципом автономии воли сторон и публично-правовыми ограничениями, действующими в сфере здравоохранения. Свобода договора ограничивается необходимостью наличия лицензии у исполнителя, а содержание услуги должно соответствовать номенклатуре медицинских услуг. К тому же принципиальное значение имеет оформление

информированного добровольного согласия пациента — правового института, выходящего за рамки договорных отношений, но необходимого для их исполнения [1].

Дополнительные трудности возникают из-за коллизии между правом пациента на получение информации о лечении и обязанностью медицинской организации соблюдать врачебную тайну. Так, к примеру, квалификация договоров, связанных с использованием биологических материалов человека (крови, тканей, органов) представляют значительную сложность.

Как отмечает К.С. Коробко, если объектом отношений выступают биологические материалы, квалифицируемые гражданским правом как «иное имущество» (статья 128 ГК РФ), конструкция договора возмездного оказания услуг (глава 39 ГК РФ) становится неприменимой в чистом виде [17, с. 394]. Возникает вопрос: являются ли такие отношения услугой (действия по изъятию, хранению, транспортировке биоматериала) или это особый вид договора, связанный с передачей специфического объекта?

Проблема усугубляется тем, что законодательство о донорстве крови и ее компонентов [3] закрепляет принцип безвозмездности донорства. Донор не получает плату за кровь, хотя имеет право на компенсацию расходов и получение питания. Однако организации, осуществляющие заготовку, переработку и хранение донорской крови, реализуют компоненты крови медицинским организациям на возмездной основе. Еще более сложная ситуация складывается в сфере вспомогательных репродуктивных технологий. Программы суррогатного материнства и донорства половых клеток фактически предполагают возмездность (суррогатная мать получает вознаграждение, донор ооцитов — компенсацию), но формально оформляются не как сделки купли-продажи биологических материалов, а как договоры оказания услуг. При этом Семейный кодекс РФ устанавливает специальные правила о происхождении детей, родившихся в результате применения этих технологий, которые не укладываются в логику гражданско-правовых договорных отношений.

Дополнительную сложность вносит использование биологических материалов в научных исследованиях и разработке медицинских препаратов. Например, клеточные линии, полученные из биоматериалов пациента, могут использоваться для создания коммерческих продуктов. Имеет ли пациент право на долю в прибыли от таких разработок? Является ли передача биоматериала для исследований безвозмездной или должна компенсироваться? Информированное согласие пациента, как правило, охватывает только медицинские цели использования биоматериалов, не касаясь возможного коммерческого использования.

Проведенный анализ показывает, что договор

возмездного оказания медицинских услуг в его традиционной гражданско-правовой конструкции не способен адекватно отразить специфику медицинской деятельности. Медицина по своей природе ориентирована не на гарантированный результат, а на процесс профессиональной помощи в условиях клинической неопределенности, повышенного риска и глубокой личной значимости для пациента. Включение таких отношений в рамки универсальной модели возмездного оказания услуг неизбежно порождает правовые коллизии, касающиеся предмета договора, критериев качества, цены, сроков, а также пределов ответственности исполнителя.

Разграничение понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» остаётся ключевой теоретической и практической проблемой, поскольку именно от него зависит применимость норм гражданского и потребительского законодательства. Судебная практика подтверждает, что формальный подход, основанный исключительно на условиях договора и субъективных ожиданиях пациента, не соответствует природе медицинских правоотношений. Приоритет в оценке надлежащего исполнения отдается соответствию стандартам и клиническим рекомендациям, наличию информированного согласия и установлению причинно-следственной связи между действиями врача и наступившими последствиями.

Особенности медицинской деятельности объективно исключают возможность точной фиксации объёма, стоимости и сроков услуг на момент заключения договора. Их механическое закрепление без учёта клинической динамики приводит либо к ущемлению прав пациента, либо к необоснованному возложению рисков на медицинскую организацию. Аналогичные противоречия проявляются и в сфере обращения биологических материалов человека, где действующие гражданско-правовые конструкции оказываются неприменимыми в «чистом виде» и требуют самостоятельного правового осмысления.

В совокупности это свидетельствует о необходимости формирования специальной модели правового регулирования платной медицинской деятельности, учитывающей её публично-правовую природу, социальную значимость и клиническую неопределённость. Такая модель должна быть ориентирована не на формальные договорные параметры, а на баланс интересов пациента и медицинской организации, основанный на принципах добросовестности, профессиональной автономии врача и приоритете охраны жизни и здоровья человека.

Список литературы:

[1] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Российская газета. № 8. 16.01.1996.

[2] Федеральный закон от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской

Федерации» № 323 -ФЗ // Российская газета. № 263, 23.11.2011.

[3] Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» // Российская газета. №166, 23.07.2012.

[4] Федеральный закон от 28.12.2024 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 3. 10.01.2025.

[5] Законопроект № 580179-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и статью 1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Система обеспечения законодательной деятельности // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/580179-8> (дата обращения 16.02.2025).

[6] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2022 по делу № 88-15227/2022 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 16.02.2025).

[7] Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 01.02.2023 по делу № 33-579/2023 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 16.02.2025).

[8] Апелляционное определение Саратовского областного суда от 15.10.2024 дело № 33-8696/2024 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 16.02.2025).

[9] Решение Кировского районного суда г. Самары от 10.07.2020 по делу № 2-2949/2020 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 16.02.2025).

[10] Решение Центрального районного суда г. Сочи от 20.12.2022 по делу № 2-5697/2022 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 16.02.2025).

[11] Решении Химкинского городского суда Московской области от 27.04.2023 по делу № 2-1246/2023 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 16.02.2025).

[12] Амхадова М.А., Батлер Е.А., Илюхин Д.Г., Петрова И.А. Применение норм Федерального закона «о защите прав потребителей» при оказании платных медицинских услуг: комментарии и рекомендации по заключению договора // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2018. №2. С. 53-58.

[13] Басманова, И. А. Характеристика договора возмездного оказания медицинских услуг / И. А. Басманова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 163–165.

[14] Епифанова Е.В. Оказание медицинской помощи и медицинской услуги: основания разграничения // Право и государство: теория и практика. 2025. №2 С. 98-100.

[15] Коновалова А.А., Тархова К.И. О соотношении понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» // Сборник «Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития». Материалы Международной научно-практической конференции. Саратов, 2024. С. 135-137.

[16] Коробко К.С. Концепция правового регулирования отношений по оказанию платных медицинских услуг: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 518 с.

[17] Шмидт, О. И. Договор оказания платных медицинских услуг / О. И. Шмидт. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 47 (494). — С. 419–421.

References:

[1] Law of the Russian Federation of February 7, 1992, No. 2300-1 «On the Protection of Consumer Rights» // Rossiyskaya Gazeta. No. 8. January 16, 1996.

[2] Federal Law of November 21, 2011, «On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation» No. 323-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 263, November 23, 2011.

[3] Federal Law of July 20, 2012, No. 125-FZ «On the Donation of Blood and Its Components» // Rossiyskaya Gazeta. No. 166, July 23, 2012.

[4] Federal Law of 28.12.2024 No. 514-FZ «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. No. 3. 10.01.2025.

[5] Bill No. 580179-8 «On Amendments to the Federal Law «On the Fundamentals of Protecting Citizens' Health in the Russian Federation» and Article 1 of the Law of the Russian Federation «On the Protection of Consumer Rights» // System of Supporting Legislative Activity // System of Supporting Legislative Activity. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/580179-8> (date of access 16.02.2025).

[6] Determination of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated 19.09.2022 in Case No. 88-15227/2022 // SPS «ConsultantPlus». (Accessed on February 16, 2025).

[7] Appellate ruling of the Krasnoyarsk Regional Court dated February 1, 2023, case No. 33-579/2023 // SPS «ConsultantPlus». (Accessed on February 16, 2025).

[8] Appellate ruling of the Saratov Regional Court dated October 15, 2024, case No. 33-8696/2024 // SPS «ConsultantPlus». (Accessed on February 16, 2025).

[9] Decision of the Kirovsky District Court of Samara dated July 10, 2020, case No. 2-2949/2020 // SPS «ConsultantPlus». (Accessed on February 16, 2025).

[10] Decision of the Central District Court of Sochi dated 20.12.2022 in case No. 2-5697/2022 // SPS «ConsultantPlus». (date of access 16.02.2025).

[11] Decision of the Khimki City Court of Moscow Region dated 27.04.2023 in case No. 2-1246/2023 // SPS «ConsultantPlus». (date of access 16.02.2025).

[12] Amkhadova M.A., Butler E.A., Ilyukhin D.G., Petrova I.A. Application of the norms of the Federal Law «On the Protection of Consumer Rights» in the provision of paid medical services: comments and recommendations for concluding an agreement // Pharmacoeconomics. Modern pharmacoeconomics and pharmacoepidemiology. 2018. No. 2. P. 53-58.

[13] Basmanova, I. A. Characteristics of a Contract for the Provision of Medical Services for a Fee / I. A. Basmanova. — Text: direct // Young Scientist. 2021. No. 50 (392). P. 163-165.

[14] Epifanova E. V. Provision of Medical Care and Medical Services: Grounds for Distinction // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 2 P. 98-100.

[15] Konovalova A. A., Tarkhova K. I. On the Relationship between the Concepts of «Medical Care» and «Medical Service» // Collection «Law and

Society in the Context of Globalization: Development Prospects». Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Saratov, 2024. P. 135-137.

[16] Korobko K. S. The concept of legal regulation of relations for the provision of paid medical services: dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2024. 518 p.

[17] Schmidt, O. I. Agreement for the provision of paid medical services / O. I. Schmidt. - Text: direct // Young scientist. - 2023. - No. 47 (494). - P. 419-421.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-1-46-51

РОМАНКО Оксана Анатольевна,
доцент, кандидат психологических наук,
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»,
Нижевартовск, Россия,
e-mail: romankooa@yandex.ru

КОЛОС Алина Геннадиевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»,
Нижевартовск, Россия,
e-mail: kolosalina955@gmail.com

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Процесс ресоциализации несовершеннолетних осуждённых, которые недавно вернулись в общество после пребывания в изоляции, представляет собой одну из наиболее острых проблем современной психологии и педагогики. Процесс ресоциализации связан с многими психологическими рисками (негативный прошлый опыт, проблемы в межличностном взаимодействии в границах различных социальных систем, затруднения в восстановлении социального статуса, внутренняя неготовность к изменениям и др.), которые необходимо специалистам нивелировать и снизить негативное влияние на личность несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом и осужденных за противоправные деяния.

Особенно сложной является адаптация таких подростков к образовательной среде. Школа и другие образовательные учреждения должны выступать не только пространством обучения, но и ресурсом для успешного восстановления социального статуса, формирования позитивной идентичности и предотвращения повторной криминализации.

На практике же некоторые несовершеннолетние, которые освободились из мест заключения, сталкиваются с рядом психологических личностных трудностей: высокой тревожностью, заниженной самооценкой, выраженным чувством социальной отверженности, дефицитом учебной мотивации и неуверенностью в собственных силах. При этом вместо поддержки они часто испытывают давление со стороны социума и системы образования, сталкиваясь с предвзятым отношением со стороны педагогов, работников школы и сверстников. Всё это часто усугубляется отсутствием системной профессиональной помощи со стороны образовательных учреждений и недостаточной подготовленностью персонала к работе с данной категорией обучающихся.

Соответственно, важно рассматривать и исследовать в более широком диапазоне проблему создания психолого-педагогических условий ресоциализации для формирования личностного потенциала у несовершеннолетних, которые находятся в конфликте с законом.

Таким образом, целью настоящего исследования является психологический анализ ключевых рисков внешней и внутренней ресоциализации несовершеннолетних осуждённых в образовательной среде, а также обозначение направлений поддержки, которые впоследствии будут способствовать успешной интеграции подростков в образовательное пространство и в социальное взаимодействие в целом.

Ключевые слова: несовершеннолетние, осужденные, ресоциализация, риски, образовательная среда.

ROMANKO Oksana Anatolyevna,
Associate Professor, PhD in Psychology,
Nizhnevartovsk State University,
Nizhnevartovsk, Russia

PSYCHOLOGICAL RISKS OF THE RE-SOCIALIZATION OF JUVENILE CONVICTS IN THE EDUCATIONAL SPACE

Annotation. *The process of re-socialization of juvenile convicts who have recently returned to society after being in isolation is one of the most acute problems of modern psychology and pedagogy. The process of re-socialization is associated with many psychological risks (negative past experiences, problems in interpersonal interaction within the boundaries of various social systems, difficulties in restoring social status, internal unpreparedness for changes, etc.), which specialists need to level out and reduce the negative impact on the personality of minors in conflict with the law and convicted of illegal acts.*

The adaptation of such teenagers to the educational environment is particularly difficult. Schools and other educational institutions should act not only as a learning space, but also as a resource for the successful restoration of social status, the formation of a positive identity and the prevention of re-criminalization.

In practice, some minors who have been released from prison face a number of psychological and personal difficulties.: high anxiety, low self-esteem, a pronounced sense of social exclusion, a lack of academic motivation and self-doubt. However, instead of support, they often experience pressure from society and the education system, facing prejudice from teachers, school staff, and peers. All this is often compounded by the lack of systematic professional assistance from educational institutions and insufficient staff training to work with this category of students.

Accordingly, it is important to consider and explore in a broader range the problem of creating psychological and pedagogical conditions for re-socialization to form the personal potential of minors who are in conflict with the law and convicted of illegal acts.

Thus, the purpose of this study is to psychologically analyze the key risks of external and internal resocialization of juvenile convicts in an educational environment, as well as to identify areas of support that will subsequently contribute to the successful integration of adolescents into the educational space and into social interaction in general.

Key words: *minors, convicts, re-socialization, risks, educational environment.*

Ресоциализация несовершеннолетних осужденных - важный элемент системы ювенальной юстиции и уголовно исполнительной системы России, а также сложнейшая задача современной психологии и педагогики. Это сложный, многосторонний процесс, в котором образовательное пространство (школы, специальные учебно воспитательные учреждения, воспитательные колонии, профессиональное обучение и др.) играет важную роль, которая может определить, удастся ли подростку вернуть утраченное: социальный статус, учебный ритм, уверенность в себе и ориентиры, либо он поддастся влиянию стигматизации, отчуждению и рецидивам [8].

То есть образовательная среда одновременно может стать источником психологических рисков, которые, если не учитывать и не минимизировать, мешают успешной адаптации, развитию личности и снижению рецидивности.

По данным центра стратегических разработок общее число осуждённых несовершеннолетних за последние годы немного снизилось: в 2023 году - 12 769 человек, в 2024 году - 11 944. Из них в 2024 году около 1 967 человек были освобождены от отбывания наказания по амнистии и иным основаниям. Повторная преступность среди осуждённых в исправительных колониях (не только несовершеннолетних) ~ 63 % - лица, судимые

неоднократно. Однако данных, разбитых по несовершеннолетним, на эту тему — явно недостаточно в открытых источниках [3].

Возвращение в образовательные организации после изоляции или другой образовательной формы адаптации сопряжен с рядом устойчивых психологических трудностей. Некоторые из них вытекают из предыдущего опыта: осуждение, лишение свободы, деиндивидуализация, ограничения свободы и контактов, отсутствие или искажение межличностных коммуникаций. Всё это влияет на формирование самооощущения, ценностей и навыков.

Один из центральных рисков - внутренний конфликт: несовершеннолетний может испытывать сильную тревожность, страх неодобрения, осуждения со стороны сверстников и учителей. Психика может быть перегружена воспоминаниями о травмирующем опыте, чувством вины, стыда или, наоборот, агрессии и раздражения. В ситуации, когда подросток ожидает, что его будут воспринимать как “осуждённого”, “преступника”, развивается защитная позиция, которая может выражаться либо в замкнутости, либо в агрессивном поведении.

Другой риск - заниженная самооценка и дефицит веры в возможности собственного изменения. Если подросток на протяжении изоляции или

противоправных действий получал сообщения от социума, системы власти или сверстников о том, что он плох или бесперспективен, эти убеждения очень устойчивы. В образовательной среде, где успехи могут быть медленными, где приходится “догонять”, могут усиливаться чувства неудачи. Это может подорвать мотивацию.

Учебная тревожность - боязнь не успеть, стыд перед сверстниками, страх оценок и критики - всё это может усиливаться после длительного отсутствия. Если за время изоляции произошла утрата учебных навыков, или школьные программы изменились, подросток может чувствовать себя “отсталым”. Поднятие планки заданий может вызвать психологическое перенапряжение [10].

Социальная отверженность и стигма - возможно, один из наиболее серьёзных внешних рисков. Общественное мнение, часто негативное, предвзятое отношение педагогов, отказ сверстников, издёвки, отчуждение - всё это усиливает стресс и может подталкивать к девиантному поведению либо к самоизоляции. Часто подростки после освобождения сталкиваются с тем, что их прошлое “не отпускают”: записи, слухи, предрассудки. Например, американские исследования показывают, что юношеские судимости, даже после отбытия наказания, могут ограничивать доступ к учебе или работе, усиливая чувство, что нет “пути назад” [15].

Когнитивные и эмоциональные нарушения являются важным внутренним риском. Длительные стресс, изоляция, возможно, злоупотребления, отсутствие стимулов саморазвития - всё это может быть причиной дефицита контроля над эмоциями, ухудшения внимания, затруднений в концентрации, памяти, исполнительных функций. Всё это мешает процессу обучения, социализации, взаимодействия с другими [5].

Проблемы межличностного взаимодействия: навыки сотрудничества, принятия норм, понимания ожиданий со стороны системы образования могли быть не развиты или искажены. Подростки могут совершать “повторные промахи” в коммуникации со сверстниками, педагогами, быть чересчур настороженными или демонстративно закрытыми, либо наоборот - конфликтными. Часто они не видят различий между “системой подчинения” в изоляции и системой образования, что вызывает сопротивление или недоверие [12].

И ещё один значительный внутренний риск - это неготовность к изменениям. Некоторые подростки могут быть психологически не готовы меняться, либо не осознавать необходимости изменения, либо не видеть смысла. Страх неизвестности, привыкание к “изоляционному режиму”, ощущение, что система не поддержит, могут тормозить адаптацию и участие в образовательной деятельности.

Образовательная среда сама по себе может как поддерживать, так и препятствовать ресоциализации. Несколько механизмов риска связаны

именно с организацией учебного процесса, отношением руководства, учителей и сверстников [6].

Первый механизм - предвзятость и низкие ожидания. Если учителя относятся к подросткам, побывавшим в местах лишения свободы, с подозрением, с заниженной оценкой их возможностей, то подростки получают “социальную метку” (“лейбл”), который может стать самоисполняющимся пророчеством. Это может вести к снижению мотивации, к избеганию ответственности, к отсутствию инициативы.

Второй - недостаточная дифференциация и индивидуализация образовательной поддержки. Во многих случаях системы просто не готовы дать учителю или психологу время и ресурсы, чтобы работать индивидуально: учесть пробелы, подготовить адаптированные задания, темп обучения, методы поддержки. Такие пробелы особенно болезненно ощущаются у тех, чей образовательный курс прерывался, чей уровень подготовки оказался ниже.

Третий - отсутствие или слабое наличие психологической поддержки и коррекционных мероприятий. Образовательные учреждения часто ориентированы на академический результат, оценивая успеваемость, контроль знаний, экзамены, но недостаточно - на личностное развитие, на восстановление утраченных эмоциональных контактов, на формирование устойчивых социальных навыков. Психологи и социальные педагоги могут быть загружены, иметь ограниченные компетенции, либо не иметь специализированных программ для работы с подростками из пенитенциарной среды.

Четвёртый - социальная изоляция внутри школы. Даже если подросток официально принят в школу, он может быть отделён от остальных, испытывать отчуждение, быть изолирован (реже приглашён на мероприятия, быть объектом избегания со стороны сверстников). Такое разделение усиливает ощущение “чужого”, “не моего”, ведёт к усилению тревоги и депрессии.

Пятый - пробелы системы правового и административного регулирования. Если нет чётких норм, регулирующих, как школьная система должна работать с осуждёнными подростками, не прописаны механизмы социальной поддержки, правовой защиты, ответственности учителей или сотрудников, это создаёт зону неопределённости, которую заполняют предубеждения, стигма, нелогичность. В российских исследованиях отмечается, что правовая регламентация процесса ресоциализации несовершеннолетних осуждённых часто недостаточна [13].

Если перечисленные психологические и социальные риски не будут осмысленно и целостно проработаны, последствия могут быть серьёзными как для самого подростка, так и для общества.

Во первых, возможен рецидив - повторное противоправное поведение. Когда человек ощущает себя отвергнутым, некомфортным в обра-

звательной и социальной среде, когда нет перспектив, часто возвращается к знакомой, пусть и девиантной, среде, где есть принятие, пусть и под соусом нарушений нормы [9].

Во вторых, низкая успеваемость, “срыв” образовательного маршрута: бросают школу, не осваивают программы, не получают аттестатов, навыков, необходимых для трудоустройства. Это усиливает маргинальность, бедность, уменьшает сферу возможностей.

В-третьих, психологические проблемы могут обостряться: депрессия, тревожные расстройства, агрессия, возможно, суицидальные мысли или склонность к саморазрушительным практикам, в том числе зависимостям. Недокументированные, но реальные.

В-четвёртых, ухудшение межличностных отношений, нарушение доверия: к системе образования, к педагогам, к сверстникам, к социальной службе. Это затрудняет дальнейшую интеграцию не только в образовательную среду, но и в трудовую, семейную, гражданскую.

Среди российских источников выделяются работы, описывающие правовые и организационные аспекты ресоциализации, а также проблемы, выявляемые на практике.

Так в работах Позднякова В. М. «Ресоциализация несовершеннолетних осуждённых на основе системы общественных воздействий: история и современность» и «Психологическое обеспечение ресоциализации несовершеннолетних осуждённых ...» подчёркивается, что одним из ключевых элементов эффективной ресоциализации является программно целевой подход, субъектно соучаствующий метод, привлечение гражданского общества, позволяющий выстраивать диалог и предоставлять подростку возможность участвовать в формировании своей судьбы [11].

Намазова Ф. Ф. в своей научной работе «Ресоциализация несовершеннолетних осуждённых: проблемы и пути их решения» показывает, что в России существуют существенные пробелы как в пенитенциарной стадии, так и в пост-пенитенциарной (после освобождения) - в образовательной поддержке, траекториях трудоустройства, сохранении социально полезных связей [7].

В комплексном исследовании “Развитие soft skills ...” (Лескова И. В., Кожевникова А. М., Лушников Д. А.) рассматривают мягкие навыки как тренд, значение которых особенно велико в пенитенциарной образовательной системе. Авторы отмечают, что развитие навыков самоорганизации, ответственности, сотрудничества, коммуникации может существенно смягчить риски, но пока в России это развивается отрывочно, без системной интеграции в учебные программы [4].

Чтобы уменьшить и нейтрализовать описанные риски, образовательные учреждения, психологи, педагоги и администраторы должны предпринимать комплекс мер [2].

1. Индивидуализация и адаптивность обу-

чения. Необходимо создавать индивидуальные учебные планы, которые учитывают предыдущий уровень подготовки, пробелы в знаниях, темп освоения материала. Возможно заранее выявлять области, где есть затруднения, и предоставлять специальные курсы “догоняющего” обучения.

2. Психологическая поддержка: сопровождение, коррекция, терапевтические элементы. В школе должен быть психолог, подготовленный к особенностям работы с подростками, пережившими изоляцию, с опытом депривации, травм. Работа может включать - психотерапевтические группы, тренинги по развитию эмоциональной регуляции, управлению тревожностью, работе с самооценкой.

3. Формирование позитивной идентичности и смысловой ориентации. Важно помогать подросткам выстраивать новые, позитивные представления о себе, своих способностях, будущем. Это может быть через биографии: что было раньше, что может быть теперь, что хочет сам подросток. Важны успехи небольшие, но значимые, публичное признание (в школе, в обществе) этих успехов.

4. Работа с социальным окружением школы. Подготовка педагогов и администраторов к адекватному взаимодействию - семинары, тренинги по снижению предвзятости, сформированию атмосферы принятия. Создание учебной среды, где сверстники поддерживают, где есть элементы наставничества. Работа с группами, которые помогают уменьшить стигму.

5. Интеграция soft skills в учебный процесс. Межличностные навыки, коммуникация, самоэффективное поведение, умение решать конфликты, работа в группе и др. - всё это может стать частью обязательной учебной и воспитательной программы, особенно для подростков, проходящих ресоциализацию. Это способствует расширению возможностей их адаптации [1].

6. Сохранение и развитие социальных связей и участия в жизни сообщества. Контакты с родственниками, общественными организациями, волонтерскими проектами, проекты с гражданским обществом - всё это важно. Такие связи дают ощущение поддержки и смысла, уменьшают изоляцию и отчуждение. Поздняков, например, в российских исследованиях отмечает роль институтов гражданского общества.

7. Правовое и организационное обеспечение. Необходимы чёткие нормативы, инструкции, политика школ и образовательных учреждений, которые регламентируют, как работать с несовершеннолетними, прибывшими из мест изоляции. Это включает права подростков, обязанности педагогов, помощь психологов, социальные гарантии, возможную защиту от дискриминации. Также важно законодательное регулирование образовательных программ внутри и после исполнения наказания, чтобы не было разрыва между режимами [14].

8. Мониторинг, оценка и исследования. Важно регулярно исследовать, насколько программы работы с такими подростками эффективны: психологические показатели, успеваемость, поведенческие сдвиги, повторные правонарушения. Длительный фоллоу ап позволит оценить, что действительно работает, что - нет.

Практические решения, которые могут быть реализованы могут быть такими, как программы сопровождения школьников на пороге выхода из изоляции, ещё до возвращения в школу: подготовительные курсы, психологическая подготовка, знакомство с текущими требованиями, возможностью «мягкого входа». Создание «мостов» между исправительными учреждениями и образовательными учреждениями: обмен данными о пробелах в знаниях, совместная работа педагогов предыдущего заведения и школы приёмника. Наставничество: выделение взрослого, доверенного лица (психолога, социального педагога, волонтера) который помогает подростку ориентироваться в новой или восстановленной образовательной среде, помогает налаживать связи со сверстниками. Групповые программы поддержки: группы сверстников с похожим опытом, групповые упражнения, тренинги (коммуникативные навыки, работа с эмоциями, навыки учебной мотивации). Обучение педагогов, психологов и школьного персонала: информирование о психологии девиантности, стрессе, травме, понимание предвзятости и её последствий. Это может быть часть повышения квалификации. Институциональные меры: законодательные инициативы, финансирование программ поддержки, ресурсов на психологов и социально педагогов в школах, государственные проекты.

Таким образом, ресоциализация несовершеннолетних осужденных в образовательной среде - процесс крайне трудный, многослойный и требующий системного подхода. Психологические риски, о которых шла речь - внутренние и внешние - если не работать с ними, способны не просто замедлить восстановление, но привести к рецидиву, отчуждению, ухудшению психического здоровья.

Образовательная организация может играть решающую роль не просто как место, где выполняются академические пробелы, но как пространство, в котором происходит восстановление личности: её идентичности, самооценки, чувства причастности к обществу. Для этого нужны подготовленные кадры, адаптивные программы, мягкие навыки, поддержка, законодательно закреплённые права подростков, мониторинг.

Исходя из вышесказанного можно заключить, что лучший путь - это интеграция психологически ориентированных, междисциплинарных программ, которые учитывают особенности каждого подростка, начали бы работу ещё до выпуска из исправительного учреждения и продолжались бы в пост пенитенциарный период в школе.

Список литературы:

[1] Дедусенко Е. А., Елина О. А. Молодежное технологическое предпринимательство: тренды и вызовы создания стартапа // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2022. — №. 4. — С. 628-634.

[2] Ивушкина О. В. О некоторых мерах профилактики преступности несовершеннолетних и молодежи // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2025. — №. 2. — С. 47-56.

[3] Кондратюк А. В России снизилось количество осужденных несовершеннолетних. // РИА Новости. 2025. URL: https://rapsinews.ru/judicial_department_news/20250730/311057248.html (дата обращения: 19.12.2025).

[4] Лескова И. В., Кожевникова А. М., Лушников Д. А. Развитие soft skills и другие образовательные тренды социального развития в процессе ресоциализации несовершеннолетних осужденных и заключенных // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — №. 2. — С. 35-44.

[5] Манахов С. В. Особенности «Я-концепции» несовершеннолетних, злоупотребляющих психоактивными веществами // Евразийский Союз Ученых. — 2015. — №. 3-7. — С. 82-85.

[6] Мустаев В. И., Буркина О. А. Профилактика преступности несовершеннолетних в образовательной среде // Инновационная наука. — 2023. — №. 10-2. — С. 61-63.

[7] Намазова Ф. Ф. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных: проблемы и пути их решения // Бюллетень науки и практики. — 2018. — №. Т.4, №3. — С. 293-300.

[8] Нилова Л. А. К вопросу о ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Colloquium-journal. — 2019. — №. 5. — С. 129-130.

[9] Пинигин Я. С. Проблемы рецидива преступлений несовершеннолетних // Вестник науки и образования. — 2021. — №. 16-2. — С. 67-69.

[10] Подольский А. И., Идобаева О. А. К проблеме подготовки специалистов по направлению «Педагогика и психология девиантного поведения» // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. — 2017. — №. 4. — С. 110-120.

[11] Поздняков В. М. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных на основе системы общественных воздействий: история и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2011. — №. 4. — С. 70-81.

[12] Попов П. П/ Типология конфликтов в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав на примере Московской области // Педагогика: история, перспективы. — 2022. — №. 2. — С. 115-131.

[13] Самохвалов И. Ю., Санташов А. Л. Проблемы правовой регламентации процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Пенитенциарная наука. — 2023. — №. 2. — С.

163-174.

[14] Смирнова И. Н., Бычинская И. С., Казак И. Б. Организационно-правовое обеспечение управления уголовно-исполнительными инспекциями в работе с несовершеннолетними осужденными // Право и государство: теория и практика. — 2023. — №. 11. — С. 443-445.

[15] Reintegration with Resilience: Understanding and Overcoming the Challenges of Juvenile Records. // U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs. URL: <https://www.ojp.gov/library/publications/reintegration-resilience-understanding-and-overcoming-challenges-juvenile> (дата обращения: 16.12.2025).

References:

[1] Dedusenko E. A., Elina O. A. Youth Technological Entrepreneurship: Trends and Challenges of Startup Creation // Bulletin of Udmurt University. Series «Economics and Law». - 2022. - No. 4. - Pp. 628-634.

[2] Ivushkina O. V. On Some Measures to Prevent Juvenile and Youth Delinquency // Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences. - 2025. - No. 2. - Pp. 47-56.

[3] Kondratyuk A. The Number of Convicted Minors Has Decreased in Russia // RIA Novosti. 2025. URL: https://rapsinews.ru/judicial_department_news/20250730/3111057248.html (date accessed: 19.12.2025).

[4] Leskova I. V., Kozhevnikova A. M., Lushnikov D. A. Development of soft skills and other educational trends of social development in the process of resocialization of juvenile convicts and prisoners // The World of Science. Pedagogy and Psychology. - 2025. - No. 2. - P. 35-44.

[5] Manakhov S. V. Features of the «Self-concept» of minors abusing psychoactive substances // Eurasian Union of Scientists. - 2015. - No. 3-7. - P. 82-85. [6] Mustaev V. I., Burkina O. A. Prevention of Juvenile Delinquency in the Educational Environment // Innovative Science. - 2023. - No. 10-2. - P. 61-63.

[7] Namazova F. F. Resocialization of Juvenile Convicts: Problems and Solutions // Bulletin of Science and Practice. - 2018. - No. V. 4, No. 3. - P. 293-300.

[8] Nilova L. A. On the Issue of Resocialization of Juvenile Convicts // Colloquium-journal. - 2019. - No. 5. - P. 129-130.

[9] Pinigin Ya. S. Problems of Recidivism of Juveniles // Bulletin of Science and Education. - 2021. - No. 16-2. — P. 67-69.

[10] Podolsky A. I., Idobaeva O. A. On the Problem of Training Specialists in the Field of «Pedagogy and Psychology of Deviant Behavior» // Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical Education. — 2017. — No. 4. — P. 110-120.

[11] Pozdnyakov V. M. Resocialization of Juvenile Convicts Based on the System of Social Influences: History and Modernity // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. — 2011. — No. 4. — P. 70-81.

[12] Popov P. P/ Typology of Conflicts in the Activities of Commissions on Minors' Affairs and the Protection of Their Rights on the Example of the Moscow Region // Pedagogy: History, Prospects. — 2022. — No. 2. — P. 115-131.

[13] Samokhvalov I. Yu., Santashov A. L. Problems of Legal Regulation of the Process of Resocialization of Juvenile Convicts // Penitentiary Science. — 2023. — No. 2. — P. 163-174.

[14] Smirnova I. N., Bychinskaya I. S., Kazak I. B. Organizational and Legal Support for the Management of Criminal Executive Inspectorates in Working with Juvenile Convicts // Law and State: Theory and Practice. — 2023. — No. 11. — P. 443-445.

[15] Reintegration with Resilience: Understanding and Overcoming the Challenges of Juvenile Records. // U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs. URL: <https://www.ojp.gov/library/publications/reintegration-resilience-understanding-and-overcoming-challenges-juvenile> (accessed: 16.12.2025).

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ШАРНИН Андрей Андреевич,
аспирант,
Уральский институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: bkastov@mail.ru

ПОНЯТИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ФОРМ ХИЩЕНИЯ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Во всём мире хищения испокон веков остаются одними из самых распространённых и наиболее часто совершаемых преступлений. Большинство форм хищения не сопряжены с причинением вреда жизни и здоровью человека. Однако, есть и такие формы, которые сочетают в себе также физическое или психическое насилие по отношению к потерпевшему. К ним относятся насильственный грабёж и разбой. Это не только одни из самых часто встречаемых преступлений, но вместе с тем и самые опасные формы хищения, так как в процессе осуществления такого преступления, потерпевшему причиняется вред телесной неприкосновенности и здоровью, а иногда и жизни. В данной статье подробно проанализированы и систематизированы нормы российского уголовного законодательства, посвящённого ответственности за насильственные формы хищения. Представляется, что детальный обзор норм отечественного уголовного законодательства в этой сфере позволит лучше понимать особенности конструкции составов преступлений насильственного грабежа и разбоя в Уголовном Кодексе Российской Федерации.

Актуальность темы обусловлена участвовавшими случаями совершений таких преступлений как насильственный грабёж и разбой.

Научная новизна исследования состоит в анализе, систематизации и дифференциации уголовного законодательства РФ о насильственных формах хищения.

Ключевые слова: хищение, насильственные формы, состав преступления, квалификация, дифференциация.

SHARNIN Andrey Andreevich,
Postgraduate Student,
Ural Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Yekaterinburg, Russia

THE CONCEPT OF VIOLENT FORMS OF THEFT UNDER THE CURRENT CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Throughout the world, theft has always been one of the most widespread and most frequently committed crimes. Most forms of theft do not involve harm to human life and health. However, there are also forms that combine physical or mental violence against the victim. These include violent robbery and robbery. These are not only one of the most common crimes, but also the most dangerous forms of embezzlement, since in the process of committing such a crime, the victim's bodily integrity and health are harmed, and sometimes even his life.

This article analyzes in detail and systematizes the norms of Russian criminal legislation on liability for violent forms of embezzlement. It seems that a detailed review of the norms of domestic criminal legislation in this area will make it possible to better understand the design features of the crimes of violent robbery and robbery in the Criminal Code of the Russian Federation.

The relevance of the topic is due to the increased frequency of crimes such as violent robbery and robbery.

The scientific novelty of the research consists in the analysis, systematization and differentiation of the criminal legislation of the Russian Federation on violent forms of theft.

Key words: theft, violent forms, corpus delicti, qualification, differentiation.

Хищение занимает центральное место среди правовых категорий, объединяя значительное количество противозаконных деяний уголовного и административного характера. Законодательное определение данного правового феномена представлено в первом примечании статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации. Сущностные признаки хищения проявляются через совокупность противоправных актов, направленных на безвозмездное завладение имуществом объектами, принадлежащими иным субъектам права. Преступные действия, обусловленные корыстной мотивацией, реализуются преступником либо аффилированными лицами, причиняя экономический вред правообладателям имущественных благ [9].

Разъяснение специфики кражи как отдельного вида хищения представлено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ N 29 от 27.12.2002 г., регламентирующем судебную практику рассмотрения дел по фактам краж, грабежей, разбойных нападений. Правовой акт формулирует основания классификации скрытого хищения чужих материальных ценностей, включая случаи отсутствия правообладателей либо сторонних наблюдателей, а также ситуации неосведомленности присутствующих лиц о совершаемом преступлении. Юридическая квалификация деяния как кражи сохраняет силу при условии субъективного восприятия преступником собственных действий как незаметных, независимо от фактического обнаружения хищения окружающими [4].

Противоположностью выступает открытое хищение чужого имущества, совершаемое непосредственно при владельце, собственнике или посторонних лицах. Существенным признаком выступает осознание преступником факта понимания очевидцами противозаконности производимых действий, вне зависимости от предпринятых мер противодействия [2, с. 111].

Законодательное разграничение открытого и тайного способов хищения обусловлено необходимостью защиты права собственности с учетом принципов справедливости и гуманизма. Открытая форма хищения характеризуется повышенной общественной опасностью, демонстрируя игнорирование правовых механизмов, пренебрежение возможным уголовным преследованием, полное отрицание морально-правовых общественных установок.

Насильственные формы грабежа и разбойные нападения представляют наиболее опасную категорию имущественных преступлений, характеризующуюся масштабными негативными последствиями для жертв преступных действий. Нанесенные физические травмы и психологические потрясения могут привести к гибели пострадавших лиц. Научное обоснование указанной проблематики отражено в работах Лопашенко Н.А., выдвигающей концепцию выделения насильственного грабежа в самостоятельную раз-

новидность хищения вместо квалифицирующего признака грабежа. Автор научного исследования предлагает исключить разбойное нападение из системы хищений. Правовая классификация разграничивает открытое ненасильственное завладение чужими материальными ценностями и насильственный грабеж, характеризующийся применением силового воздействия без создания непосредственной опасности жизнедеятельности пострадавшего [3, с. 117].

Преступные посягательства насильственного характера, направленные против собственности, нарушают телесную неприкосновенность граждан, причиняют вред здоровью, создают угрозу жизни. Законодательные нормы устанавливают повышенную ответственность за совершение подобных преступных деяний в сравнении с ненасильственными способами хищения, руководствуясь принципом верховенства человеческой жизни как фундаментальной ценности.

Специфика насильственных хищений заключается в комплексном характере посягательства, направленного одновременно на имущественные права и личность потерпевшего. Законодательная классификация выделяет насилие, представляющее опасность для жизни и здоровья, и насилие, не создающее подобной угрозы. Каждая разновидность может проявляться в физической либо психической форме.

Психическое насилие представляет собой угрозу моментального применения силы, реализуемую посредством демонстрации оружия или предметов, потенциально опасных для здоровья, вербальных заявлений или невербальных сигналов. Ключевым фактором выступает субъективное восприятие потерпевшим реальности угрозы жизни или здоровью. Результатом подобного воздействия становится подавление волевых качеств жертвы, вынужденной передать имущество либо отказаться от противодействия его изъятию ввиду убежденности в неотвратимости реализации угрозы [6, с. 56].

Механизм психического насилия реализуется через разнообразные коммуникативные сигналы и прямые заявления злоумышленника, направленные на немедленное устрашение жертвы. Угрожающие намерения преступника могут транслироваться вербально, через жесты или мимические проявления [8, с. 72].

Принципиальное значение имеет терминологическое разграничение психического и психологического насилия. Последнее характерно для семейно-правовых и гражданско-правовых отношений, затрагивая иные психологические механизмы воздействия на личность, отличные от психического насилия в контексте преступных посягательств.

В структуре физического насилия выделяют две основные разновидности противозаконного воздействия: представляющее и не представляющее угрозы жизни и здоровью потерпевшего.

В научной доктрине физическое насилие рассматривается как умышленное применение силы преступным элементом в отношении жертвы, формирующее фактическую угрозу нормальному функционированию организма и здоровью пострадавшего лица. Фактически физическое насилие выступает инструментом криминального установления власти и контроля над потерпевшим [7, с. 54]. В контексте разбойных нападений и насильственных грабежей физическое насилие служит механизмом реализации корыстных намерений преступника.

Неопасное для жизни и здоровья насилие проявляется через нанесение ударов, причинение болевых ощущений, применение методов ограничения свободы пострадавшего путем использования веревок, специальных средств фиксации, принудительной изоляции в закрытых помещениях [4].

Уголовный кодекс РФ в статье 162 определяет опасное для жизни или здоровья насилие как причинение тяжких телесных повреждений либо вреда средней степени тяжести. Правовая интерпретация распространяет указанную классификацию на случаи нанесения легких повреждений, вызывающих кратковременное расстройство здоровья или минимальное снижение трудоспособности [4]. Существующее постановление не выделяет фактическое наступление последствий насильственных действий в качестве ключевого классификационного признака.

Медицинская оценка степени причиненного вреда здоровью регламентируется Приложением к Приказу Минздрава России от 24 апреля 2008 г., устанавливающим критерии определения тяжести повреждений. Документ характеризует вред здоровью как патологическое изменение анатомической структуры организма, нарушение физиологических процессов органов и тканей. Патологические изменения развиваются вследствие механических травм, химического воздействия, биологических агентов, психологических факторов [5].

В данном источнике также содержится информация о психическом расстройстве как об отдельном виде вреда здоровью, именно поэтому выше и говорилось о психическом насилии в отношении потерпевшего. Психическое здоровье столь же важно, как и физическое, а многие врачи склоняются к тому, что зачастую психическое здоровье играет более важную роль в современном мире, чем физическое [1, с. 90]. В связи с этим, включение в состав насильственного грабежа и разбоя угрозы применения насилия представляется оправданным решением.

Также стоит отметить, что насилие в ходе совершения насильственных форм хищения всегда осуществляется только с прямым умыслом, при этом такой умысел направлен не столько на причинение вреда здоровью потерпевшего (например, в связи с личным неприязненными отно-

шениями), сколько на достижение основной преступной цели – завладение чужим имуществом незаконным путём. Насилие выступает специфическим методом противоправного завладения чужими материальными ценностями, представляя собой инструментальный компонент преступного деяния. В качестве способа осуществления хищения насильственные действия виновного субъекта направлены на подавление способности потерпевшего к сопротивлению. Основная цель применения насилия заключается в блокировании возможности жертвы предпринять меры по защите имущества, находящегося в законном владении, путем деструктивного воздействия на волевые качества личности.

Насилие при хищении применяется виновным лицом исключительно в целях изъятия (хищения) чужого имущества, то есть с целью облегчения его осуществления. Также насилие может быть применено в отношении потерпевшего в том числе и с целью запугать его, чтобы он в дальнейшем не обратился в правоохранительные органы. Таким образом, цель применения насилия в таком случае выступает в качестве способа облегчения осуществления изъятия чужого имущества, так и в качестве предостережения, своего рода страховки от того, чтобы потерпевший не сообщил о совершенном в отношении него преступлении.

Список литературы:

- [1] Епифанов Б. В. Предмет преступления: понятие и проблемы правотворчества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2015. — № 2. — С. 90.
- [2] Карманов М.Л. Разбой и грабёж: проблемы правоприменительной практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 3. — С. 111.
- [3] Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. М.: ЛексЭст, 2005. С. 117.
- [4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 16.08.2025г.).
- [5] Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. N 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 16.08.2025г.).
- [6] Шалюгина Е.С. Признаки «нападение» и «насилие» как криминообразующие признаки разбоя // Российский следователь. — 2019. — № 11. — С. 56.
- [7] Шалюгина Е.С. Указ. соч. С. 54.
- [8] Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов // И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. С. 72.
- [9] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант

Плюс» (дата обращения 16.08.2025г.).

References:

[1] Epifanov B. V. Subject of a Crime: Concept and Problems of Lawmaking // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2015. - No. 2. - P. 90.

[2] Karmanov M. L. Robbery and Plunder: Problems of Law Enforcement Practice // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2022. - No. 3. - P. 111.

[3] Lopashenko N. A. Crimes against Property. Moscow: LexEst, 2005. P. 117.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.12.2002 No. 29 «On Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery, and Plunder» // SPS «Consultant Plus» (date of access 16.08.2025).

[5] Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of April 24, 2008 No. 194n «On Approval of Medical Criteria for Determining the Severity of Harm Caused to Human Health» // SPS «Consultant Plus» (date of access 08/16/2025).

[6] Shalyugina E.S. Signs of «assault» and «violence» as criminally significant features of robbery // Russian investigator. - 2019. - No. 11. - P. 56.

[7] Shalyugina E.S. Op. cit. P. 54.

[8] Criminal Law. General Part: textbook for universities // I. Ya. Kozachenko, G. P. Novoselov. - 6th ed., revised and enlarged. — Moscow: Yurait Publishing House, 2023. P. 72.

[9] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // SPS «Consultant Plus» (date of access August 16, 2025).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.
В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ГРОМОВ Александр Александрович,
аспирант 3 курса юридического факультета,
ФГБОУ ВО «РГАИС»,
Москва, Россия,
e-mail: s19-bazasu@yandex.ru

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ, НЕ ОТНОСЯЩИХСЯ К ОБЪЕКТАМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию юридической природы нематериальных объектов гражданских прав, не подпадающих под традиционные правовые конструкции интеллектуальной собственности и права собственности. Рассматриваются основные признаки и особенности цифровых активов, предлагается их классификация по различным критериям. Исследуется необходимость формирования обособленного правового института для регулирования данных объектов.

Ключевые слова: цифровые активы, нематериальные объекты, NFT-токены, криптовалюта, доменные имена, правовое регулирование, гражданское право, классификация.

GROMOV Alexander Alexandrovich,
3rd-year postgraduate student, Faculty of Law,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «RGAIS»,
Moscow, Russia

THE PROBLEM OF CLASSIFYING INTANGIBLE OBJECTS OF CIVIL RIGHTS THAT ARE NOT RELATED TO INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS

Annotation. This article is devoted to the study of the legal nature of intangible objects of civil rights that do not fall under the traditional legal frameworks of intellectual property and property rights. It examines the main characteristics and features of digital assets and proposes their classification based on various criteria. The necessity of creating a distinct legal institution to regulate these objects is also explored.

Key words: digital assets, intangible objects, NFT tokens, cryptocurrency, domain names, legal regulation, civil law, classification.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий и глобализация экономических процессов привели к возникновению новых форм нематериальных объектов, которые требуют адекватного правового регулирования. Современные тенденции в правовой сфере характеризуются значительным ростом количества и разнообразия цифровых нематериальных объектов, которые не подпадают под регулирование положений о праве собственности (ст. 128 и 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ) и не относятся к категории интеллектуальной собственности (ст. 1225 ГК РФ).

Настоящая статья ставит целью обратить внимание исследователей на необходимость разработки научно обоснованной классификации нематериальных объектов, не относящихся к интеллектуальной собственности (далее – НО) как основы для формирования эффективного правового регулирования.

Признаки НО

НО представляют собой новую категорию объектов гражданских прав, которые обладают рядом уникальных характеристик, отличающих их от традиционных материальных объектов и классических нематериальных благ [1]. Прежде всего, такие объекты не имеют физической формы или материальная форма не отражает их значимости (как, например, технические условия, которые представляют собой документ, но ценность представляет не сам документ, а право применять его содержание в производстве). Они имеют информационную природу — представляют собой зафиксированную информацию, которая идентифицируется, передается и используется благодаря цифровым технологиям. Технологическая обусловленность цифровых нематериальных объектов выражается в их неразрывной связи с такими инновационными технологиями, как блокчейн, криптография и распределенные регистры. Кроме того, каждый такой объект характеризуется уникальностью и возможностью

идентификации с помощью технических средств, что осуществляется, например, через цифровые подписи или хеш-функции. Особую роль играет также специфический порядок распоряжения этими объектами, который происходит в рамках информационных или цифровых платформ, что отличает данные объекты от привычных способов оборота материальных благ. К НО можно отнести криптовалюты, NFT-токены, доменные имена, уникальные предметы в онлайн-играх и иные цифровые активы, возникшие в результате цифровизации общественных отношений.

Обоснование необходимости разработки классификации НО

В настоящее время правовое регулирование НО сталкивается с существенными трудностями, вызванными отсутствием общепринятой научной классификации и правового института, адекватно отражающего их особенности. Эти объекты не могут быть отнесены ни к объектам интеллектуальной собственности, поскольку не отнесены ГК РФ к результатам интеллектуальной деятельности или приравненным к ним средствам индивидуализации, ни к объектам собственности, так как не обладают материальной формой, что исключает характерное для права собственности правомочие владения. Отсутствие четкого научного понимания и систематизации таких объектов ведет к неоднозначностям в юридической практике, создает правовую неопределенность для субъектов правоотношений и усложняет применение норм гражданского законодательства.

Классификация НО необходима для формирования единой терминологии и разграничения правового режима различных категорий цифровых активов [3]. Это позволит научно обосновать характеристики, свойства и специфику каждой подгруппы объектов, определить особенности их возникновения, перехода прав и охраны. На практическом уровне систематизация способствует созданию специализированных законов и нормативных актов, разработке эффективных механизмов защиты прав, а также повышению прозрачности и предсказуемости гражданского оборота НО [4].

Кроме того, учитывая многообразие и динамичность цифрового пространства, классификация служит инструментом адаптации законодательства к новым реалиям цифровой экономики и технологическому развитию. Она способствует устранению пробелов и коллизий в правовом регулировании, снижению рисков злоупотреблений и повышению уровня доверия участников рынка.

В итоге, классификация НО на отдельные группы по различным критериям становится существенным условием для комплексного подхода к их правовому регулированию и успешной интеграции в систему гражданского права, что является актуальной задачей как для теории, так и для практики в условиях глобальной цифровизации.

Проблемы правового регулирования НО

Проблемы правового регулирования НО являются системными и многоаспектными. Первой и основной трудностью служит отсутствие единого и последовательного подхода к регулированию данных объектов, так как различные виды НО существуют в условиях разрозненного и неполного правового поля. Это порождает значительную правовую неопределенность, в результате чего субъекты гражданского оборота испытывают затруднения в реализации и защите своих прав, что негативно сказывается на развитии цифровых рынков и технологий. Отсутствие четко сформулированного правового статуса у большинства НО ведет к сложностям определенности правовых последствий сделок с ними и снижает уровень доверия участников оборота. Более того, специфика цифровых активов, имеющих трансграничный характер и существующих в глобальном цифровом пространстве, ставит вопрос о необходимости согласованности и гармонизации законодательства различных государств в этой сфере.

Современная практика и нормативная база по регулированию НО многих государствах находятся в стадии формирования и требуют совершенствования. Россия, в частности, предприняла шаги по признанию цифровых прав как отдельного вида имущественных прав, закрепив их в ГК РФ, приняв федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ, а также ряд иных нормативных актов [5]. Однако эти меры, несмотря на значимость, пока не охватывают всех видов НО и не обеспечивают комплексного правового регулирования.

Для совершенствования правового режима НО необходимо разработать специализированный правовой институт, который будет учитывать технологические особенности, обеспечивать баланс интересов создателей, правообладателей и пользователей, а также создавать механизмы эффективной защиты и реализации прав. В основе такого института оптимально использовать правовые конструкции института интеллектуальной собственности, в связи с тем, что такие конструкции уже отработаны и в значительной степени гармонизированы для удобства их применения в наибольшем количестве государств [2].

Таким образом, построение эффективной системы правового регулирования НО требует комплексного и системного подхода, объединяющего законодательство, технологические инновации и практики применения, что станет условием устойчивого развития цифровой экономики и гражданского оборота в условиях глобализации.

В качестве примера предлагается рассмотреть классификацию НО по оборотоспособности:

1) объекты, не ограниченные в гражданском обороте: доменные имена, криптовалюта, технические условия, информация (не охраняемая законом), и уникальное игровое имущество — объекты, на которые возможно переход прав в гражданском обороте и которые имеют рыночную стоимость;

2) объекты с ограниченным или специальным режимом: право на псевдоним и деловая репутация — объекты, права на которые регулируются нормами о нематериальных благах (глава 8 ГК РФ), имеют связь с определенным субъектом права и не могут свободно участвовать в гражданском обороте.

Приведенная в качестве примера классификация способствует систематизации знаний, облегчает работу законодателей, судов и правообладателей и служит основой для дальнейших научных исследований и развития гражданского законодательства в области нематериальных благ.

Заключение

НО представляют собой качественно новую категорию правовых явлений, требующую переосмысления традиционных подходов к правовому регулированию. Их уникальная природа, обусловленная технологическими особенностями создания и функционирования, определяет необходимость разработки специальных правовых конструкций.

Классификация цифровых нематериальных объектов по различным критериям позволит систематизировать многообразие существующих и возникающих объектов, что послужит основой для формирования дифференцированного правового регулирования.

Будущее развитие правовой системы требует создания обособленного правового института, способного эффективно регулировать отношения, возникающие по поводу НО, с учетом их

специфики и обеспечением необходимого баланса интересов всех участников правоотношений.

Список литературы:

[1] Ермаков А.В. Права субъектов в виртуальной реальности // Копирайт. — 2022. — №. 2. — С. 22-39.

[2] Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: дис. канд. юр. наук. — М., 2021. — С. 234.

[3] Журавлева А.В., Зейналова Л.М. Нематериальные объекты гражданских прав, проблемы классификации // Аграрное и земельное право. — 2023. — №. 5. — С. 105-108.

[4] Чеченов А.А. Основные вопросы цифрового права в системе объектов гражданских прав // Право и управление. — 2024. — №. 7. — С. 64-66.

[5] Шипика Л.В. О цифровых финансовых активах и цифровой валюте: законодательные новеллы // Право и государство: теория и практика. — 2021. — №. 7. — С. 165-169.

References:

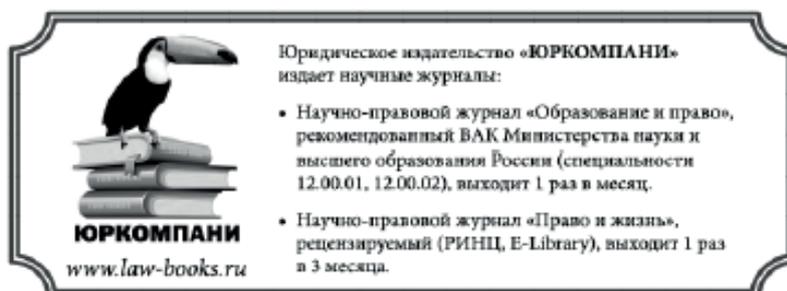
[1] Ermakov A.V. Rights of Subjects in Virtual Reality // Copyright. - 2022. - No. 2. - P. 22-39.

[2] Kirsanova E.E. Legal Regulation of the Circulation of Rights to the Results of Intellectual Activity in the Digital Economy: Dis. Cand. of Law. - Moscow, 2021. - P. 234.

[3] Zhuravleva A.V., Zeynalova L.M. Intangible Objects of Civil Rights, Classification Problems // Agrarian and Land Law. - 2023. - No. 5. - P. 105-108.

[4] Chechenov A.A. Key Issues of Digital Law in the System of Civil Rights Objects // Law and Management. - 2024. - No. 7. - P. 64-66.

[5] Shipika L.V. On digital financial assets and digital currency: legislative innovations // Law and state: theory and practice. - 2021. - No. 7. - P. 165-169.

РОМАНКО Оксана Анатольевна,
доцент, кандидат психологических наук,
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»,
Нижевартовск, Россия,
e-mail: romankooa@yandex.ru

КОЛОС Алина Геннадиевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»,
Нижевартовск, Россия,
e-mail: kolosalina955@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО ПРОФИЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЯНИЯ

Аннотация. В данной работе рассматривается комплексный психологический портрет подростков, склонных к противоправному поведению. Анализ показывает, что их личность редко обусловлена единственной причиной, а представляет собой сложный сплав дезадаптивных черт, сформировавшихся под влиянием многофакторного давления — от семейного неблагополучия до широкого социокультурного контекста.

В качестве ключевых характеристик выделены и детально проанализированы: доминирующая агрессивность как эхо внутренних конфликтов; импульсивность и критически низкий самоконтроль; выраженный эгоцентризм и дефицит эмпатии; деформация ценностно-нормативной системы; неустойчивая, противоречивая самооценка; склонность к поиску острых ощущений; а также глубокое чувство отчуждения и проблемы в межличностных отношениях.

Особое внимание уделяется роли акцентуаций характера (по А.Е. Личко) как факторам, повышающим уязвимость подростка в неблагоприятных условиях. Подчеркивается, что такие типы, как гипертимный, неустойчивый, возбудимый или истероидный, могут служить почвой для делинквентности, но не являются ее фатальной причиной.

Исследование делает вывод о том, что эффективная профилактика и коррекция требуют не просто пресечения нарушений, а глубокой, комплексной работы с личностью подростка. Такая работа должна быть направлена на развитие самоконтроля и эмпатии, формирование адекватной самооценки, восстановление системы социально одобряемых ценностей и укрепление конструктивных связей с обществом. Это сложная задача, требующая скоординированных усилий психологов, педагогов, социальных работников и семьи.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, личностный профиль, делинквентное поведение, психологический портрет, агрессивность, враждебность, импульсивность, низкий самоконтроль, эгоцентризм, дефицит эмпатии, деформация ценностно-нормативной системы, неустойчивая самооценка, склонность к риску, отчуждение, акцентуации характера.

ROMANKO Oksana Anatolyevna,
Associate Professor, PhD in Psychology,
Nizhnevartovsk State University,
Nizhnevartovsk, Russia

KOLOS Alina Gennadiyevna,
Student,
Nizhnevartovsk State University,
Nizhnevartovsk, Russia

FEATURES OF THE PERSONALITY PROFILE OF MINORS WHO HAVE COMMITTED UNLAWFUL ACTS

Annotation. This paper examines a comprehensive psychological portrait of adolescents prone to illegal behavior. The analysis shows that their personality is rarely determined by a single cause, but is a complex

fusion of maladaptive traits formed under the influence of multifactorial pressure — from family problems to a broad socio-cultural context.

The following key characteristics are highlighted and analyzed in detail: dominant aggressiveness as an echo of internal conflicts; impulsivity and critically low self-control; pronounced egocentrism and lack of empathy; deformation of the value-normative system; unstable, contradictory self-esteem; a tendency to seek thrills; as well as a deep sense of alienation and problems in interpersonal relationships.

Special attention is paid to the role of character accents (according to A.E. Lichko) as factors that increase a teenager's vulnerability in adverse conditions. It is emphasized that such types as hyperthymic, unstable, excitable, or hysterical can serve as grounds for delinquency, but are not its fatal cause.

The study concludes that effective prevention and correction require not just the suppression of violations, but deep, comprehensive work with the personality of a teenager. Such work should be aimed at developing self-control and empathy, forming adequate self-esteem, restoring a system of socially acceptable values and strengthening constructive ties with society. This is a difficult task that requires coordinated efforts by psychologists, educators, social workers, and family.

Key words: *juvenile delinquents, personality profile, delinquent behavior, psychological profile, aggressiveness, hostility, impulsivity, low self-control, egocentrism, lack of empathy, deformation of the value-normative system, unstable self-esteem, risk-taking, alienation, character accentuation.*

Изучение личностного профиля несовершеннолетних правонарушителей остается одной из центральных и междисциплинарных проблем современной психологии и криминологии. Несмотря на обширный корпус исследований, фокусирующихся на изолированных факторах риска – от конкретных личностных черт, таких как импульсивность и низкий самоконтроль (М. Готтфредсон, Т. Хирши, 1990), до влияния семейного неблагополучия и девиантных групп, - сохраняется фрагментарность в понимании личности как целостного, системного образования. Настоящая работа преодолевает эту ограниченность, предлагая интегративный анализ, который восполняет выявленные «белые пятна». Его научная новизна заключается в синтетическом подходе, смещающем акцент с описания отдельных характеристик на исследование их структурных взаимосвязей и иерархии (например, связи дефицита эмпатии с деформацией ценностно-нормативной системы), а также в рассмотрении этого психологического сплава как динамического результата взаимодействия внутренних предпосылок и современного многофакторного давления социокультурного контекста. Таким образом, целью является построение комплексного портрета, раскрывающего глубинные механизмы дезадаптации, что позволяет перейти от анализа факторов к пониманию процесса их конвергенции в целостный личностный синдром [8].

Погружаясь в психологический портрет несовершеннолетних правонарушителей, мы можем выделить ряд характерных особенностей, которые, взаимодействуя друг с другом, создают уникальный, но часто трагичный, личностный узор [6].

1. Агрессивность и враждебность: эхо внутренних конфликтов.

Одной из наиболее ярких и часто доминирующих черт в личностном профиле несовершеннолетних правонарушителей является агрессивность, которая может проявляться в различных формах – от вспыльчивости и вербальной агрес-

сии до физического насилия. Эта агрессия нередко является результатом глубокого внутреннего напряжения, накопленных обид, пережитого насилия или систематического отвержения. Подросток, который регулярно сталкивается с несправедливостью, жестокостью или пренебрежением в семье или школе, может усвоить агрессию как единственно возможный способ самозащиты или достижение своих целей [1].

Проявления этого может быть хроническая раздражительность, повышенная конфликтность, склонность к дракам, угрозы, разрушительное поведение (вандализм). В некоторых случаях агрессия приобретает характер проактивной, когда она используется для доминирования, запугивания или получения выгоды, а не только как реакция на угрозу.

Враждебность к миру и людям часто лежит в основе такой агрессии. Мир воспринимается как опасное, несправедливое место, где каждый сам за себя, и где нужно быть либо хищником, либо жертвой. Это формирует параноидальные установки, когда подросток постоянно находится в состоянии «боевой готовности», видя угрозу даже там, где ее нет, и реагируя на нее с избыточной силой [11].

2. Импульсивность и критически низкий самоконтроль: жизнь «здесь и сейчас».

Импульсивность и низкий самоконтроль – это, пожалуй, центральные характеристики, которые подчеркивают многие теории делинквентности, в частности теория самоконтроля Хирши и Готтфредсона. Такие подростки живут «здесь и сейчас», стремясь к немедленному удовлетворению желаний и неспособные отсрочить вознаграждение. Они действуют, не задумываясь о последствиях, не способны к долгосрочному планированию и не умеют предвидеть негативные результаты своих поступков [13].

Данный дефицит самоконтроля часто коренится в раннем детстве, в недостатках семейного воспитания – отсутствии последовательного мониторинга, четких правил, адекватных наказаний

за нежелательное поведение. Если родитель не учит ребенка справляться с фрустрацией, ждуть, уважать границы, то к подростковому возрасту формируется личность, неспособная к внутренней регуляции [3].

Это ведет к тому, что импульсивность приводит к необдуманным решениям, внезапных вспышкам гнева, неосознанному риску и, как следствие, к совершению противоправных деяний, которые часто не приносят значительной выгоды, но несут серьезные риски.

3. Эгоцентризм и дефицит эмпатии: слепцы к чужой боли.

Подростки-правонарушители часто демонстрируют выраженный эгоцентризм – сосредоточенность исключительно на собственных потребностях, желаниях и переживаниях. Их картина мира вращается вокруг их «Я», и они с трудом воспринимают или вовсе игнорируют чувства и нужды других людей. Это напрямую связано с дефицитом эмпатии – способности сопереживать, понимать эмоциональное состояние другого человека.

Недостаток эмпатии является одним из ключевых факторов, облегчающих совершение насильственных и имущественных преступлений. Если подросток не ощущает боль жертвы, не может поставить себя на ее место, ему гораздо легче причинить вред. Это не обязательно признак психопатии; часто это результат эмоционального недоразвития, вызванного депривацией, травмой или отсутствием образцов эмпатичного поведения в окружении.

Эгоцентризм может проявляться и в манипулятивном поведении, когда подросток использует других для достижения своих целей, не испытывая при этом угрызений совести [15].

4. Деформация ценностно-нормативной системы: мир «наизнанку».

У несовершеннолетних правонарушителей часто наблюдается глубокая деформация ценностно-нормативной системы. Общепринятые моральные принципы и правовые нормы либо игнорируются, либо воспринимаются как нечто враждебное и необязательное для исполнения [7].

Вместо ценностей, таких как честность, ответственность, уважение, на первый план выходят псевдоценности – сила, власть, деньги, статус в криминальной среде, избегание наказания, «понятия» (неформальные правила криминальной субкультуры).

Свои противоправные действия они часто рационализируют и оправдывают, обвиняя жертву («сама виновата»), общество («меня никто не любит»), обстоятельства («у меня не было выбора»). Это позволяет им избежать чувства вины и поддерживать позитивное самовосприятие, несмотря на деструктивное поведение.

Отсутствие четких моральных ориентиров делает подростков уязвимыми для влияния асо-

циальных групп, где одобряются и поощряются делинквентные формы поведения [5].

5. Неустойчивость самооценки: колебания от величия до ничтожества.

Самооценка несовершеннолетних правонарушителей часто бывает нестабильной и противоречивой. Она может колебаться от неоправданно завышенной (чувство превосходства, вседозволенности, бравад) до заниженной (чувство неполноценности, стыда, отверженности).

Завышенная самооценка часто является защитным механизмом, маскирующим внутреннюю уязвимость и страх быть отвергнутым. Противоправные действия могут быть способом самоутвердиться, доказать свою значимость, особенно в глазах сверстников.

Заниженная самооценка может приводить к поиску компенсации в агрессивном поведении, стремлению к доминированию над более слабыми или присоединению к группе, которая дает ощущение силы и принадлежности.

Также таким подросткам присуща зависимость от внешних оценок. Их самооценка сильно зависит от мнения окружающих, особенно значимых (пусть и асоциальных) сверстников, что делает их крайне чувствительными к критике и подверженными влиянию [10].

6. Склонность к риску и поиску острых ощущений: адреналиновые наркоманы.

Многие подростки-правонарушители испытывают сильную потребность в поиске острых ощущений и склонны к рисковому поведению. Это может быть связано с особенностями нервной системы, а также с общей скукой, отсутствием позитивных стимулов в жизни или стремлением компенсировать внутреннюю пустоту.

Мотивация этому заключается в том, что делинквентные действия, такие как кражи, вандализм, драки, безрассудное вождение, могут восприниматься как способ получения адреналина, проверки себя «на прочность» или просто как способ «развлечься». При этом они часто недооценивают реальную опасность и тяжесть возможных юридических и социальных последствий [14].

7. Отчуждение и проблемы в межличностных отношениях: одиночество в толпе.

Несовершеннолетние правонарушители часто испытывают глубокое чувство отчуждения – от семьи, школы, общества в целом. Это может быть связано с неблагоприятными семейными отношениями (отвержение, отсутствие поддержки, конфликты), школьной дезадаптацией (неуспеваемость, конфликты с учителями и сверстниками) или социальными барьерами [4].

Отчуждение приводит к ощущению одиночества, непринятости и невостребованности. В поисках принадлежности и признания такие подростки часто примыкают к девиантным группам сверстников, которые становятся для них псевдосемьей, предоставляя иллюзию поддержки и понимания, но одновременно закрепляя антисо-

циальные модели поведения.

Их навыки конструктивного общения часто развиты слабо. Они могут быть неспособны к компромиссам, склонны к доминированию или, наоборот, к пассивно-агрессивным реакциям [12].

В отечественной психологии, особенно в клинических подходах, таких как разработанный А.Е. Личко, значимое место отводится акцентуациям характера. Это не патология, а чрезмерное усиление отдельных черт характера, делающее подростка уязвимым к определенным видам внешних воздействий и способствующее формированию делинквентного поведения в неблагоприятных условиях [9].

- Гипертимный тип, который характеризуется постоянной жадой деятельности, легкостью, общительностью, но также безответственностью, несерьезностью, склонностью к нарушениям дисциплины ради развлечения. Подростки могут быть инициаторами групповых шалостей, переходящих в правонарушения.

- Неустойчивый тип характеризуется ярко выраженной ленью, безволием, избеганием любой ответственности и усилий. Жизнь подростков строится вокруг поиска удовольствий и избегания обязанностей. Крайне податливы чужому влиянию, легко вовлекаются в преступные группы, поскольку не имеют своих твердых установок.

- Возбудимый (эпилептоидный) тип характеризуется тем, что идет высокая импульсивность, раздражительность, склонность к аффективным вспышкам гнева и агрессии. Такие подростки могут быть очень упрямыми, мстительными, склонными к физическому насилию и жестокости, часто страдают от хронического дисфорического настроения.

- Истероидный (демонстративный) тип характеризуется жадой внимания, стремлением быть в центре событий любой ценой, артистизмом и позерством. Подростки могут совершать противоправные деяния, чтобы произвести впечатление, шокировать или привлечь к себе внимание (даже негативное).

- Циклоидный тип, тут идут колебания настроения от повышенного до подавленного. В депрессивной фазе могут быть склонны к суицидальным мыслям, в гипертимной – к рискованному поведению.

- Шизоидному типу присущи замкнутость, отстраненность от внешнего мира, отсутствие эмоциональной связи с окружающими, трудности в общении. Несовершеннолетние могут быть склонны к немотивированной агрессии в ответ на вмешательство в их внутренний мир.

Важно понимать, что сама акцентуация не является «приговором» к делинквентности. Она становится фактором риска в сочетании с неблагоприятной социальной средой: семейным неблагополучием (дисфункциональная семья, насилие, отсутствие родительского контроля), педагогической запущенностью, влиянием асо-

циальных сверстников, отсутствием позитивных перспектив [2].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что личностный профиль несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния, является многомерным конструктором, который включает в себя как ярко выраженные дезадаптивные черты (агрессивность, импульсивность, эгоцентризм), так и более глубокие деформации (ценностно-нормативные, эмоциональные). Понимание этих особенностей критически важно для разработки эффективных программ профилактики и коррекции. Целью таких программ должно быть не только пресечение противоправного поведения, но и глубокая работа с личностью подростка, направленная на развитие самоконтроля, эмпатии, формирование адекватной самооценки, привитие социальных навыков и восстановление доверия к обществу. Это сложный путь, который требует комплексного подхода и участия психологов, педагогов, социальных работников и, конечно же, семьи.

Список литературы:

- [1] Алексеева Д. Н., Ширяев О. Ю. Психологические особенности несовершеннолетних преступников, возможные пути коррекции // Прикладные информационные аспекты медицины. — 2008. — №. 11. — С. 9-15.
- [2] Бадиев И. В. Типология акцентуаций характера у подростков // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. — 2015. — №. 5. — С. 60-65.
- [3] Беляева О. А., Бугайчук Т. В., Цымбалюк А. Э., Юферова М. А. Диагностика факторов социально опасного поведения подростков: апробация, психометрическая проверка инструментария // Образование и наука. — 2025. — №. 3. — С. 110-140.
- [4] Бушуева В. В. Преступное поведение среди несовершеннолетних: влияние неблагополучия семьи // Форум молодых ученых. — 2017. — №. 6 (10) — С. 294-298.
- [5] Андреев В. П. Криминальная субкультура несовершеннолетних // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — №. 4-1 (91). — С. 55-57.
- [6] Дудкевич И. С. Методы предупреждения преступности несовершеннолетних: выявление факторов антисоциального и девиантного поведения // Юридическая наука. — 2023. — №. 11. — С. 227-230.
- [7] Колесов В. И., Кузнецова И. А. Нравственность и подростковая преступность: теоретическое и прикладное обоснование взаимосвязи // Проблемы современного образования. — 2022. — №. 1. — С. 138-145.
- [8] Кушнир С. И. Социальные причины преступности в подростковой среде // Человек: преступление и наказание. — 2015. — №. 1 (88) — С. 71-75.
- [9] Личко А.Е. Психопатии и акцентуации ха-

рактера у подростков. — 2-е изд. — СПб: Питер, 2019. — 304 с.

[10] Тришкина В. С. Особенности криминологической характеристики насильственных преступлений, совершаемых осужденными по мотивам утверждения или самоутверждения // Вестник Академии права и управления. — 2025. — №. 3 (84) — С. 105-109.

[11] Туманов С. В. Социальные риски подросткового возраста: влияние буллинга на нарушения поведения и проблемы социализации // Вестник науки. — 2024. — №. 1 (70) — С. 199-205.

[12] Урусова Л. Х. О некоторых причинах и факторах, способствующих формированию делинквентных траекторий развития современной молодежи // Социально-политические науки. — 2018. — №. 3. — С. 57-61.

[13] Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. — Пер. с нем. Под общ. ред. Н. А. Головина и В. В. Козловского изд. — СПб: Алетейя, 1999. — 272 с.

[14] Чистяков К. В. Социально-психологические аспекты дискриминации несовершеннолетних: влияние на преступность // Право и управление. — 2024. — №. 12. — С. 33-36.

[15] Щербakov Г. В., Лаврентьева И. В. Роль когнитивной сферы, семьи и сверстников в развитии преступного поведения // Прикладная юридическая психология. — 2022. — №. 2. — С. 96-108.

References:

[1] Alekseeva D. N., Shiryayev O. Yu. Psychological characteristics of juvenile offenders, possible ways of correction // Applied information aspects of medicine. - 2008. - No. 11. - P. 9-15.

[2] Badiev I. V. Typology of character accentuations in adolescents // Bulletin of BSU. Education. Personality. Society. - 2015. - No. 5. - P. 60-65.

[3] Belyaeva O. A., Bugaychuk T. V., Tsybalyuk A. E., Yuferova M. A. Diagnostics of factors of socially dangerous behavior of adolescents: approbation, psychometric verification of instruments // Education and Science. - 2025. - No. 3. - P. 110-140.

[4] Bushueva V. V. Criminal behavior among minors: the influence of family dysfunction // Forum of young scientists. - 2017. - No. 6 (10). - P. 294-298.

[5] Andreev V. P. Criminal subculture of minors // International journal of humanitarian and natural sciences. - 2024. - No. 4-1 (91). - P. 55-57.

[6] Dudkevich I. S. Methods of preventing juvenile delinquency: identifying factors of antisocial and deviant behavior // Legal science. - 2023. - No. 11. - P. 227-230.

[7] Kolesov V. I., Kuznetsova I. A. Morality and juvenile delinquency: theoretical and applied substantiation of the relationship // Problems of modern education. — 2022. — No. 1. — P. 138-145.

[8] Kushnir S. I. Social Causes of Crime Among Teenagers // Man: Crime and Punishment. — 2015. — No. 1 (88) — P. 71-75.

[9] Lichko A. E. Psychopathy and Character Accentuations in Adolescents. — 2nd ed. — St. Petersburg: Piter, 2019. — 304 p.

[10] Trishkina V. S. Features of the Criminological Characteristics of Violent Crimes Committed by Convicts Motivated by Affirmation or Self-Affirmation // Bulletin of the Academy of Law and Management. — 2025. — No. 3 (84) — P. 105-109.

[11] Tumanov S. V. Social risks of adolescence: the impact of bullying on behavioral disorders and socialization problems // Science Bulletin. - 2024. - No. 1 (70) - P. 199-205.

[12] Urusova L. Kh. On some causes and factors contributing to the formation of delinquent development trajectories of modern youth // Social and political sciences. - 2018. - No. 3. - P. 57-61.

[13] Abels H. Interaction, identity, presentation. Introduction to interpretative sociology. - Translated from German. Under the general editorship of N. A. Golovin and V. V. Kozlovsky publ. - St. Petersburg: Aleteya, 1999. - 272 p.

[14] Chistyakov K. V. Social and psychological aspects of discrimination against minors: impact on crime // Law and Management. - 2024. - No. 12. - P. 33-36.

[15] Shcherbakov G. V., Lavrentyeva I. V. The role of the cognitive sphere, family and peers in the development of criminal behavior // Applied Legal Psychology. - 2022. - No. 2. - P. 96-108.

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

КАНИВЕЦКАЯ Анастасия Вадимовна,
студент,
Президентская Академия (РАНХиГС),
Москва, Россия,
e-mail: kanivetskaya1111@mail.ru

СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ OPUS DEI

Аннотация. Научной статьи по структуре организации Opus Dei в Испании. Opus Dei имело сильное влияние на внутреннюю жизнь Испании во время правления Франсиско Франко и после. Противоречия, связанные с структурой организации, ее членами и постами, которые они занимали, сложившиеся в период Франко, связанные с Opus Dei, определили актуальность данной темы. На данный момент нет точных данных, подтверждающих влияние членов организации Opus Dei на Испанию XXI века, но известны имена людей, занимавшие высокие посты в разных странах, будучи членами данной структуры. Научная новизна исследования заключается в применении материалов на иностранных языках, не представленных в переводе на русский язык, что позволяет открыть новые факты о Opus Dei для отечественной науки. Кроме того, рассмотрение данной темы поможет глубже и детальнее разобраться в общественных проблемах Испании того времени (1920х-1960х гг.). А также, в курсовой работе представлены архивные документы, различные статьи из газет.

Ключевые слова: персональная прелатура, Прелат, Миряне, Статуты, Викарь, Кодекс, Нумерарии, Статисты.

KANIVETSKAYA Anastasia Vadimovna,
student,
Presidential Academy (RANEPА),
Moscow, Russia

STRUCTURE OF THE OPUS DEI ORGANIZATION

Annotation. Of a scientific article on the structure of the Opus Dei organization in Spain. Opus Dei exerted a strong influence on Spanish domestic affairs during the reign of Francisco Franco and beyond. Controversies related to the organization's structure, its members, and the positions they held, which arose during the Franco era and were associated with Opus Dei, have made this topic relevant. While there is currently no definitive data confirming the influence of Opus Dei members on 21st-century Spain, the names of individuals who held high positions in various countries while members of this organization are known. The research's novelty lies in the use of foreign-language materials, not previously available in Russian translation, allowing for the discovery of new facts about Opus Dei for domestic scholarship. Furthermore, examining this topic will provide a deeper and more detailed understanding of social issues in Spain at that time (1920s-1960s). The thesis also includes archival documents and various newspaper articles.

Key words: Personal Prelature, Prelate, Laity, Statutes, Vicar, Codex, Numeraries, Statists.

Opus Dei – это персональная прелатура, которая состоит из священнослужителей и из мирян для выполнения определенной пастырской задачи под управлением своего собственного прелата [7]. Персональная прелатура – это часть Католической Церкви. Во главе персональной Прелатуры стоит прелат. Прелатура подчиняется Конгрегации по делам епископов. Создается она из пресвитеров и верных (мирян) [8]. Специфичность персональной прелатуры состоит в том, что она способствует росту христианской жизни в людях и поддерживает евангелизаторское задание церкви помимо епархий, к которым принадлежат члены персональной прелатуры, верными называют верующих, которые включены в Прелатуру. Все они преследуют одну и ту же

апостольскую миссию, получают доктринальные наставления и заботу священников. Подчиняются непосредственно авторитету прелата и его Советов в соответствии с нормами универсального права и настоящими Статутами [7]. Статуты Opus Dei – официальные документы, написанные на латыни, которые определяют юридическую структуру и цели прелатуры. Персональные прелатуры, как и епархии, являются объединением верных и обладают иерархической сущностью. Епархии – это отдельные церкви, которые охватывают всех верных одной территории. Персональные прелатуры действуют в одной или многих епархиях, с которыми они сотрудничают [11].

Структура организации Opus Dei специфична и подчиняется лично Папе Римскому. Прелату-

рой управляет прелат, помогают викарии и Советы в соответствии с настоящим Кодексом. Полномочия прелата по управлению в полной мере действуют также и на священников. На мирян, входящих в Прелатуру распространяются полномочия только тогда, когда дело касается какой-то конкретной цели. Прелатура разделена на региональные округа, которые управляются викарием [7]. Прелат пользуется сотрудничеством Центрального консультативного совета — совета женщин — и Генерального совета мужчин —. Викарии назначаются прелатом, который также учреждает или изменяет избирательные округа Прелатуры в различных частях мира [9].

Opus Dei имеет свои центры в 64 странах и состоит из 49 избирательных округов.

У организации есть своя конституция и устав. Некоторые статьи конституции – секретные. Есть различные классы членства.

Высшая категория членов Opus Dei — «нумерарии». Нумерарии (численники) – это те клирики и миряне, которые по особому желанию соблюдают апостольское безбрачие и посвящают себя конкретным апостольским инициативам (апостольские инициативы – любые деяния, осуществляемые в работе и социальной жизни, они должны быть в полном согласии с христианской верой, обычаями и Учительством Церкви) [10]. В личных апостольских инициативах верующие Прелатуры действуют в соответствии с опытом и способностями каждого человека, распространены такие начинания как: учебные кружки, собрания, семинары, лекции, учебные курсы, в общем то, что что разнообразит социальную среду, в которой они живут). Прелатуры со всей своей силой и с полной личной готовностью работают для их реализации. «Нумерарии» – ядро организации, ее действительные члены. Они приносили три обета: бедности, целомудрия и повиновения, и при желании получали священнический сан. Представители данного класса давали обеты по образцу монашеских, в том числе обет безбрачия [9, с. 163-164]. Все те верующие-миряне, у которых есть возможность посвятить себя обязанностям образования и конкретным апостольским трудам Opus Dei, могут быть допущены в качестве Нумерариев. Кроме того, в женском отделении есть помощники Нумерариев, которые имеют такую же полную доступность, как и другие Нумерарии, и которые посвящают свою жизнь главным образом ручному труду или домашним обязанностям в Центрах Opus Dei. Следующая категория членов – «ассоциированные». За исключением случаев, когда для них специально указано что-то другое, они берут на себя те же обязанности, что и Нумерарии, и должны использовать те же средства для достижения святости и осуществления апостольства. Это были представители, принёсшие обет. Они могли по желанию получить духовный сан [7]. «Статисты» – еще одна категория. Статисты живут в том же духе, что и Нумерарии и,

насколько это возможно для них, придерживаются тех же обычаев. В основном, представители этого класса – женатые или замужние лица, посвящающие лишь часть своего дня молитвам. Из-за карьерных и семейных обязательств, они не так часто открыты и доступны для организации, но обязательно посещают регулярные собрания. Обычно вносят финансовую помощь или любую другую, которая доступна для них. Лица, написавшие письмо с просьбой о приеме в Opus Dei в качестве численника или ассоциированного сотрудника и получившие через компетентного директора уведомление о том, что их просьба была признана заслуживающей рассмотрения, ipso facto признаются статистами и остаются таковыми до тех пор, пока не будет предоставлено запрошенное ими разрешение. Статисты могут быть приняты в качестве Нумерариев или помощников. Есть также те, кто не находится среди членов организации или, кто не исповедует истинную католическую веру, но кто, тем не менее, помогает Opus Dei своим трудом или милостыней. Их можно назвать Соучастниками. Все верующие Прелатуры своими молитвами, жертвоприношениями и делами должны сотрудничать с этими Соучастниками [1].

Обычно верующие живут в Центрах Opus Dei, чтобы заботиться об исполнении этих апостольских инициативах и посвятить себя воспитанию других верующих Прелатуры. Центры Opus Dei – места, наряду с церковными учреждениями, созданными Прелатурой, которые создаются католиками с целью помочь людям. Данные центры дополняют работу местных католических приходов, предоставляя людям духовное образование. Это могут быть благотворительные культурные, образовательные, воспитательные центры. Например, ЭЛИС – центр профессиональной подготовки. Данная организация дает образовательные программы для учеников менее развитых стран. Следующая категория — «ассоциированные». Ассоциированными являются те верующие миряне, которые полностью посвящают свою жизнь Господу. Они посвящают себя личным, семейным или профессиональным обязательствам, которые могут жить со своими семьями. Все эти вместе взятые обязательства определяют степень их преданности задачам апостольства и становления Opus Dei. «Статисты» — это верующие-миряне, они могут быть холостыми и женатыми, которые имеют те же обязанности, что и Нумерарии и всецело участвуют в конкретных апостольствах Opus Dei (апостольство – служение церкви различным образом. Человек чувствует в апостольстве через веру, надежду и милосердие), таких как: осуществлять апостольскую деятельность в других странах, давать доктринальное и аскетическое образование другим членам. Однако они участвуют в апостольских начинаниях с той степенью доступности для них, которая совместима с выполнением их семейных, профессиональных

и социальных обязанностей [2]. Все верующие прелатуры обеспечивают наличие святости и апостольства не только в своей повседневной жизни и профессии, но также и в своем доме, семейных делах. Это распределение на классы касались как мужского, так и женского отделений организации [10].

Существует только одна личная прелатура на сегодняшний день Opus Dei. Духовная способность организации состоит в том, что необходимо поддерживать всех людей из всех слоев общества и любых профессий, чтобы они чувствовали себя уверенно там, где они есть, и помогать им в призвании к святости среди мира сего по единственному праву крещеных. Исходя из этого, верные Прелатуры не образуют закрытой группы и не действуют в рамках такой группы из-за их принадлежности к Opus Dei [5].

Сама Церковь, которая представлена Папой (Святой Престол), принимает решение создать персональную прелатуру, советуясь с заинтересованными конференциями епископов, с целью служить душам более эффективно. Это решение требует наличие составляющих элементов: 1) общины верных, во главе которой стоит прелат; 2) клира, который помогает ему в его пастырской работе; 3) специфичной церковной реальности.

Список литературы:

[1] Daniel Cosacchi Review: Opus Dei, inside and out // America Magazine. — 2025. URL: <https://www.americamagazine.org/arts-culture/2025/01/16/review-opus-dei-gore-cosacchi-249672/> (дата обращения: 21.02.2024).

[2] John W. Farrell How Opus Dei manipulated its way into power // U.S. Catholic. — 2024. URL: <https://uscatholic.org/articles/202411/how-opus-dei-manipulated-its-way-into-power> (дата обращения: 21.02.2024).

[3] Opus Dei // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Opus-Dei> (дата обращения: 27.01.2024).

[4] Opus Dei // EBSCO. URL: <https://www.ebsco.com/research-starters/history/opus-dei> (дата обращения: 29.01.2024).

[5] Opus Dei: The Institution within the Institution // Maxwell Kuzma. URL: <https://maxwellkuzma.substack.com/p/opus-dei-the-institution-within-the> (дата обращения: 21.02.2024).

[6] Statutes of Opus Dei // Opus Dei. URL: <https://opusdei.org/en/article/statutes-of-opus-dei-eng/> (дата обращения: 18.03.2024).

[7] The obligations and rights of all the Christian faithful (Cann. 208 - 223) // Code of canon law. URL: https://www.vatican.va/archive/cod-iuris-canonici/eng/documents/cic_lib2-cann208-329_en.html#TITLE_IV (дата обращения: 21.02.2024).

[8] Деятельность // Opus Dei. URL: <https://opusdei.org/ru-ru/article/deiatelnost/> (дата обращения: 14.03.2024).

[9] Пономарева Л.В Испанский католицизм XX века. — М : Наука, 1989. — 288 с.

[10] Что такое персональная прелатура? // Opus Dei. URL: <https://opusdei.org/ru/article/chto-takoe-personalnaia-prelatura-2/> (дата обращения: 29.01.2024).

[11] Decree «On the Apostolate of the Laity» от 18.11.1965 // Holy See. URL: https://www.vatican.va/archive/hist_councils/ii_vatican_council/documents/vat-ii_decree_19651118_apostolicam-actuositatem_en.html (дата обращения: 21.02.2024).

References:

[1] Daniel Cosacchi Review: Opus Dei, Inside and Out // America Magazine. — 2025. URL: <https://www.americamagazine.org/arts-culture/2025/01/16/review-opus-dei-gore-cosacchi-249672/> (accessed: 21.02.2024).

[2] John W. Farrell How Opus Dei Manipulated Its Way into Power // U.S. Catholic. — 2024. URL: <https://uscatholic.org/articles/202411/how-opus-dei-manipulated-its-way-into-power> (accessed: 21.02.2024).

[3] Opus Dei // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Opus-Dei> (accessed on January 27, 2024).

[4] Opus Dei // EBSCO. URL: <https://www.ebsco.com/research-starters/history/opus-dei> (accessed on January 29, 2024).

[5] Opus Dei: The Institution within the Institution // Maxwell Kuzma. URL: <https://maxwellkuzma.substack.com/p/opus-dei-the-institution-within-the> (accessed on February 21, 2024).

[6] Statutes of Opus Dei // Opus Dei. URL: <https://opusdei.org/en/article/statutes-of-opus-dei-eng/> (accessed on March 18, 2024).

[7] The obligations and rights of all the Christian faithful (Cann. 208-223) // Code of canon law. URL: https://www.vatican.va/archive/cod-iuris-canonici/eng/documents/cic_lib2-cann208-329_en.html#TITLE_IV (date of access: 21.02.2024).

[8] Activity // Opus Dei. URL: <https://opusdei.org/ru-ru/article/deiatelnost/> (date of access: 14.03.2024).

[9] Ponomareva L.V. Spanish Catholicism of the 20th Century. - M: Nauka, 1989. - 288 p.

[10] What is a personal prelature? // Opus Dei. URL: <https://opusdei.org/ru/article/chto-takoe-personalnaia-prelatura-2/> (date of access: 29.01.2024).

[11] Decree “On the Apostolate of the Laity” of 18.11.1965 // Holy See. URL: https://www.vatican.va/archive/hist_councils/ii_vatican_council/documents/vat-ii_decree_19651118_apostolicam-actuositatem_en.html (date of access: 21.02.2024).

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-1-67-70

ЛИНЬ ШО,
аспирант,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: shuolin261@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СТРАТЕГИИ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКИХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием цифровых технологий на стратегии транснационализации китайских технологических компаний. Проанализирована динамика изменения индекса цифровой конкурентоспособности Китая за исследуемый период времени. Изучены основные ключевые аспекты деятельности технологических компаний на основе применения цифровых технологий и разработки эффективной стратегии. Разработана стратегия транснационализации китайских технологических компаний на основе цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровые технологии, влияние, стратегия транснационализации, Китай, технологические компании, инфраструктура, изменение.

LIN Shuo,
Postgraduate Student,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE TRANSNATIONALIZATION STRATEGIES OF CHINESE TECH COMPANIES

Annotation. This article discusses the impact of digital technologies on the strategies of Chinese technology companies' transnationalization. It analyzes the dynamics of changes in China's digital competitiveness index over the study period. The article examines the key aspects of technology companies' operations based on the use of digital technologies and the development of effective strategies. It also proposes a strategy for the transnationalization of Chinese technology companies using digital technologies.

Key words: digital technologies, influence, transnationalization strategy, China, technology companies, infrastructure, and change.

Введение

В условиях стремительного развития цифровизации Китай стал мировым лидером на международном рынке, участвуя в создании новых технологий, инноваций, цифровой инфраструктуры. За счет развития цифровых технологий произошло изменение стратегии транснационализации китайских технологических компаний, что привело к оптимизации бизнес-процессов, стимулированию деятельности субъектов хозяйственной деятельности и венчурных инвестиций, изменению процессов управления персоналом и т.д. Влияние цифровых технологий на стратегии транснационализации китайских технологических компаний происходит на основе государственной политики, которая проявляется в финансовой поддержке технологических компаний на рынке, инноваци-

онных проектов; законодательных норм, которые выражаются во введении новых норм и стандартов деятельности, нормативном регулировании рынка и многих других аспектах деятельности. Считаем, что необходимо провести анализ влияния цифровых технологий на стратегии транснационализации китайских технологических компаний, как одного из важных факторов их развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Это определяет актуальность темы исследования, ее теоретическую и практическую значимость.

Основная проблематика исследования заключается в том, что с одной стороны цифровые технологии способствуют повышению эффективности деятельности китайских технологических компаний, а с другой стороны, они создают угрозы и риски информационной безопасности, что

может создавать определенные вызовы для бизнеса и его развития в долгосрочной перспективе.

Вопросами изучения влияния цифровых технологий на стратегии транснационализации китайских технологических компаний занимались многие ученые, среди которых можно отметить труды Венско Д. Д., Захарова А. Н., Калашникова Д. Б., Кузовкова Т.А., Шаравова М.М., Подольской Т. В., Курицына Н.С., У Хао, Ло Цинлянь и многих других. Считаю необходимым продолжить данное исследование и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

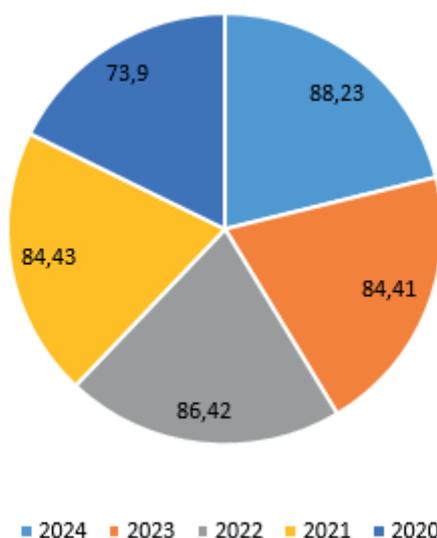
Научная новизна исследования заключается в разработке стратегии транснационализации китайских технологических компаний на основе цифровых технологий.

Результаты

Цифровые технологии в современном мире открывают широкие возможности для развития многих предприятий и организаций на международном рынке. Цифровая трансформация для Китая играет важную роль в разработке новых подходов к организации и управлению деятельностью технологических компаний, а также в создании эффективных стратегий развития в долгосрочной и среднесрочной перспективе [3, с.45].

В последние годы цифровизация в Китае достигла высокого уровня. На Рис. 1 наглядным образом представлена динамика изменения индекса цифровой конкурентоспособности Китая.

Рисунок 1. Динамика изменения индекса цифровой конкурентоспособности Китая.
(Составлено автором)

Таким образом, можно увидеть, что на протяжении исследуемого периода времени индекс цифровой конкурентоспособности Китая изменялся незначительным образом. Однако, в 2024 году наблюдается динамика его увеличения, что связано с усилением процессов цифровизации в мировом масштабе, а также спросом на цифровые услуги и технологии со стороны организаций и технологических компаний. Так, индекс цифровой конкурентоспособности в 2024 году составил 88,23%, что превышает аналогичный период предшествующего года на 3,82%.

Активное развитие цифровых технологий в Китае способствует:

1) осуществлению транснациональных слияний и поглощений компаниями из новых экономик, помогая им находить качественные активы и стратегические ресурсы и формировать преимущества «позднего старта» в международной конкуренции;

2) цифровизация способствует международному предпринимательству технологических малых и средних фирм, позволяя им за относительно короткое время расширяться за рубеж и стимулировать быстрые инновации и итерации продуктов, тем самым формируя преимущества «позднего старта» [4, с.50].

Следует отметить, что влияние цифровых технологий на стратегии транснационализации технологических компаний проявляется в следующих ключевых аспектах деятельности:

1) увеличению организационной гибкости технологических компаний на рынке (посредством использования цифровизации и разработки соответствующей стратегии осуществляется эффективный процесс управления организационными изменениями технологических компаний, что снижает риски и внешние угрозы безопасности) [1, с.11];

2) совершенствование процесса корпоратив-

ного управления (цифровые технологии, лежащие в основе формирования стратегии управления технологическими компаниями способствуют повышению эффективности деятельности и ее совершенствованию за счет оптимального распределения имеющихся ресурсов, оптимизации бизнес-процессов, повышения скорости принятия управленческих решений и т.д.);

3) повышение уровня организационной эффективности технологических компаний (на основе использования цифровых технологий повышается эффективность взаимодействий различных подразделений технологических компаний, что способствует формированию организационной гибкости и эффективности процессов);

4) повышение качества человеческого капитала (цифровизация способствует снижению затрат живого труда в процессе осуществления производственно-хозяйственной деятельности, создает широкие возможности для обучения персонала новым методам управления, что способствует повышению его качества и приспособлению к быстроменяющимся условиям среды);

5) снижение совокупных издержек в процес-

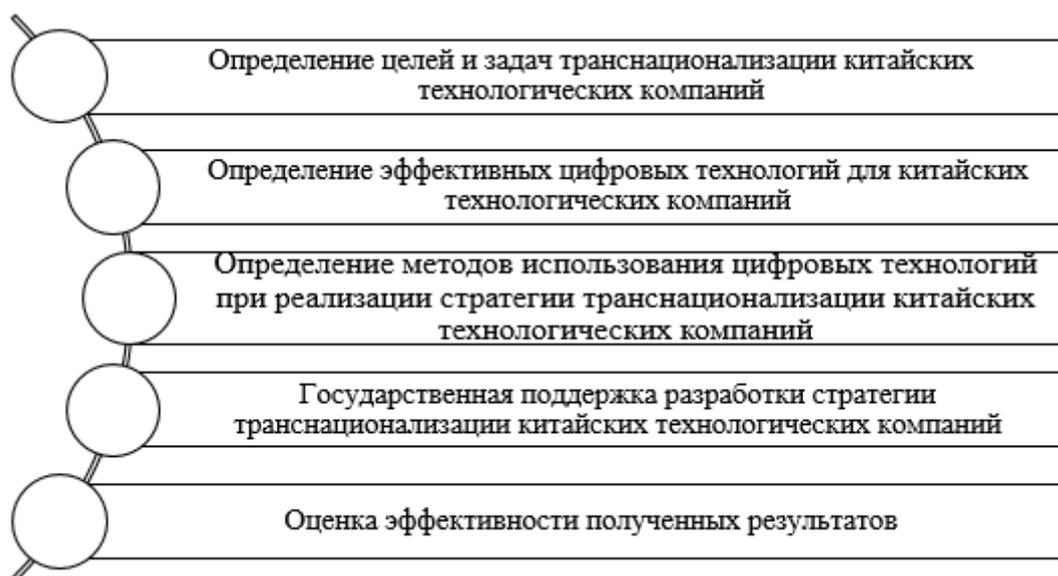
се осуществления производственно-хозяйственной деятельности технологическими компаниями (современные цифровые технологии, лежащие в основе разработки стратегии транснационализации китайских компаний способны снизить транзакционные затраты и повысить эффективность сделок в целом);

6) формирование новой системы ценности, имиджа технологических компаний на рынке (процессы цифровизации коренным образом меняют организационные подходы и подходы к управлению деятельностью технологических компаний, что в целом меняет их облик, систему ценностей и имидж на рынке) [5, с.1073].

Считаем, что данные ключевые аспекты ведут к полной трансформации технологических компаний Китая на международном рынке, а также способствуют повышению эффективности их деятельности, увеличению конкурентоспособности и дальнейшему развитию.

В данной статье разработана стратегия транснационализации китайских технологических компаний на основе цифровых технологий, которая представлена на Рис.2.

*Рисунок 2. Стратегия транснационализации китайских технологических компаний на основе цифровых технологий.
(Составлено автором)*

Считаем, что разработанная стратегия транснационализации китайских технологических компаний на основе цифровых технологий может быть использована при формировании государственной программы развития субъектов хозяйственной деятельности и их поддержке, а также руководством самих технологических компаний при организации производственно-хозяйственной деятельности и управлении.

В целом цифровые технологии оказывают большое влияние на стратегии транснационализации китайских технологических компаний

[2, с.87]. Это объясняется целым рядом причин: стремлением к развитию многостороннего международного сотрудничества; использованием новых цифровых технологий в различных аспектах производственно-хозяйственной деятельности и формировании цифровых коммуникаций; стремлением обеспечить эффективность и прозрачность внешнеэкономической деятельности в современных условиях, а также стремление извлечь экономическую выгоду при наименьших затратах.

Список литературы:

[1] Венско Д. Д. Направления и особенности транснационализации китайских корпораций на современном этапе // *Мировая экономика*. — 2024. — № 2. — С. 11-19.

[2] Захаров А. Н., Калашников Д. Б. Транснационализация китайского бизнеса // *Российский внешнеэкономический вестник*. — 2020. — № 2. — С.87-94.

[3] Кузовкова Т.А., Шаравова М.М., Курицын Н.С., У Хао. Анализ цифровой трансформации бизнеса в Китае и перспективы ее развития для формирования интеллектуального мира // *Электронный научный журнал «Век качества»*. — 2024. — №2. — С. 45-72.

[4] Ло Цинлянь. Тенденции транснационализации торговой деятельности компании в Китае // *Актуальные исследования*. — 2023. — № 1. — С.50-62.

[5] Подольская Т. В. Использование цифровых технологий в транснациональных корпорациях в современных условиях // *Вопросы инновационной экономики*. — 2024. — № 4. — С. 1073-1092.

References:

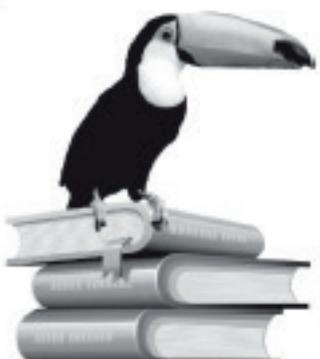
[1] Vensko D. D. Directions and Features of Transnationalization of Chinese Corporations at the Current Stage // *World Economy*. - 2024. - No. 2. - Pp. 11-19.

[2] Zakharov A. N., Kalashnikov D. B. Transnationalization of Chinese Business // *Russian Foreign Economic Bulletin*. - 2020. - No. 2. - Pp. 87-94.

[3] Kuzovkova T. A., Sharavova M. M., Kuritsyn N. S., Wu Hao. Analysis of Digital Transformation of Business in China and Prospects for Its Development for the Formation of an Intellectual World // *Electronic Scientific Journal «The Century of Quality»*. - 2024. - No. 2. - Pp. 45-72.

[4] Luo Qinglian. Trends in the Transnationalization of Company Trading Activities in China // *Current Research*. — 2023. — No. 1. — P. 50-62.

[5] Podolskaya T. V. Use of digital technologies in transnational corporations in modern conditions // *Issues of innovative economics*. — 2024. — No. 4. — P. 1073-1092.

Юридическое издательство
«ЮРКОПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

ШАРНИН Андрей Андреевич,
аспирант,
Уральский институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: bkastov@mail.ru

ПОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ХИЩЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. Во всём мире хищения испокон веков остаются одними из самых распространённых и наиболее часто совершаемых преступлений. Большинство форм хищения не сопряжены с причинением вреда жизни и здоровью человека. Однако, есть и такие формы, которые сочетают в себе также физическое или психическое насилие по отношению к потерпевшему. К ним относятся насильственный грабёж и разбой. Это не только одни из самых часто встречаемых преступлений, но вместе с тем и самые опасные формы хищения, так как в процессе осуществления такого преступления, потерпевшему причиняется вред телесной неприкосновенности, здоровью, а иногда и жизни. В данной статье подробно проанализированы и систематизированы нормы зарубежного уголовного законодательства, посвящённого ответственности за насильственные формы хищения. Представляется, что детальный обзор норм зарубежного уголовного законодательства в этой сфере позволит лучше понимать особенности конструкции составов преступлений насильственного грабежа и разбоя в Уголовном Кодексе Российской Федерации.

Актуальность темы обусловлена участвовавшими случаями совершений таких преступлений как насильственный грабёж и разбой.

Научная новизна исследования состоит в систематизации и периодизации зарубежного уголовного законодательства о насильственных формах хищения.

Ключевые слова: хищение, насильственные формы, состав преступления, квалификация, история, периодизация, ретроспектива.

SHARNIN Andrey Andreevich,
Postgraduate Student,
Ural Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Yekaterinburg, Russia

RESPONSIBILITY FOR VIOLENT FORMS OF EMBEZZLEMENT UNDER THE CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Annotation. Throughout the world, theft has always been one of the most widespread and most frequently committed crimes. Most forms of theft do not involve harm to human life and health. However, there are also forms that combine physical or mental violence against the victim. These include violent robbery and robbery. These are not only one of the most common crimes, but also the most dangerous forms of embezzlement, since in the process of committing such a crime, the victim's bodily integrity, health, and sometimes life are harmed.

This article analyzes in detail and systematizes the norms of foreign criminal legislation on liability for violent forms of embezzlement. It seems that a detailed review of the norms of foreign criminal legislation in this area will make it possible to better understand the design features of the crimes of violent robbery and robbery in the Criminal Code of the Russian Federation.

The relevance of the topic is due to the increased frequency of crimes such as violent robbery and robbery.

The scientific novelty of the research consists in the systematization and periodization of foreign criminal legislation on violent forms of embezzlement.

Key words: theft, violent forms, corpus delicti, qualification, history, periodization, retrospective.

Для проведения компаративного анализа правовых норм, регулирующих преступления против собственности, представляется целесообразным обратиться к законодательству сопредельных государств, в частности, к уголовно-правовой доктрине Республики Беларусь. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 года (далее — УК РБ) в Разделе VIII, посвященном преступлениям против собственности и порядка осуществления экономической деятельности, содержит Главу 24. В примечании к данной главе сформулирована легальная дефиниция хищения.

Хищение в уголовном праве рассматривается как умышленное и противоправное завладение чужим имуществом или правами на него безвозмездно и с корыстной целью. Это понятие охватывает разные виды преступлений, различающиеся способом совершения.

Так, при краже имущество похищается тайно, как, например, в случае, когда человек в переполненном автобусе незаметно извлекает кошелек из чужой сумки. Грабеж отличается тем, что совершается открыто, но без применения насилия, опасного для жизни или здоровья — например, когда злоумышленник на улице вырывает мобильный телефон у прохожего и убегает. Разбой сопровождается угрозой или применением опасного насилия: типичный случай — нападение с ножом на кассира с требованием выдать деньги.

К числу иных форм хищения относится вымогательство, когда потерпевшего вынуждают передать имущество под угрозой, например, распространения личных сведений. Мошенничество заключается в обмане или злоупотреблении доверием, как в ситуации с фиктивным инвестиционным фондом, созданным для незаконного присвоения средств. Иногда хищение совершается через злоупотребление служебным положением — например, когда должностное лицо заключает заведомо невыгодный контракт в интересах подконтрольной ему фирмы и присваивает разницу в стоимости.

Присвоение и растрата происходят тогда, когда человек обращает в свою пользу имущество, которое было ему доверено, как это делает кладовщик, регулярно продающий часть товара третьим лицам. Современные технологии также используются для хищения: злоумышленник может получить доступ к банковским данным через фишинг и перевести деньги на свой счет.

Таким образом, уголовное законодательство Республики Беларусь демонстрирует комплексный, детально дифференцированный подход к квалификации посягательств на собственность, четко разграничивая формы хищения в зависимости от способа их совершения [8, с. 217].

Следует отметить нетривиальный подход белорусского законодателя к определению преступления, связанного с хищением. В УК Республики Беларусь используется метод «закрытого списка» всех составов уголовных правонаруше-

ний, касающихся хищения, после чего абстрагируются от детального перечисления и выводится эlegantная дефиниция: хищение — это умышленное безвозмездное (противоправное) завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью. Например, лицо, тайно вынесшее из магазина товар на сумму до 500 рублей, подпадает под это общее определение, хотя конкретная санкция зависит уже от размера ущерба и обстоятельств деяния. Данная формулировка близка к российской модели, в которой также учитываются умысел, противоправность, безвозмездность и корыстный мотив; однако УК РФ говорит о незаконном «изъятии и/или обращении» чужого имущества, тогда как УК РБ ограничивается термином «завладение».

Вопрос квалификации хищений с применением насилия — предмет особого различия в постсоветских кодексах. В Беларуси состав грабежа (ст. 206 УК РБ) по признакам схож с частью 1 статьи 161 УК РФ: открытое хищение чужого имущества без применения насилия, например, выхват телефона из рук прохожего без побоев. Но если при присвоении имущества применяется сила или угрожается насилием — даже лёгким, скажем, захват сумки с лёгким толчком — дело квалифицируется не как «насильственный грабёж», а как разбой (ст. 207 УК РБ), поскольку любой элемент принуждения рассматривается как неотъемлемая часть разбойного нападения [9, с. 137]. Так, если преступник врывается в частный дом и угрожает ножом, чтобы забрать ценности, это всегда разбой, а не «грабёж с насилием». Квалифицирующие признаки разбоя (ч. 2 ст. 207 УК РБ) — проникновение в жилище, совершение группой лиц (без обязательного предварительного сговора), повторность (специальный рецидив) либо крупный размер похищенного. Особо отягчают ответственность организованная группа, причинение тяжких телесных повреждений или особо крупный размер ущерба.

В украинском законодательстве (УК Украины, 2001 г.) отсутствует термин «хищение» — ему на смену пришло «похищение», унаследованное из советского права. Под тем же «похищением» объединены кража (ст. 185 УК Украины) — тайное изъятие чужого имущества, и грабёж (ст. 186) — открытое [6, с. 115]. Так, кражей считается, когда посетитель кладёт товар в сумку и покидает магазин незаметно, а грабежом — когда товар выхватывают под угрозой репликой «Не вернёшь — разобьём голову». При этом ч. 2 ст. 186 УК Украины вводит ответственность за «насильственный грабёж», когда применено насилие, не опасное для жизни или здоровья (например, лёгкие телесные повреждения). Разбой (ст. 187 УК Украины) в отличие от грабежа характеризуется тем, что применение насилия уже опасно для жизни или здоровья либо сопровождается угрозой такого насилия (например, разбойник стреляет в потолок, требуя деньги). Таким образом, украинский

подход, аналогично российскому, чётко различает две формы хищений с применением насилия.

Однако при характеристике разбоя стоит отметить повышенную ответственность для лиц, ранее судимых за разбой или бандитизм.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1994 года содержит отдельную главу «Хищения чужого имущества», где преступления расположены в порядке убывания их общественной опасности: от разбоя как наиболее тяжкого, через вымогательство, к грабежу. Законодательство Узбекистана, как и российское, признает существование насильственного грабежа. При данном деянии насилие опасным для жизни или здоровья не является [4, с. 46]. В уголовном законодательстве Республики Узбекистан разграничение преступлений, связанных с хищением, во многом соответствует российской модели. Так, грабёж определяется как открытое изъятие чужого имущества без применения насилия, опасного для жизни или здоровья (например, выхват кошелька из рук прохожего без причинения телесных повреждений). В то же время разбой характеризуется применением либо угрозой применения насилия, создающей опасность для жизни или здоровья потерпевшего: к примеру, когда преступник, угрожая ножом, требует передать ему ценности, или при ограблении инкассаторской машины наносит жертве тяжкие телесные повреждения с целью завладения деньгами [10, с. 58]. При этом Уголовный кодекс Узбекистана, аналогично Беларуси и Украине, учитывает при квалификации такого рода деяний не только факт рецидива, но и его конкретные разновидности — от простого повторного совершения преступления до рецидива, сопряжённого с особо опасными последствиями для общества или личности.

Уголовный кодекс Республики Армения 2003 года (глава 21) структурирует составы преступлений против собственности в порядке убывания их социальной опасности. На вершине этого перечня стоит разбой (ст. 175 УК Армении), определяемый как нападение с применением или угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с использованием оружия или предметов, представляющих собой опасное орудие. Пример: группа лиц, проникнув в частный дом, применяет огнестрельное оружие и насилие против жильцов для хищения ценностей. За ним следует насильственный грабёж (п. 4 ч. 2 ст. 176 УК Армении), когда при открытом хищении применяется насилие, не создающее прямой угрозы жизни или здоровью — например, вырывание сумки с лёгким толчком и причинением ушибов [11, с. 210]. Грабёж без насилия замыкает ряд составов хищений. При этом вымогательство в армянском кодексе выделено в самостоятельную категорию и не включается в группу хищений, что отличается от практики Узбекистана, где вымогательство часто рассматривается как квалифицированная форма хищения с угрозой насилия. [7,

с. 102]. Понятия насильственных форм хищения в армянском законодательстве почти идентичны российским, но есть и особенности. В качестве самостоятельного квалифицирующего признака указывается рецидив, который может включать судимость за преступления из других глав УК. Кроме того, уголовное преследование за преступление против собственности, совершенное в отношении близкого родственника, возможно только по заявлению потерпевшего.

Уголовный кодекс Латвийской Республики 1998 года предлагает особую, с теоретико-правовой точки зрения, конструкцию уголовно-правовой охраны права собственности. В частности, глава 18, озаглавленная «Преступные деяния против собственности», открывається статьёй 175, посвящённой краже. В соответствии с данной нормой, кража охватывает как тайное, так и открытое противоправное изъятие чужого движимого имущества. Таким образом, латвийский законодатель отказывается от обязательного признака тайности, традиционного для классического понимания кражи, как оно закреплено, например, в Уголовном кодексе Российской Федерации. С юридико-догматической позиции это означает, что любые формы противоправного завладения имуществом, не сопряжённые с насилием, включая открытое похищение, квалифицируются как кража. Так, если лицо в присутствии собственника вырывает из рук сумку, не оказывая при этом физического давления, данное деяние будет квалифицировано как кража, несмотря на его открытый характер. Аналогичный подход исключает необходимость выделения грабежа как самостоятельного состава. Это принято в ряде других правопорядков.

Важно также отметить, что в упомянутой статье отсутствует конкретизация того, какое именно насилие исключает возможность квалификации по статье 175. Отсюда следует, в латвийском уголовном праве любое применение физической силы при похищении имущества рассматривается как разбой (статья 176), независимо от того, насколько это насилие опасно для жизни, здоровья потерпевшего. Так, даже незначительное воздействие — например, резкий толчок с целью преодоления сопротивления — будет рассматриваться как состав разбоя, а не кражи.

Таким образом, латвийское уголовное законодательство проводит чёткую грань между ненасильственными и насильственными способами завладения имуществом, отдавая приоритет строгому подходу в оценке любых агрессивных форм поведения. Перейдем далее к исследованию ответственности за насильственные формы хищения в странах романо-германской правовой семьи, не относящихся к постсоветскому пространству.

Так, Уголовный Кодекс Франции 1992 года (далее – УК Франции) состоит из книг, которые в свою очередь состоят из разделов, разделы со-

стоят из глав, а главы состоят из отделов, и уже отделы, наконец, содержат статьи. Книга третья называется «О преступлениях и проступках против собственности». Уже из названия данной книги мы видим, что французский законодатель использует параллельно понятию преступления против собственности ещё и проступки против собственности (что присуще УК Франции ещё со времён УК Наполеона 1813 года, так как во Франции отсутствует административно-деликтное право). Следует отметить, что данная книга включает всего два раздела, они именуются «Об обманных присвоениях» и «О других посягательствах на собственность».

Можно наблюдать непривычный нам вид систематизации уголовного закона даже в сравнении со всеми изученными ранее странами. В рамках компаративного анализа уголовно-правовых систем Франции и Германии выявляются фундаментальные различия в подходе к систематизации и квалификации преступлений против собственности, что представляет значительный научный интерес в сопоставлении с отечественной доктриной.

Французский законодатель применяет нетрадиционный для российской правовой системы подход к определению посягательств на собственность. Примечательно, что понятие «присвоение» в Уголовном кодексе (УК) Франции выступает не как самостоятельная форма хищения, а в качестве родовой категории, объединяющей такие составы, как кража, мошенничество и вымогательство [5, с. 19].

Ключевой особенностью французской правовой доктрины является определение кражи (vol) как «обманного изъятия вещи другого лица». Признак обмана, конституирующий в российском праве состав мошенничества, во французской системе выступает неотъемлемым элементом кражи. Уголовный кодекс Франции развивает данный состав посредством развернутой системы квалифицирующих признаков, включая специфические предметы посягательства (например, электроэнергию), использование особого статуса субъекта, а также насильственный характер деяния. Последний дифференцируется по тяжести последствий (утрата трудоспособности, увечье, хроническое заболевание, смерть) и включает признаки пыток, актов жестокости или применения оружия, равно как и совершение в особых условиях (в отношении уязвимых лиц, в транспортном средстве, в помещении).

Такая конструкция приводит к поглощению насильственных посягательств на собственность составом квалифицированной кражи, что исключает наличие в УК Франции самостоятельных составов, аналогичных российским грабежу и разбою. Насильственная кража, повлекшая смерть или сопряженная с пытками, санкционируется высшей мерой наказания — пожизненным лишением свободы. Вымогательство (extorsion)

отделено от хищений. Таким образом, квалифицированная насильственная кража выступает во французском праве единственной формой криминализованного насильственного хищения. Отмечается также, что УК Германии 1871 года демонстрировал иной подход, не содержащего общего определения хищения.

В уголовном праве Германии центральное положение занимает состав кражи (§ 242 УК ФРГ), определяемой как противоправное завладение чужой движимой вещью с целью присвоения. Законодатель ФРГ ограничивает предмет кражи исключительно движимым имуществом, акцентируя объективную сторону на акте присвоения. В отличие от французской правовой традиции, Уголовный кодекс ФРГ не предусматривает самостоятельного состава грабежа, однако криминализирует разбой (§ 249 УК ФРГ). Последний определяется как хищение чужого движимого имущества, совершенное посредством применения насилия или угрозы причинения реальной опасности для жизни или здоровья. Существенное отличие от российской конструкции заключается в том, что для квалификации разбоя по германскому праву достаточно применения любого насилия, а не только опасного для жизни или здоровья.

Фундаментальное различие касается конструкции состава разбоя. В немецком праве разбой обладает материальным составом, преступление считается оконченным исключительно с момента фактического завладения имуществом. Это противопоставляется усеченному составу разбоя в российском уголовном праве. Следовательно, применение насилия, не завершившееся завладением имуществом по независящим от виновного обстоятельствам, квалифицируется лишь как покушение на разбой. Уникальной особенностью германского законодательства является наличие специального состава «разбойной кражи» (§ 252 УК ФРГ), предусматривающего ответственность за случаи применения насилия или угрозы непосредственно после тайного хищения с целью удержания похищенного.

Различие между ней и классическим разбоем проводится по моменту и цели применения насилия.

- При разбое насилие используется для того, чтобы завладеть имуществом.

- При разбойной краже, наоборот, хищение уже произошло (например, тайно), и насилие применяется уже после этого — с целью удержать похищенное, не дав при этом потерпевшему его вернуть.

Таким образом, используя критерии разграничения, которые принципиально отличаются от принятых в российской уголовно-правовой доктрине, немецкое законодательство выделяет две формы насильственного хищения.

Равным образом, УК ФРГ содержит такие составы преступлений как вымогательство и раз-

бойное вымогательство. Их разграничение происходит по тому же критерию, что и разграничение разбоя с разбойной кражей. Интересным является и отличие разбоя от вымогательства. Основное различие заключается в том, что по смыслу УК ФРГ состав вымогательства представляет собой принуждение потерпевшего к осуществлению каких-либо действий или бездействия (под угрозой применения насилия) или при его непосредственном применении, если данного рода действия или бездействие потерпевшего влекут любую выгоду для виновного лица.

Рассмотрим далее уголовное законодательство стран англо-саксонской правовой семьи.

В Англии отсутствует уголовный кодекс в принципе, зато существует множество отдельных законов, которые называются одноименно с соответствующим составом преступления: Закон о краже 1968 года, Закон о преступном причинении вреда имуществу 1971 года, Закон об убийстве 1957 года и так далее. Нас интересует непосредственно Закон о краже, поскольку именно он содержит анализируемые нами составы преступлений.

В английской правовой доктрине состав кражи определяется как нечестное завладение чужим имуществом, совершённое с умыслом безвозвратно изъять его у законного владельца. Таким образом, согласно Закону о краже, для квалификации деяния как кражи ключевыми являются два аспекта: недобросовестность действий и отсутствие у похитителя намерения когда-либо вернуть собственность потерпевшему.

Важно отметить, что термин «кража» (theft) в английском праве является обобщающим для всех форм хищения. Характерной чертой английского Закона о краже 1968 года является то, что единственным составом преступления, объединяющим хищение и насилие, в нем выступает ограбление (robbery) [1, с. 9]. Легальная дефиниция данного деяния определяет его как совершение кражи (theft), для осуществления которой субъект применяет силу либо угрожает ее немедленным применением к лицу в момент посягательства или непосредственно перед ним.

Следует отметить, что данный подход принципиально отличает английскую правовую доктрину от континентальной модели, в частности, от уголовного законодательства Франции. Если во французской системе подобное деяние зачастую конструируется как квалифицированный (отягченный) состав кражи, то в английском праве ограбление не является разновидностью иного преступления, а образует полностью самостоятельный и юридически обособленный состав преступления.

Поскольку в английском законодательстве отсутствует отдельное понятие разбоя, ограбление является единственной насильственной формой хищения.

Что касается уголовного законодательства

Соединённых Штатов, то для этой страны не характерно наличие единой и унифицированной правовой системы, в том числе и в уголовной сфере. Уголовное право в США представляет собой сложную структуру, функционирующую на двух уровнях: федеральном и на уровне каждого отдельного штата. Федеральное законодательство регулирует преступления, затрагивающие общенациональные интересы, в то время как каждый штат обладает собственным уголовным кодексом для рассмотрения дел в пределах своей юрисдикции.

В федеральном Уголовном кодексе США 1962 года состав ограбления, исторически происходящий из общего права, появился раньше кражи. Федеральное законодательство не делит ограбление на виды или степени. Однако уголовные кодексы отдельных штатов, в отличие от федерального, обязательно подразделяют ограбление как насильственную форму хищения на степени (первую, вторую, третью). Чем выше степень, тем, соответственно, тяжелее преступление и строже наказание. Основанием вменения ограбления является преодоление сопротивления, потерпевшего при незаконном изъятии имущества любым способом. Само определение «ограбление» варьируется от штата к штату, но его суть кратко можно выразить как «насильственное хищение». Примечательно, но в некоторых штатах (например, Миннесота, Калифорния) ограбление считается преступлением против личности, а не собственности, поскольку ключевым признаком там является насилие.

Общим для доктрин РФ и США в понятии ограбления выступает критерий открытости хищения. Однако в США он специфически трактуется как изъятие имущества в присутствии потерпевшего. Ключевым элементом объективной стороны ограбления (robbery) является угроза применения насилия, понимаемая во всех штатах как «внушение страха» (instilling fear). Следует отметить, что данная угроза включает физическое и сексуальное насилие. Упомянутое отражает распространенность последнего в США и превентивную направленность законодательства.

Дифференциация степени общественной опасности ограбления и, как следствие, его пенализация, осуществляется на основе системы квалифицирующих признаков. К таковым относятся:

1. Вооруженность преступника: Наличие у субъекта оружия или предмета, используемого в его качестве. Важно подчеркнуть, что для квалификации деяния как более тяжкого не требуется фактического применения оружия; достаточно, чтобы оно было продемонстрировано или чтобы потерпевший был осведомлен о его наличии. Например, если преступник держит руку в кармане, имитируя наличие пистолета и вербально угрожая им, это может быть расценено как отягчающее обстоятельство.

2. Тяжесть последствий: Причинение потер-

певшему тяжкого вреда здоровью или наступление его смерти.

3. Соучастие: Совершение преступления группой лиц.

Следует отметить существенную особенность американской системы уголовного права: в ряде юрисдикций (в частности, в штатах Нью-Йорк и Алабама) причинение смерти в ходе ограбления кодифицируется как самостоятельное преступление (*felony murder*), а не как квалифицирующий признак состава ограбления.

Иерархия составов ограбления в большинстве штатов выстроена по трехуровневой модели:

- Ограбление третьей степени (*Robbery in the Third Degree*): Представляет собой базовый состав, неотягощенный квалифицирующими признаками. Типичный пример: уличный грабитель силой вырывает сумку у прохожего, толкнув его, но не причинив серьезного вреда здоровью и не используя оружия. Санкция за такое деяние обычно варьируется в пределах от 3 до 10 лет лишения свободы.

- Ограбление второй степени (*Robbery in the Second Degree*): Квалифицированный состав, включающий как минимум один из вышеперечисленных отягчающих признаков (за исключением причинения смерти). Например, если в предыдущем сценарии грабитель угрожал потерпевшему ножом, деяние будет квалифицировано по второй степени. Наказание за такое «опасное ограбление» составляет, как правило, от 7 до 20 лет лишения свободы.

- Ограбление первой степени (*Robbery in the First Degree*): Наиболее опасный вид данного преступления, характеризующийся наличием двух или более квалифицирующих признаков. Так, вооруженное нападение, совершенное группой лиц, в результате которого потерпевшему были нанесены тяжкие телесные повреждения, будет представлять собой ограбление первой степени. При этом, если в ходе деяния наступает смерть потерпевшего, одного этого обстоятельства достаточно для высшей квалификации. Данное преступление обладает наивысшей степенью общественной опасности и влечет за собой строжайшие санкции: минимальный срок лишения свободы составляет не менее 25 лет, а в некоторых штатах верхний предел наказания может отсутствовать, что подразумевает возможность пожизненного заключения.

Таким образом, ответственность за насильственное хищение в США резко отличается от всех проанализированных мной стран и является крайне суровой, поскольку ограбления являются массовыми преступлениями в Америке уже более века, что сказывается на характере борьбы с данным преступным явлением.

В завершение хотелось бы обобщить все перечисленные мной выше страны и поделить их условно на два типа: страны с дифференциацией

на насильственные формы хищения и страны, где такой дифференциации нет (разбой – Беларусь и Латвия, ограбление – Англия и США, квалифицированный состав кражи – Франция). Также в свою очередь страны с дифференциацией насильственных форм хищения считаю необходимым разделить на те, которые закрепляют составы грабежа и разбоя в качестве самостоятельных преступлений и разграничивают их в зависимости от вида насилия (Украина, Армения, и Узбекистан), и на те, которые разделяют разбой и грабёж по иным критериям (например, Германия, где в качестве основания разграничения разбоя и насильственной кражи учитывается цель применения насилия в отношении потерпевшего).

Таким образом, можно проследить совершенно разные подходы к дифференциации насильственных форм хищения у романо-германской и англо-саксонской правовых семей.

Список литературы:

[1] Ванина Т.О., Голощапова Т.Г. Особенности употребления терминов «грабёж» и «robbery» в Российском и Английском уголовном праве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2017. — № 11. — С. 9.

[2] Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика. Автореф. дисс. ... к.ю.н., Томск, 2011. С. 37.

[3] Карманов М.Л. Разбой и грабёж: проблемы правоприменительной практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 3. — С. 111.

[4] Лоншакова К.А. Уголовно-правовая характеристика разбоя в российском и зарубежном законодательстве // Пермский период: Сборник материалов V Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов, Пермь, 14–19 мая 2018 года. - Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 46.

[5] Малькова И.Ю. Грабеж: вопросы квалификации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Дисс. ... к.ю.н. Саратов, 2009. С. 19.

[6] Остапчук Е. Г. Сравнительный анализ уголовной ответственности за грабёж в России и зарубежных странах // Право. — 2018. — № 31. — С. 115.

[7] Теплякова Т.Е. Уголовная ответственность за совершение разбоя по законодательству зарубежных государств: сравнительно-правовой // Молодой ученый. — 2021. — № 45. — С. 102.

[8] Хиллота В.В. Вопросы квалификации разбоя и бандитизма в уголовном праве Беларуси // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 11-18 сентября 2011 г. – Курск: Юго-Западный гос. университет, 2011. С. 217.

[9] Хилюта В.В. Проблемы квалификации разбоя как усеченного состава преступления // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. — 2007. — № 1. — С. 137.

References:

[1] Vanina T.O., Goloshchapova T.G. Features of the Use of the Terms «Robbery» and «Robbery» in Russian and English Criminal Law // Bulletin of the South Ural State University. - 2017. - No. 11. - P. 9.

[2] Ermakova O.V. The Moment of Completion of Crimes against Property: Law, Theory, Practice. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation, Tomsk, 2011. P. 37.

[3] Karmanov M.L. Robbery and Plunder: Problems of Law Enforcement Practice // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2022. - No. 3. - P. 111.

[4] Lonshakova K.A. Criminal-legal characteristics of robbery in Russian and foreign legislation // Perm period: Collection of materials of the V International scientific and sports festival of cadets and students, Perm, May 14-19, 2018. - Perm: Perm Institute of the

Federal Penitentiary Service, 2018. P. 46.

[5] Malkova I.Yu. Robbery: issues of qualification, differentiation of responsibility and individualization of punishment. Diss. ... Cand. Sci. (Law). Saratov, 2009. P. 19.

[6] Ostapchuk E.G. Comparative analysis of criminal liability for robbery in Russia and foreign countries // Law. - 2018. - No. 31. - P. 115.

[7] Teplyakova T.E. Criminal liability for committing robbery under the legislation of foreign states: comparative legal // Young scientist. — 2021. — No. 45. — P. 102.

[8] Khilyuta V.V. Issues of Qualification of Robbery and Banditry in the Criminal Law of Belarus // Trends in the Development of Modern Society: Managerial, Legal, Economic and Social Aspects: Proc. of the Intern. scientific and practical conf., Kursk, September 11-18, 2011 – Kursk: South-West State University, 2011. P. 217.

[9] Khilyuta V.V. Issues of Qualification of Robbery as a Truncated Composition of a Crime // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. — 2007. — No. 1. — P. 137.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

БИДОЛЕНКО Лариса Анатольевна,
старший преподаватель кафедры
библиотечно-информационной деятельности,
аспирант кафедры педагогики и методики профессионального образования,
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Белгород, Россия,
e-mail: larisa_b@ro.ru

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОПЫТА МЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

Аннотация. В статье исследуются ключевые факторы формирования опыта мыследеятельности будущих специалистов, подчеркивается важность создания благоприятной образовательной среды с использованием активных и интерактивных методов обучения. В статье отмечается важность междисциплинарности и практической направленности обучения, способствующие развитию системного мышления и применению теоретических знаний на практике. В статье анализируются существующие исследования и предлагаются рекомендации для создания более эффективных образовательных программ.

Ключевые слова: опыт мыследеятельности, ключевые факторы, образовательная среда, междисциплинарность, практическая деятельность, интерактивные методы.

BIDOLENKO Larisa Anatolyevna,
Senior Lecturer, Department of Library and Information Services,
Postgraduate Student, Department of Pedagogy and Methodology of Professional Education,
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
Belgorod, Russia

KEY FACTORS INFLUENCING THE FORMATION OF THE FUTURE SPECIALIST'S RESEARCH EXPERIENCE

Annotation. The article examines the key factors in shaping the experience of future specialists, and emphasizes the importance of creating a favorable educational environment using active and interactive teaching methods. The article highlights the importance of interdisciplinarity and practical orientation of learning, contributing to the development of systemic thinking and the application of theoretical knowledge in practice. The article analyzes existing research and offers recommendations for creating more effective educational programs.

Key words: research experience, key factors, educational environment, interdisciplinarity, practical activities, interactive methods.

Жизнь человека постоянно сопряжена с решением острых и неотложных задач и проблем. Появление таких вызовов свидетельствует о наличии в окружающей действительности множества неизвестных и скрытых аспектов. Это требует более глубокого познания мира и открытия новых процессов, свойств и взаимоотношений между людьми и объектами. В связи с этим формирование опыта мыследеятельности у будущих специалистов остается одной из ключевых образовательных и воспитательных задач. Современные изменения в обществе диктуют необходимость корректировки педагогической деятельности, так как традиционные методы не

всегда демонстрируют свою эффективность. Поддержание и развитие интереса к изучению предметов требует внедрения новаторских подходов, как в содержании материала, так и в методах обучения [2]. Современный человек XXI века должен не только получать знания, но и уметь добывать информацию и применять её в повседневной жизни, адаптируясь к постоянно меняющимся условиям. Таким образом, формирование опыта мыследеятельности становится необходимым условием для успешной профессиональной деятельности [11].

Мыслительная деятельность является ключевым компонентом учебно-познавательной ак-

тивности и рассматривается как интегральная система развития личности, выступая связующим звеном между процессом познания объективной реальности и формированием личности будущего специалиста. В психологии мыслительная деятельность определяется как система мыслительных действий, направленных на решение конкретной проблемы. Эти действия включают решение промежуточных задач, составляющих элементы общей проблемы, и представляют собой совокупность мыслительных операций. Тем не менее, несмотря на их важность, мыслительным действиям, которые характеризуют умение мыслить, часто не уделяется должного внимания в образовательном процессе. Основной акцент делается на усвоение практических знаний, составляющих содержание учебного предмета, в то время как мыслительные умения и навыки предполагается приобретать автоматически при овладении фактическим материалом. Современные исследования, использующие экспериментальные программы, подчеркивают необходимость специального обучения мыслительным умениям. Обучение должно быть организовано таким образом, чтобы учащиеся имели возможность тренировать эти умения. Недостаточно просто обладать знаниями; необходимо уметь применять их в нужный момент. Проблема развития мыслительной деятельности является предметом исследования философов, физиологов, педагогов и психологов [12].

В контексте настоящей темы интерес представляют научные работы Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева, П.Л. Гальперина, А.В. Запорожца, Д.В. Эльконина, а также К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского, А.М. Матюшкина, С.Л. Рубинштейна.

Анализ научных исследований свидетельствует, что проблема мыслительной деятельности в современном образовательном пространстве остается мало изученной. Исследования в области психологии и педагогики подчеркивают значимость мыслительности для личностного и профессионального развития [4]. Тем не менее, отсутствие эмпирических данных о конкретных факторах, влияющих на её формирование, создает пробелы в теоретических и практических аспектах. Настоящая статья направлена на устранение этих пробелов. Идентификация ключевых факторов может стать основой для дальнейших исследований в области педагогики, психологии и смежных дисциплин, что позволит не только углубить теоретические знания, но и разработать практические рекомендации для образовательных учреждений [1]. Данная статья обладает высокой актуальностью как для научного сообщества, так и для практиков в сфере образования, так как способствует пониманию основных факторов, влияющих на формирование опыта мыслительности у будущих специалистов.

Формирование опыта мыслительности

у будущих специалистов представляет собой сложный и многогранный процесс, зависящий от ряда ключевых факторов [13]. В первую очередь, это образовательная среда, в которой должны применяться такие методы обучения, которые включают активные формы взаимодействия с обучающимися: игры, дискуссии, квесты, конкурсы, дебаты и др. Эти методы способствуют решению конкретных проблем и выработке путей их решения, а также развитию навыков мыслительной деятельности. Активные методы обучения, стимулирующие участие каждого студента в учебном процессе, способствуют развитию мыслительных навыков и формированию опыта мыслительной деятельности, необходимого для будущего специалиста. Развитию навыков анализа, синтеза и оценки информации способствует участие в обсуждении реальных проблем или моделируемых проблем, стоящих перед будущими специалистами. Регулярное погружение обучающихся в обсуждение проблемных ситуаций и поиск возможных выходов позволит в дальнейшем применять теоретические знания в профессиональной деятельности и принимать осознанные решения [8].

Эффективное развитие мыслительных навыков требует учёта индивидуальных особенностей каждого обучающегося, его способностей, наклонностей и интересов, что благотворно скажется на работе с изучаемым материалом [3]. Для развития мотивации и самостоятельности важно предоставить возможность выбора курсов и дисциплин в соответствии с профессиональными интересами каждого студента. А это невозможно сделать без использования современных интерактивных технологий, таких как: образовательные цифровые платформы (включая вузовские библиотеки), онлайн-курсы, способствующие приобретению новых знаний и навыков, а также расширяющие доступ к различным образовательным ресурсам и способствующие развитию цифровой грамотности в целом. Сегодня уже невозможно себе представить учебный процесс без использования мультимедийных материалов и подобный материал необходимо активно использовать т.к. это делает учебный материал более наглядным и увлекательным, что, в свою очередь, способствует развитию кругозора, творческих способностей и мыслительных навыков.

Отсутствие поддержки творчества и инноваций препятствует созданию благоприятной образовательной среды [5]. Образовательный процесс должен стимулировать творческий подход к решению учебных и познавательных задач, способствуя генерации новых идей и нестандартных решений. Участие в инновационных проектах позволяет будущим специалистам применять свои знания и навыки в условиях реальной практики, развивая творческое мышление, что служит основой для развития мыслительной деятельности. Важным аспектом образовательной среды является поддержка обучающихся со стороны пре-

подавателей и однокурсников, что способствует развитию эмоционального интеллекта и формированию позитивного отношения к учебному процессу. Таким образом, образовательная среда, включающая разнообразные педагогические методики, индивидуализацию обучения, использование современных технологий и поддержку творчества, играет ключевую роль в формировании опыта мыследеятельности будущих специалистов.

Ещё одним ключевым фактором формирования опыта мыследеятельности является содержание образования. С нашей точки зрения, это, прежде всего, междисциплинарность, то есть интеграция в учебный процесс элементов различных наук и дисциплин, что способствует развитию системного мышления и умения устанавливать межпредметные связи. Важным аспектом является актуальность и практическая направленность обучения, которое должно быть ориентировано на решение реальных задач и проблем, что позволяет будущему специалисту применять теоретические знания на практике.

Неоспоримо, что все вышеупомянутые аспекты не могут быть реализованы без внутренней мотивации будущего специалиста, его заинтересованности в предмете и стремления к саморазвитию. Личностные качества, такие как любознательность, настойчивость и самостоятельность, играют ключевую роль в развитии необходимых навыков мыследеятельности, что, в свою очередь, способствует формированию опыта мыследеятельности [6].

Также необходимо подчеркнуть значимость практической деятельности, включающей практические занятия и стажировки. Участие в реальных проектах, стажировках и научных исследованиях позволяет будущим специалистам применять и совершенствовать свои мыслительные навыки в условиях, приближенных к профессиональной среде. Осознание и закрепление мыслительных умений достигается через анализ и оценку собственного опыта, а также через обсуждение с преподавателями и однокурсниками. Получение обратной связи, конструктивной критики и рекомендаций от преподавателей и коллег способствует совершенствованию мыслительных навыков, развитию коммуникативных способностей и умению работать в команде, что является необходимым условием для эффективного социального взаимодействия.

Эти факторы в совокупности создают условия для эффективного формирования опыта мыследеятельности, что является важным аспектом подготовки будущих специалистов к профессиональной деятельности [10].

Таким образом, в современном образовательном контексте, где стремительное развитие технологий и изменение требований к профессиональным навыкам требуют от обучающихся способности к критическому мышлению, твор-

ческому подходу к решению различных задач, адаптивности, формирование опыта мыследеятельности становится особенно актуальным [7]. В условиях глобализации и быстрого технологического прогресса образовательные учреждения сталкиваются с необходимостью подготовки будущего специалиста, способного эффективно решать сложные задачи, работать в команде и адаптироваться к изменениям. Опыт мыследеятельности, как важный компонент образовательного процесса, способствует развитию этих навыков. Мыследеятельность предполагает активное взаимодействие с информацией, что позволяет обучающимся не только усваивать знания, но и трансформировать их в практические навыки. Единство знаний человека с его мыслительными процессами и действиями установлено С.Л. Рубинштейном: «...знание ... не возникает помимо познавательной деятельности субъекта и не существует безотносительно к ней» [9, с. 168]. Исследование факторов, влияющих на процесс мыследеятельности, может помочь в создании более эффективных образовательных программ и методик. Каждый обучающийся уникален, и факторы, способствующие формированию опыта мыследеятельности, могут варьироваться в зависимости от преобладающих качеств отдельной личности. Понимание этих факторов позволит педагогам адаптировать подходы к обучению, учитывая индивидуальные особенности студентов и создавая комфортную образовательную среду.

Список литературы:

- [1] Артюхина А.И. Образовательная среда высшего учебного заведения как педагогический феномен (на материале проектирования образовательной среды медицинского университета): 13.00.08: автореф. дис. ... д-р пед. наук. — Волгоград, 2007. — 42 с.
- [2] Воронцов А.Б. Практика развивающего обучения по системе Д.Б. Эльконина - В.В. Давыдова: из опыта работы ЭУК «Школа развития». — М.: Развитие личности, 1998. — 360 с.
- [3] Ерофеева М.А., Мироненкова О.Л. Образовательная среда вуза как фактор становления личности студентов // Психологические проблемы смысла жизни и акме. — 2020. — № 25. — С. 134-140.
- [4] Ильясова О.А Активизация мыслительной деятельности учащихся // Вестник КАСУ. — 2008. — №1. — С.75-80.
- [5] Лодде О.А. Зарождение и развитие представлений об «образовательной среде» как фундаментальной единице образовательной системы: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2021. — №1. — С, 9-16.
- [6] Лялюк А.В., Груздова И.И. Типология и классификация факторов риска образовательной среды // Ученые записки университета Лесгафта. — 2018. — №11 (165). — С. 194-197.
- [7] Менг Т.В. Исследование образовательной

среды: проблемы, подходы, модели: моногр. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. — 98 с.

[8] Мынбаева А.К., Садвакасова З.М. Инновационные методы обучения, или Как интересно преподавать: учебное пособие. — 7-е изд., доп. — Алматы, 2012. — 355 с.

[9] Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — СПб. : Педагогика, 1998. — 688 с.

[10] Сираева М.Н. Проектирование гуманитарной образовательной среды в региональном вузе: моногр. — Ижевск : Издательский центр Удмуртский университет, 2022. — 200 с.

[11] Танцур Т.А. Учебная деятельность студентов вуза в современных условиях образовательной среды // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2022. — Т. 12. — С. 114-118.

[12] Управление качеством образования: коллективная монография / М.М. Поташник, Е.А. Ямбург, Д.Ш. Матрос; под ред. М.М. Поташника. — М.: Педагогическое общество России, 2004. — 441 с.

[13] Шобонов Н.А., Яшкова Н.В. Образовательная среда вуза и её структура // Известия балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: Психолого-педагогические науки. — 2024. — № 2 (68). — С. 77-81.

References:

[1] Artyukhina A.I. The Educational Environment of a Higher Education Institution as a Pedagogical Phenomenon (Based on the Design of the Educational Environment of a Medical University): 13.00.08: Abstract of a Doctor of Pedagogical Sciences (PhD) Dissertation. — Volgograd, 2007. — 42 p.

[2] Vorontsov A.B. The Practice of Developmental Learning Based on the System of D.B. Elkonin and V.V. Davydov: From the Experience of the Educational Institution «School of Development». — Moscow: Personality Development, 1998. — 360 p.

[3] Erofeeva M.A., Mironenkova O.L. The Educational Environment of a University as a Factor in the Development of Students' Personalities //

Psychological Problems of the Meaning of Life and Acme. — 2020. — No. 25. — Pp. 134-140.

[4] Ilyasova O.A. Activation of students' mental activity // Bulletin of KASU. - 2008. - No. 1. - P. 75-80.

[5] Lodde O.A. The origin and development of ideas about the «educational environment» as a fundamental unit of the educational system: a theoretical review // Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. - 2021. - No. 1. - P. 9-16.

[6] Lyalyuk A.V., Gruzdova I.I. Typology and classification of risk factors in the educational environment // Scientific Notes of Lesgaft University. - 2018. - No. 11 (165). - P. 194-197.

[7] Meng T.V. Research of the educational environment: problems, approaches, models: monograph. - St. Petersburg: Publishing house of the Russian State Pedagogical Univ. A. I. Gertsena, 2011. — 98 p.

[8] Мынбаева А.К., Садвакасова З.М. Innovative Teaching Methods, or How to Make Teaching Interesting: A Tutorial. — 7th ed., suppl. — Алматы, 2012. — 355 p.

[9] Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. — St. Petersburg: Pedagogy, 1998. — 688 p.

[10] Siraeva M.N. Designing a Humanities Educational Environment in a Regional University: Monograph. — Izhevsk: Udmurt University Publishing Center, 2022. — 200 p.

[11] Tantara T.A. Educational Activities of University Students in the Modern Conditions of the Educational Environment // Humanitarian Sciences. Bulletin of the Financial University. — 2022. — Vol. 12. — P. 114-118.

[12] Education Quality Management: Collective Monograph / M.M. Potashnik, E.A. Yamburg, D.Sh. Matros; edited by M.M. Potashnik. — Moscow: Pedagogical Society of Russia, 2004. — 441 p.

[13] Shobonov N.A., Yashkova N.V. Educational Environment of the University and Its Structure // Bulletin of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: Psychological and Pedagogical Sciences. — 2024. — No. 2 (68). — P. 77-81.

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ВАН Чи,

аспирант кафедры музыкального воспитания и образования,
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: 1263231761@qq.com

МИНИАТЮРА КАК ЛАБОРАТОРИЯ ЖАНРОВОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ФОРТЕПИАННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф.И. СТРАВИНСКОГО

Аннотация. В статье исследуется феномен фортепианной миниатюры у И. Ф. Стравинского как особой площадки для жанровых и стилистических экспериментов. Автором статьи рассмотрены вопросы, связанные с созданием миниатюры как лаборатории жанрового эксперимента в фортепианном творчестве Ф. И. Стравинского. Подчеркивается важность фортепианной музыки в музыкальном искусстве. Актуальность темы обусловлена тем, что именно в небольших фортепианных пьесах композитор свободно сочетал «стиля барокко и синкопированного ритма современности», обращался к «ночной музыке» 18-го века, и даже к джазу и танго. Новизна исследования заключается в комплексном анализе нескольких миниатюр (этюдов, «Пять пальцев», «Piano-Rag-Music», «Серенады in A» и др.) с опорой на прецедентные источники и новейшие публикации. Методология – формально-тематический анализ пьес, сопоставление стилистических приёмов и опор на авторские высказывания. Выявлено, что в миниатюрах Стравинский сознательно возвращается к прежним жанрам (барокко, классика, русский фольклор) и переосмысляет их в духе неоклассицизма. Выяснено, что миниатюры у Стравинского выступают «лабораторией», где «пустячки» композитора более ценны, чем многие объемистые сонаты. В статье автором рассмотрены периоды фортепианного творчества И. Ф. Стравинского и его особенности в различные исторические эпохи. Изучены жанровые эксперименты в фортепианных миниатюрах. В заключении автор статьи делает выводы о том, что фортепианные миниатюры Стравинского действительно выполняют роль лаборатории жанровых экспериментов. Они сочетают в себе большое многообразие музыкальных стилей, а также содержат элементы современного музыкального искусства.

Ключевые слова: фортепианная миниатюра, жанр, стиль, неоклассицизм, Игорь Стравинский, эксперименты, лаборатория, творчество.

WANG Chi,

Postgraduate student of the Department of Music
Education and Training,
Herzen Russian State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russia

THE MINIATURE AS A LABORATORY OF GENRE EXPERIMENT IN IGOR STRAVINSKY'S PIANO WORKS

Annotation. The article explores the phenomenon of the piano miniature in the works of I. F. Stravinsky as a special platform for genre and stylistic experiments. The author examines the issues related to the creation of a miniature as a laboratory for genre experimentation in the piano works of F. I. Stravinsky. The importance of piano music in the field of musical art is emphasized. The relevance of the topic is due to the fact that it was in the small piano pieces that the composer freely combined the «baroque style and the syncopated rhythm of modernity,» and even referred to the «night music» of the 18th century, as well as to jazz and tango. The novelty of the study lies in the comprehensive analysis of several miniatures (etudes, «Five Fingers,» «Piano-Rag-Music,» «Serenade in A,» and others), based on precedent sources and the latest publications. The methodology is based on a formal and thematic analysis of the plays, as well as a comparison of stylistic techniques and references to the composer's statements. It has been revealed that in his miniatures, Stravinsky deliberately returns to previous genres (Baroque, Classical, and Russian Folklore) and reinterprets them in the spirit of Neoclassicism. It has also been determined that Stravinsky's miniatures serve as a «laboratory» where

the composer's «trifles» are more valuable than many extensive sonatas. In this article, the author examines the periods of I. F. Stravinsky's piano compositions and their characteristics in different historical eras. The article also explores the genre experiments in Stravinsky's piano miniatures. In conclusion, the author concludes that Stravinsky's piano miniatures serve as a laboratory for genre experiments. They encompass a wide range of musical styles and incorporate elements of contemporary music.

Key words: *piano miniature; genre; style; neoclassicism; Igor Stravinsky; experiments; laboratory; creativity.*

Введение. Фортепианное творчество И. Ф. Стравинского традиционно делят на несколько периодов (русский, неоклассический, поздний). Особый интерес представляют миниатюрные произведения – короткие пьесы, этюды и прелюдии, созданные в разных эпохах. Исследователь Б. В. Асафьев писал, «все, созданное композитором в разнообразных жанрах, достойно пристального и внимательного изучения. 'Пустьячки' Стравинского ценнее многих объёмистых сонат и симфоний...» [1, с. 12]. Именно в миниатюрах Стравинский проявлял себя особенно экспериментаторски. Цель исследования – показать, что фортепианные миниатюры стали для композитора лабораторией жанровых синтезов: смешения барочной и классической стилистики с элементами джаза, русского фольклора и новаторских приемов.

Основная часть. Миниатюры И. Ф. Стравинского оказывают большое влияние на развитие музыкального искусства.

Периодизация творчества и неоклассический подход

Первоначально Стравинский писался в русском романтическом духе конца XIX – начала XX в. (например, 4 этюда 1908 г.). Однако начиная с 1910–20-х гг. композитор сознательно обратился к «неоклассическому» методу, что понималось как возвращение к жанрам и стилистике доклассических эпох (барокко, классика) [6, с.207]. В сочинении «Серенада in A» (1925) Стравинский указывал, что имитирует «ночную музыку XVIII века» (Nachtmusik) [7, с. 274], а фактуру пианино делает перкуссионной: «без педали, без нарастания звука». Такая тенденция прослеживается и в других жанрах: конкурсы для двух пианино (1931–35) строятся как барочные концерты; в миниатюрах сохраняется строгость полифонии классических форм. Д. М. Друскин выделял «неоклассический период» примерно 1923–1953 гг. [4, с.30]. Характерно, что сам Стравинский не любил термин «неоклассицизм», но его метод, обращение к «формам прошлого, преобразованным в новых формах и стилистике», соответствует неоклассике.

Жанровые эксперименты в фортепианных миниатюрах

Стравинский использовал миниатюру как полигон для свободной игры со стилями. Даже самые «учебные» пьесы содержат неожиданные жанровые намёки и новации. Цикл «Пять паль-

цев» (Les Cinq Doigts, 1920/21), восемь очень лёгких пьесок, задуман самим Стравинским как упражнение: «пять пальцев правой руки... не меняют своего положения... левая рука выполняет самый простой гармонический или контрапунктический рисунок» [7, с. 210]. Тем не менее, уже в нём композитор вводит жанровый эксперимент: одна из пьес названа Pesante, и по характеру представляет собой импровизированное танго без педали – «ударное, беспедальное, джазовое». Леонид Гаккель писал, что музыка этого цикла «истинно русская», с «мягкой меланхолией русской колыбельной... в каждой пьесе – пять звуков и пять пальцев» [3, с. 172]. Миниатюрная по форме, «Пять пальцев» тем не менее открыла Стравинскому иным ход переработки жанра: «ветвью нового пианизма... Pesante – не что иное, как танго» [3, с. 174].

В отдельной группе находятся джазовые эксперименты Стравинского. Уже в 1919 г. он написал «Piano-Rag-Music» – «портрет» джазовой импровизации на фортепиано. Стравинский вспоминал: «писал эту музыку... преследовал ту же цель, что и в регтайме, но используя ударные возможности рояля... Ритма фактически нет (нет размера или пауз). Вместо ритма есть счёт» [7, с. 134]. Это «джазовое» произведение демонстрирует, что для Стравинского стало решающим организующее начало ритма: «в Rag-music понятие тональности уступает место ритму и счёту, превращая ткань в чистый импровизационный поток» [10, с. 5]. Здесь композитор почти полностью отказывается от мелодийного развития и концентрируется на синкопированных интонациях в духе бразильской рюмбы (впервые Равелью увлечённой), переходящих на фортепиано.

Les Cinq Doigts (Пять пальцев, 1921)

Пример из цикла «Пять пальцев» для фортепиано: лёгкая мелодия в правой руке и статичная гармония в левой (из образцов культуры Stravinsky). В этом цикле Стравинский демонстрирует, как из предельно ограниченных средств (пять фиксированных нот) можно получить выразительную миниатюру. Несмотря на предельную простоту текстуры, страничка Pesante (конец цикла) неожиданно оживает танцевальной ритмикой.

Serenade in A (1925)

Игорь Стравинский назвал свою «Серенаду ля-мажор» имитацией «ночной музыки» XVIII века. Миниатюрная по масштабу, она состоит из четырёх частей с традиционными формами (гимн,

романс, рондо-ллетто, каденция). При этом «фортепиано в Серенаде используется преимущественно как ударный инструмент: “без педали, без нарастания звука”». Стравинский возвращается к чистому камерному звучанию, отвергает романтические наслоения [5, с.25]. Первая часть Нуппе (на фоне обложки Serenade) демонстрирует классическую прозрачность текстуры и ясную полифонию линии [9, с.10].

Во второй части Romanza («Романс») сохраняется статичность гармоний, но появляются лирические элементы в мелодии, близкие к традиции XVIII–XIX веков. Здесь отчётливо слышны неоклассические черты: каждая фраза ровно отделена, а многоголосность создаёт впечатление единения различных инструментов за одним исполнителем.

Третья часть Rondoletto – бравурная по характеру, в духе барочных рондо. Несмотря на миниатюрный объём, она насыщена скачками регистров и отрывистыми фигурными пассажами, что роднит её с гобойным рондо XVIII в. «Серенада» целиком служит примером того, как Стравинский «придал роялю образ целого оркестра» – через тщательное распределение голосов и архаизацию стилистики.

Каприччио для фортепиано с оркестром (1926–29)

Хотя «Каприччио» – не чисто фортепианное произведение, его стиль близок к экспериментам миниатюр. Первая часть Каприччио сочетает барочный концерт (типично солирующие группы инструментов) с синкопированным джазовым ритмом: «в прихотливом сочетании принципов барочного концертирования и упругости джазового ритма обнаруживается яркая характерность музыки первой части». По словам исследователей, Стравинский использует здесь «принцип конкуренции рояля и оркестра», подобно полиметрии в транскрипциях Петрушки [8, с.1]. Даже крупная форма становится мини-лабораторией смещения старой и новой стилистики; в титульном «капричном» настроении сочетаются архаические и современные элементы.

Заключение. Фортепианные миниатюры Стравинского действительно выполняют роль лаборатории жанровых экспериментов. В них органично сочетаются западно-европейские формы (этюд, концерт, серенада) с элементами русского национального колорита и новейших музыкальных стилей (импрессионизм, джаз, танго) [2, с.1]. Неоклассическое устремление проявляется в возвращении к структурным принципам XVIII–XIX веков: строгой полифонии, равномерной фразировке, камерности звукоряда. При этом стиль Стравинского остаётся авангардным, то есть комбинирующим «существующие стили в новых формах и стилистике», звучащим иначе и требующим высокой артикуляции. В целом, миниатюры у Стравинского помогают «внести порядок в музыкальное

пространство», организуя традиционные жанры в связанные экспериментальные конструкции. Именно эти «маленькие» по формату «пустячки» Стравинского выступают подлинно ценными и значимыми феноменами музыки XX века.

Список литературы:

- [1] Асафьев Б. В. Книга о Стравинском. — Л.: Музыка, 1971. — 284 с.
- [2] Ван Чи. Произведения И. Ф. Стравинского для фортепиано в контексте поиска инновационных жанровых форм // Научный аспект. — 2024. — № 7. — 4 с.
- [3] Гаккель Л. Е. Фортепианная музыка XX века. — Л.: Музыка, 1976. — 208 с.
- [4] Друскин М. С. Игорь Стравинский. Личность. Творчество. Взгляды. — 3-е изд. — М.: Музыка, 1982. — 368 с.
- [5] Куликова И. В. Особенности фортепианных сочинений И. Ф. Стравинского: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — М., 1985. — 28 с.
- [6] Смирнов В. В. Стравинский. Грани творчества (к проблеме периодизации) // Вестник Санкт-Петербургской консерватории. — 2015. — № 5 (40). — С. 207–211.
- [7] Стравинский И. Хроника моей жизни / пер. с франц. А. Брусиловского. — М.: Музыка, 1971. — 464 с.
- [8] Сергиенко Н. А., Гарибян С. Г. Фортепианные этюды И. Стравинского ор. 7 в контексте развития жанра // Культура и время перемен. — 2020. — № 1(28). — 10 с.
- [9] Хань С. Каприччио для фортепиано с оркестром И. Стравинского (между барочными и современными стилистическими моделями) // PHILHARMONICA. International Music Journal. — 2023. — № 4. — 10 с.
- [10] Щербакова А. И., Корсакова И. А., Ганичева Ю. В. Фортепианное творчество И. Ф. Стравинского: музыкальное послание слушателям третьего тысячелетия // Человеческий капитал. — 2022. — № 12(168). — С. 22–28.

References:

- [1] Asafiev B. V. A Book about Stravinsky. — L.: Muzyka, 1971. — 284 p.
- [2] Wang Chi. Works by I. F. Stravinsky for Piano in the Context of the Search for Innovative Genre Forms // Nauchny Aspect. — 2024. — No. 7. — 4 p.
- [3] Gakkel L. E. Piano Music of the 20th Century. — L.: Muzyka, 1976. — 208 p.
- [4] Druskin M. S. Igor Stravinsky. Personality. Creativity. Views. — 3rd ed. — Moscow: Muzyka, 1982. — 368 p.
- [5] Kulikova I. V. Features of the Piano Works of I. F. Stravinsky: Abstract of a Cand. Sci. (Art Criticism) Dissertation. — M., 1985. — 28 p.
- [6] Smirnov V. V. Stravinsky. Facets of Creativity (on the Problem of Periodization) // Bulletin of the St. Petersburg Conservatory. — 2015. — No. 5 (40). — Pp. 207–211.

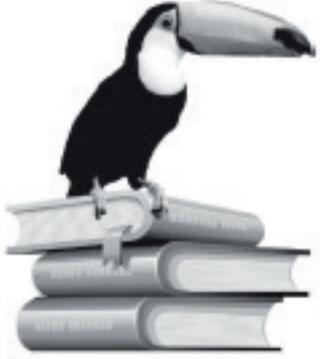
[7] Stravinsky I. Chronicle of My Life / trans. from French by A. Brusilovsky. — M.: Muzyka, 1971. — 464 p.

[8] Sergienko N. A., Garibyan S. G. Piano Etudes by I. Stravinsky, Op. 7, in the Context of the Development of the Genre // Culture and Time of Change. — 2020. — No. 1 (28). — 10 p.

[9] Han S. Capriccio for Piano and Orchestra by

I. Stravinsky (between Baroque and Modern Stylistic Models) // PHILHARMONICA. International Music Journal. - 2023. - No. 4. - 10 p.

[10] Shcherbakova A. I., Korsakova I. A., Ganicheva Yu. V. Piano Works by I. F. Stravinsky: A Musical Message to Listeners of the Third Millennium // Human Capital. - 2022. - No. 12 (168). - P. 22–28.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-1-86-88

КАНИВЕЦКАЯ Анастасия Вадимовна,
студент,
Президентская Академия (РАНХиГС),
Москва, Россия,
e-mail: kanivetskaya1111@mail.ru

РАННЯЯ ИСТОРИЯ OPUS DEI

Аннотация. Научной статьи по ранней истории организации Opus Dei в Испании. Opus Dei имело сильное влияние на внутреннюю жизнь Испании во время правления Франсиско Франко и после. Противоречия, связанные с структурой организации, ее членами и постами, которые они занимали, сложившиеся в период Франко, связанные с Opus Dei, определили актуальность данной темы. На данный момент нет точных данных, подтверждающих влияние членов организации Opus Dei на Испанию XXI века, но известны имена людей, занимавшие высокие посты в разных странах, будучи членами данной структуры. Научная новизна исследования заключается в применении материалов на иностранных языках, не представленных в переводе на русский язык, что позволяет открыть новые факты о Opus Dei для отечественной науки. Кроме того, рассмотрение данной темы поможет глубже и детальнее разобраться в общественных проблемах Испании того времени (1920х-1960х гг.). А также, в курсовой работе представлены архивные документы, различные статьи из газет.

Ключевые слова: Opus Dei, Хосемария Эскрива де Балагер, Гражданская война, Франсиско Франко.

KANIVETSKAYA Anastasia Vadimovna,
student,
Presidential Academy (RANEPА),
Moscow, Russia

THE EARLY HISTORY OF OPUS DEI

Annotation. Of a scientific article on the early history of the organization Opus Dei in Spain. Opus Dei exerted a strong influence on Spanish domestic affairs during the reign of Francisco Franco and beyond. Controversies related to the organization's structure, its members, and the positions they held, which arose during the Franco era and were associated with Opus Dei, have made this topic relevant. While there is currently no definitive data confirming the influence of Opus Dei members on 21st-century Spain, the names of individuals who held high positions in various countries while members of this organization are known. The research's novelty lies in the use of foreign-language materials, not previously available in Russian translation, allowing for the discovery of new facts about Opus Dei for domestic scholarship. Furthermore, examining this topic will provide a deeper and more detailed understanding of social issues in Spain at that time (1920s-1960s). The thesis also includes archival documents and various newspaper articles.

Key words: Opus Dei, Josemaria Escriva de Balaguer, Civil War, Francisco Franco.

Понимание истории современной Испании невозможно без изучения ее прошлого, а именно, правления одного из самых известных политиков страны - Франсиско Франко (1939-1975 гг.). В период франкизма Испания пережила много потрясений, таких как Гражданская война 1936-1939 гг, которая оставила после себя экономический кризис, разрухи и общественные проблемы (безработица), перестановку правительства 1957 года, в ходе которого к власти пришли технократы-опусдеисты, смену режима – от тоталитарного к более авторитарному. Кардинальные

изменения в мировоззрении человека западной цивилизации произошли из-за перемен XX. Общество, в том числе, Римско-Католическая Церковь, находясь в условиях быстрого развития техники, науки, а также под влиянием мировых войн, стали переопределять новые место и роль человека в искусстве, философии, религии. Под влиянием проблем времени Святой Престол столкнулся с необходимостью переосмысления понятия «Христианское служение», а также поиска новых его основ, подходящих как духовенству, так и обычному человеку. Одним из проповедников этого

пути в Испании был Х. Эскрива, который стал основоположником новой католической организации - Opus Dei («дело Божье»), идея о создании которой пришла к нему в 1928 году.

Opus Dei - это учреждение Католической церкви, миссия которого заключается в том, чтобы претворять в жизнь доктрину всеобщего призыва к святости и распространять среди людей всех социальных классов освящение профессиональной деятельности в условиях обычной жизни. Ее юридический статус — это статус личной прелатуры, Прелатуры Святого Креста и Opus Dei или просто Opus Dei. Другими словами, это универсальное иерархическое учреждение прелатуры, как это предусмотрено Вторым Ватиканским собором, созданное для выполнения особых пастырских задач. Второй ватиканский собор – вселенский Католический церкви, созданный Папой Иоанном XXIII и состоявшегося в 1962 – 1965 гг [9, с. 8].

Организация Opus Dei всегда интересовала деятелей науки и простых людей, так как вокруг данной организации ходило много легенд и историй, связанных с ее членами и основателем. С самого начала Opus Dei обладала большой способностью проникать в государственный аппарат. Данная структура разнообразна и не изучена до конца. Opus Dei имело сильное влияние на внутреннюю жизнь Испании во время правления Франсиско Франко и после.

Католическая организация Opus Dei была основана арагонским священником Хосемария Эскрива де Балагер (1902–1975) в 1928 году, на латыни означает «Дело Божье».

Идея о создании организации пришла Эскриве в голову, когда он собирался уединиться, чтобы помолиться в монастыре на окраине Мадрида. Его агиографы описывают это событие как внезапное видение, которое пришло ему, когда зазвонили колокола ближайшей церкви Богородицы Ангелов, в которой отмечался праздник покровительства [1].

«Я всегда говорил — и это чистая правда, — что историю Opus Dei придется писать на коленях, потому что это история Божьих милостей», - говорил Хосемария Эскрива, основатель организации Opus Dei в заметках из размышления, 11 апреля 1952 г [4]. Для Хосемарии утверждение, что история Opus Dei – история Божьих милостей имеет два значения: во-первых, Божья милость проявляется в его биографии, во-вторых, она проявляется в самом развитии Opus Dei [4].

Провозглашалась новая цель: помочь верующим «обрести святость» в повседневной жизни путем добросовестного труда, что будет способствовать религиозному обновлению и совершенствованию всего общества [5]. Труд возвышается и очищается, превращаясь в божеское дело.

В 1933 году открывается «Академия DYA» в Мадриде. Это первый центр Opus Dei, где читались лекции по различным предметам. Именно

эта академия стала центром распространения идей Opus Dei среди молодежи. Важной частью их работы было изучение основ христианской религии и заботе о больных и бедных.

Гражданская война в Испании – поворотный момент для организации. В сам период войны, Хосемария Эскрива был вынужден бежать из Испании из-за антирелигиозных гонений, в отличие от движения КД (католическое действие) – общее название всех католических институтов, которые осуществляли апостольское служение (деятельность политического и социального характера). Поддержку таким организациям оказывали: Папа Пий IX (1846–1878) и Папа Лев XIII (1878–1903), поддерживаемого Ватиканом, Организацию Opus Dei, обвиняли в ереси сторонники республиканского режима, добавились обвинения в стремлении к политическому господству, антипатриотизме и многие другие [7, с. 93-100; 6, с. 162]. Некоторые наветы носили политический характер. Помимо недовольств со стороны республиканцев, возмущения выражались и стороны правящей партии Испании – Фаланги.

Фаланга — единственная официально признанная и правящая партия в Испании во времена Франко — не питала особенной любви к Хосемарии Эскрива, так как он последовательно отказывался вмешиваться в политику из уважения к свободе своих духовных детей [8]. Поэтому Эскриве пришлось скитаться по убежищам в различных странах. Все это вынуждало приостановить апостольскую деятельность Opus Dei.

В 1939 году, по окончании Гражданской войны в Испании и победы над коммунистами, Хосемария возвращается в Мадрид, Opus Dei возобновляет работу. Политики Opus Dei поддерживали генерала Франсиско Франко, тем самым заручились его покровительством и защитой. После победы франкистов Opus Dei получил распространение во всей Испании, а с середины 1940-х годов начал активно действовать в Европе и Америке, а с конца 1950-х распространяется в Африке, Океании и Азии. Во многих странах члены организации запустили образовательные и социальные активности, например Центр госпитальеров в Монколь в Конго и университет Азии и Тихого океана на Филиппинах [3].

В 1946 году Хосемария Эскрива переносит свою резиденцию в Рим [1]. В феврале 1947 года Ватикан официально признал Opus Dei, а вскоре дал ей статус мирского института католической церкви, и с тех пор она пользовалась особым покровительством Святого престола [2, с. 598].

Список литературы:

[1] El mundo secreto del Opus Dei // Los Origenes del Opus Dei. URL: https://www.opuslibros.org/libros/Mundo_secreto/capitulo_2.htm (дата обращения: 17.03.2024)

[2] А.О. Чубарьян, С.П. Пожарская, В.А. Ведюшкин, Г.А. Попова, О.В. Волосюк, М.А. Лип-

кин, Е.Э. Юрчик — История Испании. — 2 изд. — М. Институт всеобщей истории РАН : Индрит, 2014. — 871 с.

[3] A brief history of Opus Dei // Istituto Storico San Josemaría Escrivá / Via dei Farnesi 83 – Roma (ITALY). URL: <https://www.isje.org/en/history-of-opus-dei/> (дата обращения: 29.01.2024).

[4] Federico M. Requena The Mercy of God Inspired His Work // Romana. — St. Josemaría Escrivá Historical Institute, April 11, 1952 URL: <https://www.isje.org/wp-content/uploads/2020/08/The-Mercy-of-God-Josemaria-Escrivera.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

[5] José Luis Illanes — Apuntes para una reflexión teológica sobre el itinerario jurídico del Opus Dei // Studia et Documenta. — 2022-2024. — С. 327-362.

[6] Галибина-Лебедева Елена Сергеевна — Орден иезуитов накануне 500 —летия Реформации: автореф. дис. ... Кандидат исторических наук Ист наук. — М, 2017.

[7] История // Opus Dei. URL: <https://opusdei.org/ru/article/istoriia/> (дата обращения: 26.02.2024).

[8] Конституция о священной Литургии // Документы II Ватиканского Собора. URL: https://cathmos.ru/wp-content/uploads/2019/12/dokumenty_vtorogo_vatikanskogo_sobora.pdf (дата обращения: 22.04.2024).

[9] Мустафаев В.Г. — Опус деи (opus dei) // Вестник Социально-педагогического института. — 2011. — №1 (2).

[10] Энеева Н.Т. Апостолат мирян в русской и зарубежной религиозной мысли // Гуманитарное пространство. — 2020. — С. 752-765.

[11] Пономарева Л.В. Испанский католицизм XX века. — М : Наука, 1989. — 288 с.

[12] Настусевич С. В. Католическое действие в Испании: зарождение и становление. — Беларусь. Белорусский государственный университет, Минск, 05.02.2021 г.. — С. 93-100

[13] Ермакова С. Агамбен, Дж. Opus Dei. Археология службы. — 1 изд. — М.; СПб : Институт Гайдара, 2022. — 280 с.

[14] Святой Хосе Мария Эскрива и Франко // URL: https://multimedia.opusdei.org/pdf/ru/escriva_and_franco.pdf (дата обращения: 10.03.2024).

References:

[1] The Secret History of Opus Dei // Los Origenes

del Opus Dei. URL: https://www.opuslibros.org/libros/Mundo_secreto/capitulo_2.htm (Accessed: 17.03.2024)

[2] A. O. Chubaryan, S. P. Pozharskaya, V. A. Vedyushkin, G. A. Popova, O. V. Volosyuk, M. A. Lipkin, E. E. Yurchik — History of Spain. — 2nd ed. — Moscow: Institute of General History, Russian Academy of Sciences: Indrit, 2014. — 871 p.

[3] A Brief History of Opus Dei // Istituto Storico San Josemaría Escrivá / Via dei Farnesi 83 – Roma (ITALY). URL: <https://www.isje.org/en/history-of-opus-dei/> (access date: 01/29/2024).

[4] Federico M. Requena The Mercy of God Inspired His Work // Romana. —St. Josemaría Escrivá Historical Institute, April 11, 1952 URL: <https://www.isje.org/wp-content/uploads/2020/08/The-Mercy-of-God-Josemaria-Escrivera.pdf> (accessed 01/29/2024).

[5] José Luis Illanes - Apuntes para una reflexión teológica sobre el itinerario jurídico del Opus Dei // Studia et Documenta. — 2022-2024. — P. 327-362.

[6] Galibina-Lebedeva Elena Sergeevna — The Jesuit Order on the Eve of the 500th Anniversary of the Reformation: author's abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences, History Sciences. — М, 2017.

[7] History // Opus Dei. URL: <https://opusdei.org/ru/article/istoriia/> (date of access: 02/26/2024).

[8] Constitution on the Sacred Liturgy // Documents of the Second Vatican Council. URL: https://cathmos.ru/wp-content/uploads/2019/12/dokumenty_vtorogo_vatikanskogo_sobora.pdf (date of access: 04/22/2024).

[9] Mustafaev V.G. — Opus Dei // Bulletin of the Social-Pedagogical Institute. — 2011. — No. 1 (2).

[10] Eneyeva N.T. The Apostolate of the Laity in Russian and Foreign Religious Thought // Humanitarian Space. — 2020. — Pp. 752-765.

[11] Ponomareva L.V. Spanish Catholicism of the 20th Century. — М.: Nauka, 1989. — 288 p.

[12] Nastusevich S.V. Catholic Action in Spain: Origin and Formation. — Belarus. Belarusian State University, Minsk, 05.02.2021. — Pp. 93-100

[13] Ermakova S. Agamben, J. Opus Dei. Archeology of Service. — 1st ed. — М.; St. Petersburg: Gaidar Institute, 2022. - 280 p.

[14] Saint Josemaría Escrivá and Franco // URL: https://multimedia.opusdei.org/pdf/ru/escriva_and_franco.pdf (access date: 03/10/2024).

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ВЯЛЫХ Наталия Владимировна,
магистрант,
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия,
e-mail: nataliavalah@gmail.com

Научный руководитель:
ПОРТНОВА Татьяна Васильевна,
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия,
e-mail: nataliavalah@gmail.com

АНАЛИЗ ПРОМЫШЛЕННОГО СТИЛЯ САХАРНЫХ ЗАВОДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧ. XX ВВ. ЦЕНТРАЛЬНОГО - ЧЕРНОЗЕМЬЯ, НА ПРИМЕРЕ РАМОНСКОГО САХАРНОГО ЗАВОДА

Аннотация. В статье рассматривается архитектура промышленных комплексов сахарных заводов Центрально-Черноземного региона России в период наибольшей активности строительства, а именно второй половины XIX – нач. XX вв. В качестве ключевого объекта исследования рассматривается сахарный завод, расположенный в Воронежской обл., пгт. Рамонь. На основании проведенных комплексных научных исследований были сделаны выводы, которые позволяют утверждать, что исследуемый объект является уникальным образцом промышленной архитектуры для Воронежской области. Результаты исследования вносят вклад в изучение истории промышленности Центрально-Черноземного края и могут быть применены в практике реставрации аналогичных объектов.

Ключевые слова: промышленная архитектура, сахарные заводы, Рамонский сахарный завод, рафинадные заводы, эклектика, кирпичный стиль, историко-культурное наследие, индустриализация.

VYALYKH Natalia Vladimirovna,
Master's Student,
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

Academic Supervisor:
PORTNOVA Tatyana Vasilyevna,
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

ANALYSIS OF THE INDUSTRIAL STYLE OF SUGAR FACTORIES IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY. XX CENTURIES. CENTRAL-CHERNOZEM REGION, ON THE EXAMPLE OF THE RAMON SUGAR FACTORY

Annotation. The article examines the architecture of industrial complexes of sugar factories in the Central Chernozem region of Russia during the period of the greatest activity of construction, namely the second half of the XIX – early XX century. XX centuries. A sugar factory located in the Voronezh region, village is considered as a key object of research. Ramon. Based on the conducted comprehensive scientific research, conclusions have been drawn that allow us to assert that the object under study is a unique example of industrial architecture for the Voronezh region. The results of the study contribute to the study of the industrial history of the Central Chernozem Region and can be applied in the practice of restoration of similar objects.

Key words: industrial architecture, sugar factories, Ramon sugar Factory, refineries, eclecticism, brick style, historical and cultural heritage, industrialization.

Исторические промышленные объекты совместно с их территорией являются неотъемлемой частью городской среды. Ранее промышленные предприятия размещались на окраинах, а в следствии развития городов, оказались включены в архитектурно-планировочную

структуру современного города.

Особенность промышленной архитектуры заключается в сложной задаче комплексного решения функционально-технологических, социально-экономических и композиционно-художественных проблем. Как показывает практика,

внимание уделяется джентрификации территорий именно городских заводов, однако большое количество заброшенных и действующих предприятий расположено в сельских населенных пунктах. Они лишены должного внимания из-за своей отдаленности от развивающихся городов. Их территории отличаются большой площадью, наличием железной дороги и водоема, выгодным расположением в структуре населенных пунктов и дополнительными зданиями, и сооружениями, пригодными для приспособления для современного использования. Они также имеют ценное историко-культурное индустриальное наследие.

Крупнейшей отраслью является сахарная промышленность Центрально-Черноземного региона. Сахарных заводов второй половины XIX - нач. XX вв. в первоначальном облике почти не сохранилось до наших дней. Многие перестроены и достроены современными объемами, а другая часть стоит заброшенная и постепенно разрушается. От богатого наследия не остается и следа. Но ведь эти объекты представляют собой большую ценность как памятники архитектуры.

Так, предметом исследования является история сахарного завода Ольденбургских, который оказал значительное влияние на развитие поселка городского типа Рамонь в Воронежской области. Акцент в истории на принадлежность данных земель семье Романовых и Ольденбургских делает этот памятник уникальным примером индустриального наследия, отражающего историю развития промышленности, технологий, а также архитектуры. Итогом работы является составленный список сахарных заводов сахарных заводов конца XIX – начала XX веков Центрально-Черноземного района, а также нахождение их общих характеристик.

Вопросами истории, исследования и сохранения индустриального наследия в России и странах СНГ занимались М.С. Штиглиц[27], В.В. Запарий[4], Р.М. Лотарева[8], Р.П. Подольский[13], М.А. Гранстрем[2], В.А. Новиков[11] и др.

Анализу историко-культурной среды Центрального Черноземья посвящены исследования А.Е. Енина[3], Е.В. Холодовой[21], Г.А. Чеснокова[25], М.В. Перьковой[12], Л.В. Кригер[5,6], Попова П.А. [14,15,16] и др.

Вопросы адаптации, интеграции, реконструкции промышленного индустриального наследия разбирались в трудах А.А. Чадовича[13], Д.С. Чайко[23], О.И. Сысоевой[20], Г.Н. Черкасова[24], В.С. Лабутина[7], А.В. Снитко[18] и других авторов.

Теоретической и практической основой данного исследования послужили научные работы, посвященные сахарной промышленности Н.В. Афанасьева[1], А.К. Шарипова[26], В.В. Спичак[19], Ю.М. Миргородовой[10]. Но эти работы рассматривают экономические аспекты развития. Следует отметить, что изучение посвящено больше советскому периоду.

Именно с архитектурной точки формирования промышленных предприятий исследований не проводилось.

Развитие свеклосахарного производства в России начинается с XVIII века. Первые свеклосахарные заводы строились в центральных районах России ближе к промышленным центрам, но вскоре подавляющее большинство из них сосредоточилось на Украине и в Центрально-Черноземном районе, где почвенные и климатические условия были благоприятны для выращивания свеклы. [19. С.216]

В этот период промышленная архитектура представляет собой пример культурного наследия, который отражает не только технологические достижения эпохи, но и социально-экономические изменения, происходящие в обществе. Отдельно следует выделить сахарные заводы Центрально-Черноземного региона России, которые стали не только центрами производства, но и важным элементом архитектурно-планировочной структур городов и поселков. Сахарная промышленность, активно развивающаяся в этот период, способствовала формированию специфического промышленного стиля, сочетающего функциональность и эстетику. Рамонский сахарный завод, основанный в середине XIX века, является ярким примером промышленной архитектуры того времени. Завод не только играл ключевую роль в экономическом развитии региона, но и стал частью дворцово-паркового ансамбля, что делает его уникальным примером взаимодействия промышленной и усадебной архитектуры.

Объект культурного наследия «Дворцовый ансамбль Ольденбургских «Рамонь» - ландшафтно-дворцовый комплекс, расположенный в 40 км от Воронежа, состоящий из 20 объектов культурного наследия регионального значения, является одной из главных туристических достопримечательностей Воронежской Области, благодаря тому, что в 1879 году Рамонь становится собственностью Ее императорского высочества принцессы Е.М. Ольденбургской (внучки Николая I, племянницы Александра II). [9]

Объект культурного наследия «Главный корпус сахарного завода с корпусом паровой фабрики конфет и шоколада», входящий в состав ансамбля, был основан при Н.И. Тулинове в 1840 году [14. С.55]. Это было небольшое предприятие, полукустарного типа, которое давало в сутки шесть пудов сахара. С середины XIX в. усадьба в Рамони сменила несколько хозяев [15. С.25-26].

Завод, расположившийся внизу под холмами парадного пространства усадьбы, является одним из центральных объектов «нижней» части комплекса. Сегодня — это памятник промышленной архитектуры конца XIX века – начала XX века, построенный в 1880 году на месте старого Тулиновского завода, который несмотря на аварийное состояние и несколько строительных периодов, изменивших его первоначальный облик

сохраняет подлинные особенности исторической архитектуры. На период владения Ольденбургских приходится наивысший подъем производства: строятся новые корпуса, внедряются паровые двигатели; открывается новый рафинадный цех (1891г.). Позднее такой же успех повторится только в послевоенные годы.

Впоследствии, история усадьбы, с 1907 года, является ярким примером трансформации функциональной взаимосвязи «Завод при усадьбе» в «Усадьбу при заводе». Если до революции все заводские постройки комплекса работали на усадьбу и имели четкое деление на парадную и промышленную территорию, то в послереволюционный период все усадебные постройки были перепрофилированы под жилые, административные и хозяйственные в целях обеспечения функционирования завода. При реконструированном сахарном заводе возник свой «микрорайон» из жилых и общественных зданий. Такое положение сохранялось и в советский период, вплоть до за-

крытия завода в начале 2000-х годов.

Здание главного корпуса является примером промышленной архитектуры конца XIX века – начала XX века. Для исследования подлинных особенностей исторической архитектуры Объекта был выполнен подбор архитектурных аналогов по архитектурной типологии.

В ходе архитектурных исследований были изучены места расположения, формирование рынка сбыта и особенности развития сахарных заводов России в конце XIX – нач. XX вв.

Изучение особенностей сахарного производства помогло понять утраченную структуру исторических объёмов сахарного завода и оценить значимость исторической архитектуры.

Так, следуя из изученных данных, были выделены следующие области Центрально-Черноземного края России [17. С.14]: Воронежская область; Белгородская область; Курская область; Липецкая область; Тамбовская область. (Рис 1)

Рисунок 1. Карта расположения свеклосахарных заводов на конец XIX века (составлена автором).

Анализ сахарных заводов позволяет выделить ряд общих черт, которые являются характерными именно для таких промышленных объектов. Эти черты обусловлены как технологическими требованиями производства, так и архитектурными тенденциями эпохи.

Структура объёмно-пространственного построения заводов определяется технологическими производственными процессами, которые требуют определенного состава производственных цехов. Мощность производства определяет габариты помещений. Исследования формообра-

зования объёмного построения промышленных зданий сходной функции позволили обобщить объёмно-планировочные и архитектурные характеристики зданий, построенных для сахарного производства в конце XIX века.

Кирпичный стиль является основным для периода сер. XIX – нач. XX вв., используемым в промышленной архитектуре фабрик и заводов. Архитектурно-художественное оформление рационально и как правило также имеет схожее построение фасадных композиций и декоративные приемы.

Со стороны главного фасада выступает небольшой объем (чаще всего в три световые оси), который является главным входом. К заднему вытянутому фасаду перпендикулярно примыкают дополнительные объемы. В зависимости от функционального назначения, объёмно-пространственные части отличаются по габаритам. Производственные цеха промышленных зданий представляют собой вытянутые в плане крупные прямоугольные объемы, в которых расположены основные отделения по переработки свеклы в сахар-песок.

Несмотря на стилистические различия, свойственные эклектике, сочетающей элементы разных стилей, в процессе исследования зданий был выделен ряд однотипных элементов: арочное завершение окон второго этажа, выделение входа и основного объема угловыми пилястрами, разделение внутренних отделений в системе основного объема пилястрами на фасадах. Этажность здания - 2-3 этажа. Протяженность вдоль продольной оси здания слева направо или справа налево.

Сахарные заводы обычно располагались вблизи железнодорожных путей и водоемов, что обеспечивало удобство транспортировки сырья и готовой продукции. Это также влияло на планировку заводских территорий, которые включали подъездные пути, склады и другие вспомогательные сооружения.

Архитектура сахарных заводов учитывала местные климатические и географические условия. Например, в Центрально-Черноземном регионе, где активно развивалось свеклосеяние, заводы строились с учетом близости к сырьевой базе. Это отражалось в планировке и масштабе производственных комплексов.

Эти общие черты подчеркивают единство функциональных и эстетических принципов, лежащих в основе архитектуры сахарных заводов второй половины XIX – начала XX веков. Они демонстрируют, как промышленные объекты становились не только центрами производства, но и важными элементами культурного наследия.

Проведенный анализ промышленного стиля сахарных заводов второй половины XIX – начала XX веков Центрально-Черноземного региона, в частности Рамонского сахарного завода, позволяет сделать вывод о значимости этих объектов как части культурного и исторического наследия.

Архитектура сахарных заводов этого периода отражает не только технологические достижения, но и эстетические предпочтения эпохи, что делает их уникальными памятниками промышленной архитектуры.

Архитектурные особенности Рамонского сахарного завода, такие как использование кирпичного стиля, эклектичное сочетание декоративных элементов и функциональная планировка, подчеркивают важность сохранения этих объектов для будущих поколений.

Сохранение и современное использование промышленных зданий является актуальной проблемой, которую обсуждают на всех уровнях. Такие объекты, как сахарные заводы, встречаются не во всех регионах России, большее количество из-за благоприятных условий сосредоточено в Центрально-Черноземном регионе. В данной работе был рассмотрен подбор архитектурных аналогов сахарных заводов второй половины XIX – нач. XX вв. расположенных в Центрально-Черноземном регионе России. В целом, исследование обращает к проблеме особенностей сохранения и использования исторических промышленных зданий. Данный анализ позволяет увидеть общие черты элементов сахарных заводов.

Промышленный комплекс Рамонского сахарного завода является уникальным образцом для Центрально-Черноземья, который объединяет в себе сдержанный эклектичный декор с романско-готическими мотивами. Анализ показал, что в строительстве соблюдалось правило -доминирование в первую очередь функции над стилем, однако в оформлении наблюдается осознанное стремление к эстетизации производственного здания, что отражает общую тенденцию той эпохи. Архитектурно-художественная ценность выделяется не за счет декоративных элементов, а через выразительность самой кирпичной кладки, ритмику оконных проемов и гармоничные пропорции объёмно-пространственной композиции.

Рамонский завод являлся не только производственным объектом, а важнейшим градообразующим узлом. Его расположение, инфраструктура и архитектурный облик в значительной степени определяли развитие и планировку окружающей территории, формируя промышленно-поселенческую среду.

Комплекс Рамонского сахарного завода представляет собой ценный объект культурного наследия регионального значения, который нуждается в комплексном подходе у сохранения и ревитализации. Исследования демонстрируют высокий потенциал его адаптации к современным функциям при условии сохранения духа места.

Список литературы:

[1] Афанасьев А.А. Промышленность России: текущее состояние и условия формирования // Вопросы инновационной экономики. 2023. № 1. – С. 105-126.

- [2] Гранстрем М. А. Реновация памятников индустриального зодчества (итальянский опыт и российские реалии) / М. А. Гранстрем // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VI Всероссийской науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во УПИ, 2004. – Т. 2.; Гранстрем, М. А. Современные проблемы исторически сложившегося промышленного района Петербурга (к вопросу реновации юго-западной части Васильевского острова) / М. А. Гранстрем, Н. В. Воронина // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VII Всероссийской науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во УПИ, 2005.
- [3] Енин А.Е., Сергеев И.М., Чесноков Г.А. Историко-культурный потенциал ЦЧР и проблемы его сохранения. – Воронеж. Издательско-полиграфическая фирма 'Воронеж', 1991г. - 215 с.
- [4] Запарий В.В. Индустриальное наследие России и Урала: выявление, исследование, использование // Экономическая история. 2010. №3. С.4-10.
- [5] Кригер Л.В. История градостроительства центрального черноземья : XVIII-нач. XX в. - Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2011. – 395 с.
- [6] Кригер Л.В. Усадьбы Воронежской области. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2011. – 366 с.
- [7] Лабутин В.С. Преобразование завода «Арма» // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. Том 2. – М.: МАрХИ, 2018. – С. 566-569.
- [8] Лотарева Р.М. Города-заводы России. XVIII — первая половина XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та; Урал, архит.-худож. ин-т, 1993. – 216 с.
- [9] Материалы историко-культурных исследований и определения, исторически сложившихся территории дворцового комплекса Ольденбургских «Рамонь». – Бюро историко-градостроительных исследований и правового регулирования застройки (ООО «Параметр»). – Воронеж, 2012.
- [10] Миргородова Ю.М. Становление и развитие советской сахарной промышленности : (на материалах Курского края: 1928 г. - июнь 1941 г.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : специальность 07.00.02 / Миргородова Юлия Михайловна ; [Юго-Зап. гос. ун-т]. - Курск, 2011. - 27 с.
- [11] Новиков В. А. Архитектурно-эстетические проблемы реконструкции промышленных предприятий / В. А. Новиков, А. В. Иванов. – Москва : Стройиздат, 1986. – 168 с.
- [12] Перькова М.В. Градостроительное развитие региональной системы расселения и ее элементов: на примере Белгородской области : дис. ...доктора архитектуры : 05.23.22 / Перькова Маргарита Викторовна. – Санкт-Петербург, 2019. – 912 с.
- [13] Подольский Р.П. Материалы к истории архитектуры старых промышленных зданий в России XVII—XVIII веков //Проблемы архитектуры / ред. А.Я. Александрова. – Москва, 1936. – С.171-214.
- [14] Попов П.А. Здравствуй, старый дом! Самые замечательные здания Воронежа. – Книга 1. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – с. 55.
- [15] Попов П.А. Неизвестная Рамонь / П.А. Попов. – Воронеж: Кварта, 2015. – С. 25-26.
- [16] Попов П.А. Неизвестная Рамонь. – Воронеж : Кварта, 2015. – 62 с.;
- [17] Рейсер А.С. Постройка сахарного завода. – Киев : Типография Р.К. Лубковского, 1913. – С. 14.
- [18] Снитко А.В. Исторические промышленные города Центра России: Особенности адаптации и сохранения исторической промышленно-селитебной застройки. – Иваново: ООО «Научная мысль», 2014 – 160 с.
- [19] Спичак В.В. Развитие сахарной промышленности в России / В.В. Спичак, В.Б. Остроумов. – Курск: РНИИСП, 2010. - 216 с.
- [20] Сысоева О. И. Реконструкция промышленных объектов : [учебное пособие для специальности 1-69 01 01 «Архитектура»]. – Минск: БНТУ, 2005. – 135с.; Сысоева О. И. Перспективы адаптации архитектурного пространства промышленных зданий // Архитектура: сборник научных трудов. 2021. Вып. 14. С. 195 – 201.
- [21] Холодова Е.В. Пореформенные усадьбы Курской губернии. 1861-1917. – Курск : Крона, 2007. – 390 с.
- [22] Чадович А.А. Сохранение или снос? Компромисс! // Architecture and Modern Information Technologies. 2013. №1. С. 1-13.
- [23] Чайко Д.С. Включение памятников промышленной архитектуры в современную городскую среду. архитектурные аспекты // Аспирант и соискатель. 2021. №4. С53-59; Чайко Д.С. Социокультурная адаптация исторических промышленных предприятий в современной городской среде // Актуальные проблемы современной науки. 2017. №5. С. 178-184.
- [24] Черкасов Г. Н. Сохранение и реновация объектов индустриального наследия, эволюция представлений // «Наука, образ. и эксп. проектирование». 2016. т. 2. С. 253-254; Черкасова Г.Н. Памятники промышленности Ивановской области: сохранение и использование // Памятники отечества. 1983. №2. С. 42-51.
- [25] Чесноков Г.А., Кригер Л.В. Архитектура исторических городов Воронежской области. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – 317с.
- [26] Шарипов А. К. Мировой опыт организации свеклосахарного производства // Молодой ученый. 2010. № 5 (16). С. 235-239.
- [27] Штиглиц М.С., В.И. Ленина, М.А. Гордеева, В.М. Кириков. Памятники промышленной ар-

хитектуры Санкт-Петербурга. - Санкт-Петербург: «Белое и черное», 2005. – 223 с.

References:

[1] Afanasyev, A.A. "Russian Industry: Current State and Conditions of Formation." *Issues of Innovative Economics*. 2023, no. 1, pp. 105–126.

[2] Granstrem, M.A. "Renovation of Industrial Architecture Monuments (Italian Experience and Russian Realities)." / M.A. Granstrem // "The Industrial Urals. Bakunin Readings: Proceedings of the VI All-Russian Scientific Conf.." / M.A. Granstrem, N.V. Voronina. "The Industrial Urals. Bakunin Readings: Proceedings of the VII All-Russian Scientific Conf.." / M.A. Granstrem, N.V. Voronina. – Ekaterinburg: UPI Publishing House, 2005.

[3] Enin A.E., Sergeev I.M., Chesnokov G.A. Historical and cultural potential of the Central Black Earth Region and problems of its preservation. - Voronezh. Publishing and printing firm `Voronezh`, 1991. - 215 p.

[4] Zaparyi V.V. Industrial heritage of Russia and the Urals: identification, research, use // *Economic history*. 2010. No. 3. pp. 4-10.

[5] Krieger. L.V. History of urban development of the central black earth region: 18th-early 20th centuries. - Voronezh: Center for the spiritual revival of the black earth region, 2011. - 395 p.

[6] Krieger L.V. Estates of the Voronezh region. – Voronezh: Center for the Spiritual Revival of the Black Earth Region, 2011. – 366 p.

[7] Labutin, V.S. Transformation of the Arma Plant // *Science, Education, and Experimental Design at MArchI: Abstracts of Reports from the International Scientific and Practical Conference of Faculty, Young Scientists, and Students*. Vol. 2. – Moscow: MArchI, 2018. – Pp. 566-569.

[8] Lotareva, R.M. Factory Cities of Russia. 18th – First Half of the 19th Century. – Yekaterinburg: Ural Publishing House, University; Ural, Institute of Architecture and Art, 1993. – 216 p.

[9] Materials of Historical and Cultural Research and Definitions of the Historically Formed Territory of the Oldenburg Palace Complex «Ramon». – Bureau of Historical and Urban Planning Research and Legal Regulation of Development (OOO Parametr). – Voronezh, 2012.

[10] Mirgorodova Yu.M. Formation and Development of the Soviet Sugar Industry: (based on materials from the Kursk Region: 1928 – June 1941): abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences: specialty 07.00.02 / Mirgorodova Yulia Mikhailovna; [South-West State University]. – Kursk, 2011. – 27 p.

[11] Novikov, V.A. Architectural and Aesthetic Problems of Reconstruction of Industrial Enterprises / V.A. Novikov, A.V. Ivanov. – Moscow: Stroyizdat, 1986. – 168 p.

[12] Perkova M.V. Urban development of the regional settlement system and its elements: on the example of the Belgorod region: dis. ... Doctor of Architecture: 05.23.22 / Perkova Margarita

Viktorovna. - St. Petersburg, 2019. - 912 p.

[13] Podolsky R.P. Materials on the history of the architecture of old industrial buildings in Russia in the 17th-18th centuries // *Problems of architecture* / ed. A. Ya. Alexandrov. - Moscow, 1936. - Pp. 171-214.

[14] Popov P.A. Hello, old house! The most remarkable buildings of Voronezh. - Book 1. - Voronezh: Publishing House of Voronezh State University, 2014. - p. 55.

[15] Popov P.A. Unknown Ramon / P.A. Popov. - Voronezh: Kvarta, 2015. - Pp. 25-26.

[16] Popov P.A. Unknown Ramon. – Voronezh: Kvarta, 2015. – 62 p.;

[17] Reiser A.S. Construction of a sugar factory. – Kyiv: R.K. Lubkovsky Printing House, 1913. – P. 14.

[18] Snitko A.V. Historical industrial cities of Central Russia: Features of adaptation and preservation of historical industrial and residential development. – Ivanovo: OOO Nauchnaya Mysl, 2014 – 160 p.

[19] Spichak V.V. Development of the sugar industry in Russia / V.V. Spichak, V.B. Ostroumov. – Kursk: RNIISP, 2010. - 216 p.

[20] Sysoeva O. I. Reconstruction of Industrial Facilities: [study Guide for Specialty 1-69 01 01 «Architecture»]. – Minsk: BNTU, 2005. – 135 p.; Sysoeva O. I. Prospects for Adaptation of Architectural Space of Industrial Buildings // *Architecture: Collection of Scientific Papers*. 2021. Issue 14. Pp. 195–201.

[21] Kholodova E. V. Post-Reform Estates of Kursk Province. 1861–1917. – Kursk: Krona, 2007. – 390 p.

[22] Chadovich A. A. Preservation or Demolition? Compromise! // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2013. No. 1. Pp. 1–13.

[23] Chaiko D. S. Inclusion of Industrial Architectural Monuments in the Modern Urban Environment. Architectural Aspects // *Postgraduate Student and Applicant*. 2021. No. 4. pp. 53-59; Chaiko D.S. Sociocultural Adaptation of Historical Industrial Enterprises in the Modern Urban Environment // *Actual Problems of Modern Science*. 2017. No. 5. pp. 178-184.

[24] Cherkasov G.N. Preservation and Renovation of Industrial Heritage Sites, the Evolution of Ideas // "Science, Image and Exp. Design". 2016. v. 2. pp. 253-254; Cherkasova G.N. Industrial Monuments of the Ivanovo Region: Preservation and Use // *Monuments of the Fatherland*. 1983. No. 2. pp. 42-51.

[25] Chesnokov G.A., Kriger L.V. Architecture of the historical cities of the Voronezh region. – Voronezh: Center for the Spiritual Revival of the Black Earth Region, 2009. – 317 p.

[26] Sharipov, A.K. World experience in organizing the sugar beet industry production // *Young scientist*. 2010. No. 5 (16). P. 235-239.

[27] Stieglitz M.S., V.I. Lenina, M.A. Gordeeva, V.M. Kirikov. Monuments of industrial architecture of St. Petersburg. - St. Petersburg: «White and Black», 2005. - 223 p.

НАУЧНЫЙ ПОДХОД

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-1-95-98

ЩУКИН Алексей Андреевич,
магистрант,
ИДиПИ КФУ,
Казань, Россия,
e-mail: shchukin2002@yandex.ru

МУРТАЗИНА Светлана Альбертовна,
кандидат педагогических наук, доцент, основной работник
кафедры дизайна и национальных искусств,
ИДиПИ КФУ,
Казань, Россия,
e-mail: sweta_albertovna@mail.ru

UX-ДИЗАЙН КАК МЕДИАТОР ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И СОЦИОТЕХНИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. В статье исследуется потенциал цифровых интерфейсов и UX-дизайна как инструментов, способствующих формированию устойчивого экологического поведения у пользователей – в частности, связанного с управлением отходами и сокращением экологического следа. На основе анализа эмпирических исследований, посвящённых мобильным и веб-приложениям для устойчивого потребления и переработки отходов, показано, что применение поведенческих стратегий, self-tracking, визуализации результатов и геймифицированных элементов коррелирует с повышенной мотивацией, восприятием эффективности и устойчивостью использования. Делается вывод, что UX-дизайн может выступать в роли медиатора между экологическими намерениями пользователя и реальными поведенческими практиками.

Ключевые слова: UX-дизайн, цифровые экосистемы, устойчивое поведение, управление отходами, persuasive apps, поведенческий дизайн, цифровая экология.

SHCHUKIN Alexey Andreevich,
Master's Student,
Kazan Federal University, Kazan, Russia

MURTAZINA Svetlana Albertovna,
PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Principal Investigator,
Department of Design and National Arts,
Kazan Federal University, Kazan, Russia

UX DESIGN AS A MEDIATOR OF ECOLOGICAL BEHAVIOR: EMPIRICAL DATA AND SOCIO-TECHNICAL PERSPECTIVE

Annotation. This article explores the potential of digital interfaces and UX design as tools that contribute to the formation of sustainable ecological behavior among users, particularly related to waste management and reducing environmental impact. Based on an analysis of empirical studies on mobile and web applications for sustainable consumption and waste recycling, it is shown that the use of behavioral strategies, self-tracking, result visualization, and gamified elements correlates with increased motivation, perceived effectiveness, and sustained engagement. The article concludes that UX design can act as a mediator between users' ecological intentions and actual behavioral practices.

Key words: UX design, digital ecosystems, sustainable behavior, waste management, persuasive apps, behavioral design, digital ecology.

Введение. Современные вызовы устойчивого развития требуют не только институциональных решений и инфраструктурных преобразований, но и глубоких изменений в повседневных практиках граждан: от сортировки отходов до осознанного потребления ресурсов. При этом, в эпоху цифровизации, большая часть социальной и бытовой активности проходит через мобильные и веб-приложения, что делает UX-дизайн критически важным фактором, влияющим на поведение. Интерфейсы цифровых сервисов перестают быть просто оболочкой для функционала - они могут выступать средой, через которую формируются устойчивые экологические привычки. Цель данной статьи - на основе эмпирических исследований продемонстрировать, что правильно спроектированные цифровые сервисы способны усиливать экологическую мотивацию пользователей и способствовать устойчивым практикам, а также проанализировать, какие UX- и поведенческие механики оказываются наиболее эффективными.

Эмпирические данные: обзор исследований. В одном из недавних систематических обзоров мобильных приложений, ориентированных на устойчивое управление отходами, проанализировано 148 приложений, доступных в популярных странах. Исследование показывает, что подавляющее большинство таких приложений применяют persuasive-стратегии: редукцию задач, персонализацию, self-monitoring, напоминания, поддержание надёжного интерфейса (system credibility), а также, в ряде случаев, социальные механики. При этом выявлена статистически значимая корреляция между числом используемых стратегий и рейтингами пользователей - что предполагает, что более «продуманный» UX воспринимается как более полезный и коррелирует с более высокой вовлечённостью [1; 2]. Другой значимый пример - проект, описанный в статье «FoodWise: Food Waste Reduction and Behavior Change on Campus with Data Visualization and Gamification». В рамках кампусной кампании система включала веб-дашборд с визуализацией статистики пищевых отходов, мобильное приложение для логирования действий и геймифицированные элементы. За период кампании более 200 человек зафиксировали свыше 800 действий, направленных на снижение количества отходов; анализ обратной связи показал, что интерфейс способствовал повышению осознанности и изменению поведения [3]. Хотя этот пример относится к пищевым, а не бытовым отходам, его значение заключается в том, что механика self-tracking + визуализация + мотивирующая обратная связь через интерфейс действительно может стимулировать устойчивое поведение. Кроме того, в рамках исследований в области устойчивого HCI отмечается, что дизайн интерфейсов способен повлиять не только на отдельное экологическое действие, но на формирование долгосрочных привычек и экологи-

ческого сознания как части цифрового опыта [4]. Это расширяет понятие устойчивого UX, выводя его за рамки одной задачи и превращая цифровой сервис в инструмент культурной трансформации. Таким образом, уже сегодня существуют убедительные эмпирические данные, подтверждающие, что цифровые интерфейсы, спроектированные согласно принципам persuasive design, self-monitoring и визуализации, способны стать эффективными медиаторами экологических практик.

Интерпретация данных и применение в UX-дизайне экологических сервисов. Анализ приведённых исследований позволяет сформулировать несколько ключевых выводов и рекомендаций для проектирования веб- и мобильных сервисов, направленных на переработку отходов и устойчивое потребление. Комбинированный подход к UX-дизайну: сочетание редукции сложности задач, персонализации, прозрачного и надёжного интерфейса, self-monitoring, визуализации результатов и мотивационных механизмов - является более эффективным, чем использование только отдельных элементов. Как показывает систематический обзор [1], такая многокомпонентность повышает воспринимаемую полезность и устойчивость использования сервиса. Визуализация результата и «осязаемость» вклада - мощные мотиваторы: когда пользователь видит, сколько отходов переработал, сколько ресурсов сэкономил, его действия получают вес и осмысленность. Это повышает вероятность повторения и закрепления устойчивой привычки. Пример FoodWise демонстрирует, что даже для food-waste такие подходы работают, и аналогичные механики можно перенести на контекст бытовых отходов [3]. Дизайн должен учитывать удобство, психологию и мотивацию пользователя: для многих пользователей экологическая мотивация не является приоритетом, но удобный, понятный и выгодный интерфейс может стать катализатором изменений. UX-дизайн, который снижает трение, делает действия естественными и встроенными в повседневность, имеет больше шансов на успех. Цифровые сервисы способны расширять границы устойчивого поведения: не только через переработку отходов, но и через устойчивое потребление, управление ресурсами, информирование и повышение экологической осознанности. Такой комплексный подход усиливает эффект и делает сервис более значимым с точки зрения устойчивого развития.

Геймификация и мотивация экологического поведения. Использование игровых механик в цифровых сервисах устойчивого потребления становится всё более распространённым инструментом для повышения вовлечённости пользователей. Геймификация, включающая в себя систему наград, уровней, челленджей и визуальных прогресс-баров, позволяет превратить рутинные действия - сортировку отходов или отслежива-

ние переработки - в мотивирующую и понятную игру [1-3]. Эмпирические данные показывают, что пользователи, вовлечённые через игровые элементы, демонстрируют более устойчивое поведение и готовы повторно выполнять целевые действия. Например, в исследовании FoodWise были внедрены челленджи и визуальные награды за действия, направленные на снижение пищевых отходов: пользователи фиксировали количество действий и видели накопленный вклад на дашборде, что повышало их осознанность и удовлетворённость от участия [3]. Согласно Blevins (2007) и Nkwo et al. (2021), такие механики усиливают ощущение контроля и компетенции у пользователя, что напрямую коррелирует с долгосрочной устойчивостью поведения [1; 4]. Дополнительно визуальные элементы и прогресс-бары повышают прозрачность результата, снижая когнитивное сопротивление и способствуя формированию привычки. Особое внимание уделяется социальной составляющей: интеграция лидербордов, обмена достижениями и возможности совместного участия создаёт эффект социальной поддержки и усиливает мотивацию через сопоставление с другими пользователями [1]. Исследования показывают, что социальные механики в приложениях по переработке отходов повышают вовлечённость и формируют чувство коллективной ответственности за экологическое поведение [2; 6]. Таким образом, геймификация в UX-дизайне экологических цифровых сервисов выступает не просто как развлекательный элемент, а как функциональный инструмент мотивации, повышающий эффективность интерфейса и поддерживающий устойчивое поведение пользователей.

Ограничения и проблемы UX-дизайна в экологических цифровых сервисах. Хотя исследования показывают, что UX-дизайн и геймифицированные цифровые сервисы способны способствовать экологическому поведению, существует ряд эмпирически зафиксированных ограничений и потенциальных негативных эффектов, которые важно учитывать при проектировании подобных систем. Эффект от геймификации часто оказывается временным и нестабильным. В долгосрочном исследовании использования геймифицированных образовательных платформ было показано, что положительный эффект, вызванный «новизной» игрового подхода, со временем снижается - и только через некоторое время (по данным - через шесть-десять недель) может частично восстановиться, что указывает на эффект привыкания и риск постепенного снижения мотивации. Переноса это на экологические приложения, можно ожидать, что первоначальный интерес к сортировке, переработке или отслеживанию переработанного объёма со временем снизится, если механики не будут регулярно обновляться. Геймификация может иметь непредвиденные и контрпродуктивные эффекты, особенно если элементы игры используются

неграмотно. В эмпирическом исследовании на примере сервиса-планировщика задач отмечено, что части пользователей геймификация уменьшила мотивацию, вызвала раздражение, ощущение рутинности, а некоторые действия перестали восприниматься как значимые - то есть эффект мог быть прямо противоположным ожидаемому. Это показывает: геймификация не является универсальным решением; её дизайн требует тщательного подхода, иначе попытки «оживить» поведение могут обернуться отторжением. Психосоциальные риски, связанные с геймификацией, тоже зафиксированы. В недавнем исследовании социальной геймификации выявлено, что механики, предполагающие социальное взаимодействие, соревнование или публичные достижения - например, лидерборды, статус, сравнение с другими - могут вызвать у пользователей стресс, тревожность по поводу поддержания репутации, страх пропустить, что ведёт к выгоранию, усталости и отказу от использования приложения. В экологическом контексте это особенно критично: если сервис предполагает публичные рейтинги, коллективное отслеживание или социальное давление, часть пользователей может отказаться участвовать, особенно если они более чувствительны к социальной оценке. Существует проблема смещения мотивации: при чрезмерном упоре на внешние поощрения (очки, бейджи, лидерборды) есть риск, что экологическое действие станет формальным, «ради награды», а не «ради ценности». В обзорной статье по геймификации устойчивых практик отмечен феномен, когда пользователи сосредотачиваются на получении наград, а не на глубоком понимании и принятии экологических ценностей; после окончания стимулов поведение может не сохраняться - что делает изменения поверхностными и ненадёжными. Наконец, важно учитывать социально-культурные, инфраструктурные и системные факторы. Геймифицированное приложение не может компенсировать отсутствие пунктов переработки, недостаточной инфраструктуры, неудобства доступа или неспециализированности сервиса. Как отмечают критики, сама по себе цифровая мотивация - лишь дополняющий, но не заменяющий компонент устойчивости; без системной поддержки эффект будет ограничен. Таким образом, при проектировании цифровых сервисов для переработки отходов следует учитывать, что геймификация - это не универсальный «волшебный» инструмент, а мощный, но сложный механизм. Его успех зависит от баланса между мотивацией и удобством, от качества дизайна, от чувствительности к пользователям и контексту, и от наличия внешних условий (инфраструктуры, поддержки, культурных факторов).

Заключение. Эмпирические исследования подтверждают, что цифровые приложения и веб-сервисы, спроектированные с учётом принципов UX, поведенческого дизайна и геймифика-

ции, способны реально влиять на экологическое поведение пользователей. Комбинация удобства, персонализации, визуализации, self-tracking и мотивирующих элементов формирует основу для устойчивых привычек, связанных с переработкой и ответственным потреблением. Для веб-приложения учёта переработки отходов дизайн интерфейса - это не просто визуальное оформление, а ключевой инструмент трансформации поведения. При правильной реализации цифровая среда может стать катализатором экологических изменений. Эффективность UX зависит от множества факторов - мотивации, социальной среды, инфраструктуры переработки, удобства взаимодействия. Дизайн должен быть гибким, адаптивным, давать прозрачную обратную связь и учитывать разнообразие пользовательских сценариев. UX-дизайн в экологических цифровых сервисах - часть социальной и поведенческой экологии, способ формирования нового типа цифровой ответственности и устойчивого образа жизни.

Список литературы:

[1] Nkwo M., Suruliraj B., Orji R. Persuasive Apps for Sustainable Waste Management: A Comparative Systematic Evaluation of Behavior Change Strategies and State-of-the-Art [Электронный ресурс] / M. Nkwo, B. Suruliraj, R. Orji // *Frontiers in Artificial Intelligence*. – 2021. – Vol. 4. – Article 748454. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/356912726> (дата обращения: 20.11.2025).

[2] Nkwo M., Suruliraj B., Orji R. Socially-oriented persuasive strategies and sustainable behavior change: implications for designing for environmental sustainability / M. Nkwo, B. Suruliraj, R. Orji // *Proc. of Persuasive 2020, Adjunct proceedings of the 15th International Conference on Persuasive Technology*. – 2020. – P. 1-5.

[3] Yu Y., Yi S., Nan X., Lo L.Y.-H., Shigyo K., Xie L., Wicaksana J., Cheng K.-T., Qu H. FoodWise: Food Waste Reduction and Behavior Change on Campus with Data Visualization and Gamification / Y. Yu, S. Yi, X. Nan, L.Y.-H. Lo, K. Shigyo, L. Xie, J. Wicaksana, K.-T. Cheng, H. Qu // *CoRR*. – 2023. – Vol. abs/2307.12882. – P. 76-83.

[4] Blevis E. Sustainable Interaction Design:

Invention & Disposal, Renewal & Reuse / E. Blevis // *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '07)*. – 2007. – P. 503–512.

[5] Amiri B., Jafarian A., Abdi Z. Nudging towards sustainability: a comprehensive review of behavioral approaches to eco-friendly choice [Электронный ресурс] / B. Amiri, A. Jafarian, Z. Abdi // *Discover Sustainability*. – 2024. – Vol. 5. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/386219284> (дата обращения: 15.11.2025).

References:

[1] Nkwo M., Suruliraj B., Orji R. Persuasive Apps for Sustainable Waste Management: A Comparative Systematic Evaluation of Behavior Change Strategies and State-of-the-Art [Electronic resource] / M. Nkwo, B. Suruliraj, R. Orji // *Frontiers in Artificial Intelligence*. – 2021. – Vol. 4. – Article 748454. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/356912726> (access date: 11/20/2025).

[2] Nkwo M., Suruliraj B., Orji R. Socially-oriented persuasive strategies and sustainable behavior change: implications for designing for environmental sustainability / M. Nkwo, B. Suruliraj, R. Orji // *Proc. of Persuasive 2020, Adjunct proceedings of the 15th International Conference on Persuasive Technology*. – 2020. – P. 1-5.

[3] Yu Y., Yi S., Nan X., Lo L.Y.-H., Shigyo K., Xie L., Wicaksana J., Cheng K.-T., Qu H. FoodWise: Food Waste Reduction and Behavior Change on Campus with Data Visualization and Gamification / Y. Yu, S. Yi, X. Nan, L.Y.-H. Lo, K. Shigyo, L. Xie, J. Wicaksana, K.-T. Cheng, H. Qu // *CoRR*. – 2023. – Vol. abs/2307.12882. – P. 76-83.

[4] Blevis E. Sustainable Interaction Design: *Invention & Disposal, Renewal & Reuse* / E. Blevis // *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '07)*. – 2007. – P. 503–512.

[5] Amiri B., Jafarian A., Abdi Z. Nudging towards sustainability: a comprehensive review of behavioral approaches to eco-friendly choice [Electronic resource] / B. Amiri, A. Jafarian, Z. Abdi // *Discover Sustainability*. – 2024. – Vol. 5. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/386219284> (access date: 11/15/2025).

JURKOMPANI
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

МИХАЙЛОВА Наталья Борисовна,
старший преподаватель,
Кубанский государственный университет,
Филиал в г. Славянске-на-Кубани,
Славянск-на-Кубани, Россия,
e-mail: natami20404@yandex.ru

ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ПРОМТ В СКАЗКОТЕРАПИИ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА: СТРУКТУРА, ЧЕК-ЛИСТ И КЕЙСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ

Аннотация. В статье рассматривается практико-ориентированный подход к использованию генеративных моделей искусственного интеллекта в сказкотерапии педагога-психолога, работающего в условиях цифровой образовательной среды. Обосновывается необходимость структурирования взаимодействия специалиста с ИИ с точки зрения задач психолого-педагогического сопровождения и обеспечения психологической безопасности образовательной среды. Вводится рабочее понятие «терапевтический промт» как структурированного текстового задания к генеративной модели, ориентированного на создание сказочного нарратива для ребёнка с учётом его возраста, образовательной ситуации и запросов. Описывается таблица структуры терапевтического промта, включающая блоки описания ребёнка и ситуации, целевых установок, метафорического поля, ограничений содержания, формальных параметров текста и элементов последующей работы. Предлагается чек-лист для педагога-психолога, позволяющий оценить полноту и безопасность промта перед отправкой запроса ИИ и перед использованием сгенерированного текста в работе с ребёнком. На двух кейсах (школьная тревожность перед контрольными и адаптация в новом классе) демонстрируются возможные варианты включения терапевтического промта и результатов генерации в индивидуальное консультирование младших школьников. Обсуждаются риски некритичного использования ИИ и подчёркивается, что ответственность за содержание и применение сказки сохраняется за специалистом. Делается вывод о целесообразности интеграции терапевтического промта в практику школьной психологической службы и обозначаются перспективы дальнейших эмпирических исследований.

Цель исследования - описать и практико-ориентированно представить модель использования генеративных моделей ИИ в сказкотерапии педагога-психолога через терапевтический промт, структуру промта, чек-лист и кейсы применения.

Методология (методы) исследования - теоретический анализ и обобщение отечественной и зарубежной литературы по сказкотерапии, нарративному подходу, психолого-педагогической поддержке в цифровой образовательной среде и этике применения ИИ; проектирование практико-ориентированной модели терапевтического промта; кейс-анализ примеров использования генеративного ИИ в работе с младшими школьниками.

Результаты - введено и уточнено понятие «терапевтический промт», предложена структурная модель терапевтического промта для сказкотерапии, разработан чек-лист для самопроверки педагога-психолога и описаны два кейса применения генеративного ИИ при работе со школьной тревожностью и адаптацией в классе; обозначены этические ограничения и риски.

Область применения результатов - практика школьных педагогов-психологов и служб психолого-педагогического сопровождения, программы повышения квалификации педагогических работников, разработка локальных регламентов и методических рекомендаций по безопасному использованию ИИ в образовательной организации.

Ключевые слова: педагог-психолог, сказкотерапия, терапевтический промт, генеративный искусственный интеллект, цифровая образовательная среда, психолого-педагогическое сопровождение, психологическая безопасность, нарративный подход.

MIKHAILOVA Natalya Borisovna,
Senior Lecturer,
Kuban State University,
Slavyansk-na-Kuban Branch
Slavyansk-na-Kuban, Russia,

THERAPEUTIC PROMPT IN FAIRY-TALE THERAPY OF A SCHOOL PSYCHOLOGIST: STRUCTURE, CHECKLIST AND CASES OF USING GENERATIVE AI

Annotation. *The paper presents a practice-oriented approach to using generative artificial intelligence (AI) models in fairy-tale therapy conducted by a school psychologist within the digital educational environment. The need to structure the interaction between the psychologist and AI is substantiated in terms of psychological and pedagogical support tasks and psychological safety of the educational environment. The working concept of a «therapeutic prompt» is introduced as a structured text instruction to a generative model aimed at producing a fairy-tale narrative for a child, taking into account the child's age, educational situation and specific request. A table describing the structure of a therapeutic prompt is presented, including blocks for describing the child and the situation, setting goals, defining the metaphorical field, specifying content limitations, formal text parameters and elements for subsequent work. A checklist is proposed to help the school psychologist assess the completeness and safety of the prompt before sending it to AI and before using the generated text in work with the child. Two case examples (school anxiety before tests and adaptation to a new class) illustrate possible ways to integrate therapeutic prompts and AI-generated stories into individual counselling with primary school children. Potential risks of uncritical AI use are discussed, and it is emphasized that responsibility for the content and application of the story remains with the professional. The paper concludes that integrating therapeutic prompts into school psychological practice is feasible and outlines prospects for further empirical research.*

Aim of the study - to describe and present a practice-oriented model of using generative AI models in fairy-tale therapy conducted by a school psychologist through a therapeutic prompt, including its structure, a checklist and case examples.

Methodology / Methods - theoretical analysis and synthesis of Russian and international literature on fairy-tale therapy, narrative approach, psychological and pedagogical support in the digital educational environment and ethics of AI use; design of a practice-oriented model of a therapeutic prompt; case analysis of examples of applying generative AI in work with primary school children.

Results - the concept of a therapeutic prompt is introduced and clarified; a structural model of a therapeutic prompt for fairy-tale therapy is proposed; a checklist for school psychologists' self-assessment is developed; two case examples of using generative AI to address school anxiety and classroom adaptation are described; key ethical constraints and risks are outlined.

Application area - school psychological practice and psychological and pedagogical support services, in-service training programmes for teachers and school psychologists, development of local regulations and methodological guidelines for the safe use of AI in educational institutions.

Key words: *school psychologist; fairy-tale therapy; therapeutic prompt; generative artificial intelligence; digital educational environment; psychological and pedagogical support; psychological safety; narrative approach.*

Введение

Цифровизация образования приводит к существенным изменениям в организации учебного процесса и системы психолого-педагогического сопровождения обучающихся. Педагоги-психологи сталкиваются с ростом количества задач, связанных с мониторингом благополучия детей, профилактикой дезадаптации, обеспечением психологической безопасности образовательной среды [1; 2]. Одновременно усиливается нагрузка, связанная с подготовкой индивидуализированных материалов для занятий, консультаций и взаимодействия с родителями.

Разработки в области психологической безопасности образовательной среды подчёркивают, что чувство защищённости, принятия и уважения является важным условием психического благополучия участников образовательного процесса [1; 2]. В цифровой образовательной среде к традиционным рискам добавляются новые угрозы, связанные с медиасредой и цифровыми технологиями, что требует обновления форм и средств

психолого-педагогической поддержки [5; 6; 7; 9].

В то же время активно развиваются цифровые технологии, в том числе системы искусственного интеллекта (ИИ), которые начинают использоваться в образовании для персонализации обучения, автоматизации рутинных задач и создания учебных материалов [5; 7; 8; 13]. Отечественные и зарубежные авторы подчёркивают как потенциал ИИ, так и риски, связанные с его некритичным внедрением в образовательную и психологическую практику [8; 10; 11].

Сказкотерапия как направление практической психологии рассматривает сказочный текст как средство мягкого обсуждения переживаний ребёнка, поиска ресурсов, осмысления трудных жизненных ситуаций [3; 4]. В школьной практике сказочные истории используются педагогами-психологами для работы со школьной тревожностью, адаптацией, межличностными конфликтами, развитием самооценки и навыков общения. Метафорический характер сказки позволяет ребёнку безопасно говорить о сложных

чувствах и пробовать новые способы поведения.

Возникает вопрос: возможно ли использовать генеративный ИИ как вспомогательный инструмент подготовки сказочного текста, при этом не подменяя профессиональную позицию специалиста и сохраняя психическую безопасность обучающихся? В качестве ответа предлагается концепция «терапевтического промта» - структурированного текстового задания к генеративной модели, сформулированного педагогом-психологом и ориентированного на конкретные психолого-педагогические задачи. Эта идея опирается на подходы нарративной терапии и нарративной практики, в которых особое внимание уделяется тому, каким образом формулируется запрос, строится история и выделяются ресурсы героя [14; 15].

Цель статьи - описать практико-ориентированную модель работы педагога-психолога с генеративным ИИ через терапевтический промт: представить структуру промта в виде таблицы, чек-лист для самопроверки и кейсы применения подхода в работе с младшими школьниками.

Задачи статьи:

1. Кратко охарактеризовать место генеративного ИИ в деятельности педагога-психолога в цифровой образовательной среде.
2. Представить таблицу структуры терапевтического промта для сказкотерапии.
3. Описать чек-лист для проверки качества и безопасности терапевтического промта.
4. Привести практические кейсы использования терапевтического промта при работе с младшими школьниками.

1. Генеративный ИИ в практике педагога-психолога

Цифровая образовательная среда рассматривается как совокупность технических, информационных и организационно-педагогических условий, обеспечивающих учебную деятельность и сопровождение обучающихся [5; 6; 9; 13]. В таких условиях педагог-психолог решает задачи мониторинга психологического благополучия, профилактики рисков (в том числе связанных с цифровым пространством), поддержки мотивации и успешной адаптации школьников [1; 2; 6].

Исследования, посвящённые психолого-педагогической поддержке ученика в условиях цифровизации, подчёркивают необходимость разработки новых средств и форм работы, позволяющих учитывать особенности цифровой среды и опыт ребёнка в ней [6; 7]. Авторы отмечают, что цифровые технологии могут выступать как ресурс сопровождения (диагностика, коммуникация, доступ к материалам), так и источник дополнительных нагрузок и угроз психологической безопасности [5; 7; 9].

В сфере образования ИИ рассматривается как инструмент анализа данных, адаптации учебных программ, автоматизации обратной связи и

генерации учебных текстов [8; 13]. Специалисты по ИИ в образовании указывают, что интеграция таких систем должна сопровождаться чёткими методическими рамками и сохранением ведущей роли педагога в постановке задач и оценке результатов [8; 13].

Генеративные языковые модели (Large Language Models) способны по текстовому заданию создавать связные тексты на естественном языке. В области психического здоровья обсуждаются возможности их использования для подготовки психообразовательных материалов и поддерживающих текстов, а также риски некорректных, предвзятых или небезопасных рекомендаций [11]. Отмечается, что подобные модели не могут рассматриваться как самостоятельные консультанты, но могут быть полезны как вспомогательные инструменты для специалистов [10; 11].

Для педагога-психолога в школе генеративный ИИ может быть полезен в основном на **подготовительном этапе**: при создании черновиков сказок, историй, сценариев занятий, писем родителям. При этом принципиально важно:

- ИИ **не взаимодействует напрямую** с ребёнком в роли консультанта или «виртуального психолога»;
- окончательный текст, используемый в работе с ребёнком, должен в обязательном порядке **проходить экспертизу педагога-психолога**, при необходимости редактироваться и адаптироваться к конкретной ситуации.

Ключевой задачей специалиста становится не просто «запросить сказку», а **структурировать запрос** таким образом, чтобы он отражал возрастные и психологические особенности ребёнка, цели сопровождения и ограничения, связанные с психической безопасностью. В этой логике терапевтический промт выступает инструментом осознанной работы педагога-психолога с генеративной моделью, опирающимся на принципы современной сказкотерапии [3; 4], нарративной практики [14; 15] и базовые подходы к проектированию запросов в системах ИИ [12].

2. Структура терапевтического промта для сказкотерапии

В данной работе под **«терапевтическим промтом»** понимается структурированное текстовое задание педагога-психолога генеративной модели ИИ, направленное на создание сказочного нарратива, который будет использован в консультативной или развивающей работе с ребёнком.

В отличие от спонтанных запросов («Придумай сказку про мальчика, который боится школы»), терапевтический промт включает обязательные блоки, позволяющие задать контекст, цели и ограничения будущего текста. Практика работы с системами ИИ показывает, что чёткое и структурированное задание способствует по-

лучению более предсказуемого и релевантного результата [12]. В сказкотерапии это особенно важно, поскольку речь идёт о психологически значимом содержании, влияющем на переживания ребёнка [3; 4].

Для удобства практического использования предлагается таблица структуры терапевтического промта (табл. 1), которую педагог-психолог заполняет перед обращением к ИИ.

Таблица 1. Структура терапевтического промта педагога-психолога

Блок промта	Содержание блока	Пример формулировки
1. Описание ребёнка и ситуации	Возраст, класс, краткое описание трудности и её связи со школой (без ФИО и названия школы)	«Ребёнок 8 лет, обучающийся 2 класса. Сильно переживает перед контрольными работами и ответами у доски, боится получить плохую отметку и расстроить родителей».
2. Цели сказки	1-2 чётко сформулированные психолого-педагогические цели	«Цель сказки - помочь ребёнку снизить тревогу перед контрольными, показать, что ошибаться в учёбе нормально, и поддерживать уверенность в своих знаниях».
3. Метафорическое поле и персонажи	Тип героя (ребёнок, животное, сказочное существо), место действия, ключевые образы	«Главный герой - маленький дракончик, который учится в Школе Полётов. Место действия - сказочная школа, где все учатся летать и иногда сдают полётные экзамены».
4. Ограничения содержания	Указание того, чего в тексте быть не должно (насилие, унижение, диагнозы и т.п.)	«Не используй сцены насилия, унижения, смерти. Не применяй медицинские и психиатрические термины. Избегай резких пугающих образов и жёстких оценочных высказываний».
5. Формальные параметры текста	Примерный объём, сложность языка, структура	«Напиши сказку, которую можно прочитать вслух за 10-15 минут. Используй простой язык, понятный ребёнку 8-9 лет. В сказке должны быть завязка, развитие события и позитивное завершение, в котором герой справляется с трудностью».
6. Элементы для последующей работы	Вопросы для обсуждения, творческое задание, варианты продолжения	«В конце добавь 3-4 вопроса для обсуждения с ребёнком и простое творческое задание - нарисовать героя до и после экзамена или придумать продолжение истории».

Заполнение таблицы имеет несколько эффектов:

- помогает педагогу-психологу уточнить и конкретизировать запрос ребёнка или семьи в терминах задач сопровождения;
- задаёт рамки метафорического поля, соответствующие возрасту и опыту ребёнка, опираясь на принципы сказкотерапии [3; 4];
- фиксирует ограничения, связанные с психологической безопасностью (исключение травмирующего содержания) [1; 2];
- стимулирует специалиста заранее продумать, какие вопросы и задания сопровождать сказку, обеспечивая её включение в более широкий нарративный и развивающий контекст [14; 15].

Важно подчеркнуть, что терапевтический промт предназначен **не для передачи в чистом виде ребёнку**, а для взаимодействия специалиста с ИИ. Результатом этого взаимодействия становится текст, который затем проходит профессиональную экспертизу и при необходимости

редактируется.

3. Чек-лист терапевтического промта для педагога-психолога

Даже при наличии структуры промта у педагога-психолога остаётся риск недостаточной конкретизации целей, использования двусмысленных формулировок или упущения важных ограничений. Для снижения этих рисков предлагается чек-лист, который специалист может использовать для самопроверки перед отправкой запроса ИИ и перед использованием сгенерированной сказки.

Чек-лист терапевтического промта

Перед отправкой запроса ИИ ответьте на следующие вопросы:

1. Указаны возраст ребёнка и его уровень обучения (класс), при этом промт **не содержит ФИО**, адресов и конкретных названий школы и учителей.
2. Сформулированы не более двух чётких целей сказки (что именно должно измениться или

быть поддержано).

3. Описана конкретная образовательная ситуация (контрольные работы, переход в новый класс, конфликт в группе), а не только общие характеристики («неуверенность», «низкая самооценка»).

4. Задано метафорическое поле: кто герой, где происходит действие, какие образы используются, и всё это соответствует возрасту ребёнка.

5. Чётко обозначены ограничения по содержанию: запрет на насилие, унижение, пугающие сцены, медицинские диагнозы и другие потенциально травмирующие элементы.

6. Указан желаемый объём текста и примерный уровень сложности языка.

7. Описан желаемый тон сказки: поддерживающий, принимающий, без морализаторства и угроз.

8. Запрошены элементы для последующей работы (вопросы ребёнку, творческое задание, возможное продолжение).

9. Вы планируете **полностью прочитать и при необходимости отредактировать** сгенерированный текст перед работой с ребёнком.

10. Сказка используется в рамках компетенций педагога-психолога (лёгкие и умеренные эмоциональные трудности); при тяжёлых состояниях вы готовы направить ребёнка и семью к профильным специалистам.

11. Вы готовы при необходимости объяснить родителям, что ИИ используется только как инструмент подготовки текста, а не как замена профессионального консультирования.

Пункты 1, 2, 5, 9 и 10 можно считать ключевыми с точки зрения психологической безопасности образовательной среды [1; 2]. Если по ним получен ответ «нет», терапевтический промт нуждается в доработке. Чек-лист может быть включён в локальные методические материалы школьной психологической службы и использоваться как часть системы обеспечения психологической безопасности при внедрении цифровых инструментов [7; 9; 13].

4. Кейсы применения терапевтического промта в работе с младшими школьниками

Ниже представлены два обобщённых кейса, иллюстрирующих использование терапевтического промта и генеративного ИИ в работе педагога-психолога. Примеры не содержат персональных данных и описывают типичные ситуации, с которыми сталкиваются школьные специалисты [6].

4.1. Кейс 1. Школьная тревожность перед контрольными

Исходная ситуация

Мальчик 9 лет, ученик 3 класса. Родители и учитель отмечают, что перед контрольными работами ребёнок становится напряжённым, плохо

спит, часто говорит о страхе «подвести» взрослых. Сам ребёнок описывает тревогу как «страх сделать что-то не так и получить двойку».

Фрагмент терапевтического промта

«Ребёнок 9 лет, ученик 3 класса. Сильная тревога перед контрольными работами и проверочными заданиями. Беспокоится, что подведёт родителей и учителя, если допустит ошибку.

Цель сказки - помочь ребёнку иначе посмотреть на контрольную работу: увидеть её как обычную часть учёбы, снизить страх ошибки, поддержать уверенность в своих знаниях.

Напиши сказку о мальчике или сказочном существе (например, маленьком дракончике), который учится в Школе Полётов и боится «большого полётного экзамена». Покажи, что герой постепенно учится справляться со страхом, получает поддержку от взрослых и друзей.

Не используй сцены насилия, унижения, смерти. Не применяй медицинские и психиатрические термины. Избегай пугающих образов и жёсткого морализаторства.

Объём сказки - на 10-15 минут чтения вслух. Язык - понятный ребёнку 8-9 лет. В конце добавь вопросы для обсуждения (что чувствовал герой, кто ему помог, какие у него появились мысли) и простое задание - нарисовать героя до и после экзамена».

Использование сказки

Сгенерированный текст педагог-психолог предварительно читает и редактирует, убирая избыточные детали и уточняя формулировки. Сказка читается на индивидуальной консультации. Обсуждение строится вокруг переживаний героя, способов получения поддержки, отношения к ошибкам и оценкам. Ребёнку предлагается выполнить рисунок «Герой до и после экзамена», что помогает визуализировать возможные изменения.

По наблюдениям педагога-психолога и по отзывам родителей, в дальнейшем интенсивность тревоги перед контрольными несколько снижается; ребёнок начинает говорить не только о страхе, но и о том, «что можно попробовать сделать, чтобы стало легче». В реальной практике использование сказки сочетается с другими методами работы со школьной тревожностью (дыхательные упражнения, развитие навыков саморегуляции и т.п.) [6; 7].

1 Использование генеративного ИИ в сказкотерапии педагога-психолога возможно при соблюдении ряда принципиальных условий. Во-первых, ИИ должен рассматриваться не как субъект консультирования, а как инструмент подготовки текстовых материалов, включённых в профессионально организованную систему психолого-педагогического сопровождения [8; 10; 11; 13]. Во-вторых, необходимы методические рамки, задающие структуру взаимодействия специалиста с ИИ: терапевтический промт,

чек-листы, процедуры экспертизы и редактирования текста [3; 4; 12; 14; 15].

Предложенные в статье таблица структуры терапевтического промта и чек-лист позволяют педагогу-психологу систематизировать свою работу с генеративной моделью ИИ, заранее формулируя цели, контекст, метафорическое поле и ограничения будущей сказки. Представленные кейсы показывают, что терапевтический промт может быть встроен в работу с распространёнными задачами школьной психологической службы - снижением учебной тревожности и поддержкой адаптации в новом классе.

Вместе с тем необходима осторожность в отношении возможных рисков: получения неприемлемого содержания, смещения акцента с живого общения на «технологические решения», ослабления внимания к психологической безопасности образовательной среды [1; 2; 9; 10; 13]. Ответственность за выбор методов и содержание работы с ребёнком остаётся за педагогом-психологом.

Перспективы дальнейших исследований связаны с накоплением эмпирических данных об эффективности использования терапевтического промта и ИИ-поддерживаемой сказкотерапии в разных возрастных группах, сравнением таких подходов с традиционными методами, а также разработкой программ повышения квалификации педагогов-психологов по работе с цифровыми инструментами и системами искусственного интеллекта в целях психолого-педагогического сопровождения.

Список литературы:

[1] Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании: монография. - СПб. : Союз, 2002. - 271 с.

[2] Баева И. А. Психологическая безопасность образовательной среды: как её создать и измерить // Экопсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития: материалы научно-практической конференции. - М.-Курск, 2020. - С. 280–284.

[3] Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии. - СПб. : Речь, 2000. - 288 с.

[4] Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Основы сказкотерапии. - СПб. : Речь, 2010. - 146 с.

[5] Иванушкина Н. В., Щипова О. В. Цифровые образовательные технологии в психолого-педагогической деятельности: учебное пособие. - Самара : Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, 2023. - 72 с.

[6] Матросова Ю. С., Писарева С. А., Тряпицына А. П., Тряпицын А. В. Психолого-педагогическая поддержка ученика в условиях цифровизации образовательной среды: анализ современного состояния // Человек и образование. - 2022. - № 2 (71). - С. 17–29.

[7] Самохина А. А., Еловская Л. В., Бысь А. О.,

Тычинина Е. В. Роль цифровых технологий в психолого-педагогическом сопровождении образовательного процесса // Педагогический журнал. - 2024. - Т. 14, № 5А. - С. 406–414.

[8] Седых И. Ю. Искусственный интеллект в образовании // Инновации в образовании. - 2023. - № 10. - С. 95–103.

[9] Шмелева Е. А. Психологические исследования в цифровой образовательной среде: проблемы и перспективы // Образовательные технологии и общество. - 2022. - Т. 25, № 2. - С. 45–56.

[10] Jasmine Chiat Ling Ong, et al. Ethical and regulatory challenges of large language models in medicine // The Lancet Digital Health. - 2024. - Vol. 6, No. 6. - P. e428–e432.

[11] Pandey H. M. Harnessing Large Language Models for Mental Health: Opportunities and Challenges // arXiv preprint arXiv:2501.10370. - 2024. - URL: <https://arxiv.org/pdf/2501.10370> (дата обращения: 24.11.2025).

[12] Saravia E. Prompt Engineering Guide. - 2022. // GitHub. URL: <https://github.com/dair-ai/Prompt-Engineering-Guide> (дата обращения: 24.11.2025).

[13] UNESCO Institute for Information Technologies in Education (IITE). Artificial intelligence in education: Change at the speed of learning. - Moscow, 2020. - 64 p.

[14] White M., Epston D. Narrative Means to Therapeutic Ends. - New York : W. W. Norton, 1990. - 230 p.

[15] White M. Maps of Narrative Practice. - New York : W. W. Norton, 2007. - 320 p.

References:

[1] Baeva I. A. Psychological Safety in Education: Monograph. - St. Petersburg: Soyuz, 2002. - 271 p.

[2] Baeva I. A. Psychological Safety of the Educational Environment: How to Create and Measure It // Ecopsychological Research-6: Ecology of Childhood and Psychology of Sustainable Development: Proceedings of the Scientific and Practical Conference. - Moscow: Kursk, 2020. - pp. 280–284.

[3] Zinkevich-Evstigneeva T. D. Fairytale Therapy Workshop. - St. Petersburg: Rech, 2000. - 288 p.

[4] Zinkevich-Evstigneeva T. D. Basics of Fairytale Therapy. - St. Petersburg: Rech, 2010. - 146 p.

[5] Ivanushkina N. V., Shchipova O. V. Digital educational technologies in psychological and pedagogical activity: a tutorial. - Samara: Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, 2023. - 72 p.

[6] Matrosova Yu. S., Pisareva S. A., Tryapitsyna A. P., Tryapitsyn A. V. Psychological and pedagogical support of students in the context of digitalization of the educational environment: an analysis of the current state // Man and Education. - 2022. - No. 2 (71). - P. 17–29.

[7] Samokhina A. A., Elovskaya L. V., Bys A. O., Tychinina E. V. The role of digital technologies in psychological and pedagogical support of the

educational process // Pedagogical journal. - 2024. - Vol. 14, No. 5A. - P. 406–414.

[8] Sedykh I. Yu. Artificial Intelligence in Education // Innovations in Education. - 2023. - No. 10. - P. 95–103.

[9] Shmeleva E. A. Psychological Research in the Digital Educational Environment: Problems and Prospects // Educational Technologies and Society. - 2022. - Vol. 25, No. 2. - P. 45–56.

[10] Jasmine Chiat Ling Ong, et al. Ethical and Regulatory Challenges of Large Language Models in Medicine // The Lancet Digital Health. - 2024. - Vol. 6, No. 6. - P. e428–e432.

[11] Pandey H. M. Harnessing Large Language Models for Mental Health: Opportunities and

Challenges // arXiv preprint arXiv:2501.10370. - 2024. - URL: <https://arxiv.org/pdf/2501.10370> (access date: November 24, 2025).

[12] Saravia E. Prompt Engineering Guide. - 2022. // GitHub. URL: <https://github.com/dair-ai/Prompt-Engineering-Guide> (access date: 11/24/2025).

[13] UNESCO Institute for Information Technologies in Education (IITE). Artificial intelligence in education: Change at the speed of learning. - Moscow, 2020. - 64 p.

[14] White M., Epston D. Narrative Means to Therapeutic Ends. - New York: W. W. Norton, 1990. - 230 p.

[15] White M. Maps of Narrative Practice. - New York: W. W. Norton, 2007. - 320 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

МУСТАФИНА Диана Дамировна,

магистр,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Уфа, Россия,
e-mail: diano4kadin1978@mail.ru

БЕЛАН Лариса Николаевна,

доктор геолого-минералогических наук, профессор,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Уфа, Россия,
e-mail: diano4kadin1978@mail.ru

РЕКУЛЬТИВАЦИИ МЕТОДОМ САМОВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕФТЕЗАГРЯЗНЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В данной статье рассматриваются современные методы восстановления нефтезагрязненных почв в регионах с суровым климатом, таких как российская Арктика и Сибирь. Эти регионы характеризуются экстремальными условиями температуры, низкой активностью микроорганизмов и сложной почвенной структурой, что создает уникальные вызовы для экологической реставрации. Особое внимание уделяется актуальности разработки экологически устойчивых стратегий, направленных на минимизацию воздействия на окружающую среду и повышение эффективности восстановительных процессов.

В числе приоритетных подходов выделено использование методов самовосстановления с участием природных микроорганизмов и растений — биоремедиации, которые позволяют снизить затраты и снизить риск дополнительных экологических последствий. Анализируются физиологические ограничения этих процессов, обусловленные низкими температурами, низкой доступностью воды и питательных веществ, а также экологические факторы, такие как высокий уровень загрязнения и низкая биологическая многообразность почв. Особое внимание уделяется роли фиторемедиационных технологий — методов использования растений для биоочистки и стабилизации загрязненных территорий. Рассматриваются возможности применения различных видов растений, адаптированных к климату, а также способов их стимуляции для повышения эффективности биодеградации нефтепродуктов. В статье также обсуждаются биологические индикаторы, которые позволяют мониторить прогресс восстановления, отслеживая изменения в микробиологических сообществах, химическом составе почвы и состоянии растительности.

В рамках исследования представлены рекомендации по оптимизации методов стимуляции биодеградации нефтепродуктов с учетом региональных климатических условий и специфики почв. Это включает выбор подходящих микроорганизмов, методов их активации и введения, а также разработку технологий, повышающих выживаемость и активность микроорганизмов в условиях низких температур и ограниченных ресурсов.

Ключевые слова: рекультивация, самовосстановление, почва, нефть, аэрофотосъемка, биоремедиация, нарушенные земли, климат.

MUSTAFINA Diana Damirovna,

Master's Degree,
Ufa State Petroleum Technological University,
Ufa, Russia

BELAN Larisa Nikolaevna,

Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor,
Ufa State Petroleum Technological University,
Ufa, Russia

SELF-RESTORATION OF OIL-CONTAMINATED LANDS: MODERN APPROACHES AND PROSPECTS

Annotation. *This article examines modern methods for restoring oil-contaminated soils in harsh climates such as the Russian Arctic and Siberia. These regions are characterized by extreme temperatures, low microbial activity, and complex soil structures, creating unique challenges for ecological restoration. Particular attention is given to the importance of developing environmentally sustainable strategies aimed at minimizing environmental impacts and increasing the effectiveness of restoration processes.*

Priority approaches include the use of self-healing methods involving natural microorganisms and plants—bioremediation—which reduce costs and mitigate the risk of additional environmental impacts. The physiological limitations of these processes, caused by low temperatures, low water and nutrient availability, as well as environmental factors such as high pollution levels and low soil biodiversity, are analyzed. Particular attention is given to the role of phytoremediation technologies—methods using plants for the bioremediation and stabilization of contaminated areas. The article examines the potential use of various climate-adapted plant species and methods for stimulating them to enhance the biodegradation efficiency of petroleum products. The article also discusses biological indicators that allow for monitoring restoration progress by tracking changes in microbial communities, soil chemistry, and vegetation conditions.

The study provides recommendations for optimizing methods for stimulating petroleum product biodegradation, taking into account regional climatic conditions and soil characteristics. This includes the selection of suitable microorganisms, methods for their activation and introduction, and the development of technologies that enhance microbial survival and activity in low-temperature conditions and resource-limited environments.

Key words: *reclamation, self-healing, soil, oil, aerial photography, bioremediation, disturbed lands, climate.*

В нефтегазодобывающих регионах, особенно в Сибири и Арктике, загрязнение почв нефтью представляет собой серьёзную проблему, требующую комплексного подхода к восстановлению экологического баланса. Нефтяное загрязнение ухудшает плодородие, уменьшает биоразнообразие и ослабляет устойчивость экосистем, что влечёт за собой долговременные последствия для окружающей среды [1]. Методы восстановления загрязнённых территорий должны быть экологичными, экономически целесообразными и оказывать минимальное воздействие на природу, особенно в удалённых районах с ограниченными техническими возможностями [2].

Один из многообещающих путей – естественная ремедиация (самовосстановление), основанная на использовании природных агентов, таких как микроорганизмы и растения, для расщепления углеводородных загрязнителей. Этот подход способствует восстановлению почвенных функций и экологических систем посредством естественных биологических процессов, что снижает финансовые затраты и уменьшает потребность в тяжёлой технике [3]. Метод важен в удалённых нефтедобывающих районах, где инфраструктура для активных мер развита слабо. Однако, в холодном климате скорость самовосстановления падает, поскольку низкие температуры замедляют работу биологических сообществ, разлагающих нефть. К тому же, расщепление нефти может сопровождаться образованием опасных веществ, способных ухудшить качество почв и затруднить их полное восстановление.

Температура сильно влияет на скорость и качество биологического расщепления углеводородов в загрязнённых зонах. Низкие температуры, характерные для северных регионов России, замедляют метаболизм микроорганизмов, что снижает темп распада нефтяных продуктов

и замедляет восстановление почвы. Оптимальная температура для активности бактерий – от 20 до 30 °С. Важную роль играет влажность почвы, поддерживающая метаболизм и деятельность микроорганизмов [4]. Для ускорения естественной ремедиации в холодных условиях применяются разные стратегии. Одна из них – внесение микроорганизмов, адаптированных к низким температурам и способных активно разлагать нефть. Этот подход, известный как биоаугментация, помогает преодолеть естественные ограничения скорости расщепления, связанные с климатом. Другое решение – биостимуляция, при которой в почву добавляются питательные вещества, такие как азот и фосфор, для стимулирования активности местных микроорганизмов и ускорения метаболизма углеводородов [5].

Эффективность естественной ремедиации можно поднять за счёт инженерных решений, таких как создание почвенных укрытий или систем обогрева, для поддержания оптимальной температуры и влажности почвы. Эти методы создают благоприятные условия для микроорганизмов, поддерживая их активность даже в суровых условиях. Важен мониторинг процессов разложения для оценки применяемых методов и внесения изменений в стратегию ремедиации.

Нужно учитывать риски, связанные с естественной ремедиацией. Важно оценивать возможность образования токсичных побочных продуктов распада нефти и их воздействие на окружающую среду [6]. Неконтролируемое или неполное расщепление углеводородов может привести к накоплению токсичных веществ в почве и грунтовых водах, создавая новые экологические проблемы.

Важным моментом применения естественной ремедиации остаётся предварительное исследование загрязнённого участка. Необходимо

определить тип и концентрацию загрязнителей, а также физико-химические свойства почвы. Это позволяет выбрать подходящие методы ремедиации и оценить возможную эффективность процесса [7]. Важно учитывать гидрогеологические условия участка, поскольку миграция загрязнённых веществ в грунтовые воды может представлять угрозу. При определении стратегии естественной ремедиации стоит учитывать экономические аспекты. Биоаугментация может потребовать затрат на культивирование микроорганизмов и их внесение в почву. Биостимуляция может быть более экономичным вариантом, но требует подбора питательных веществ и контроля их концентрации в почве. Инженерные решения, такие как почвенные укрытия и системы обогрева, тоже могут потребовать инвестиций.

Помимо традиционных методов, активно изучаются новые подходы к естественной ремедиации. Один из них – применение нанотехнологий, в частности, использование наночастиц для повышения активности микроорганизмов и ускорения расщепления углеводов. Другое направление – разработка генетически модифицированных микроорганизмов, устойчивых к экстремальным условиям и способных расщеплять широкий спектр загрязнителей.

В заключение, естественная ремедиация является перспективным подходом к восстановлению загрязнённых нефтью почв в районах интенсивной добычи, особенно в удалённых регионах. Применение этого метода требует комплексного подхода, учитывающего климатические условия, характеристики загрязнения и потенциальные экологические риски. Успешное сочетание биоаугментации, биостимуляции и инженерных решений, вместе с мониторингом, может обеспечить восстановление загрязнённых территорий, помогая сохранить природные экосистемы в регионах нефтедобычи.

Список литературы:

[1] Аветов Н. А. Загрязнение нефтью почв таежной зоны Западной Сибири / Н. А. Аветов, Е. А. Шишконокова // Бюллетень Почвенного института им. В.В. Докучаева. – 2011. – № 68. – С. 45-55.

[2] Васильева Ж. В. Рекультивация нефтезагрязнённых почв с использованием органических отходов в условиях Кольского Севера / Ж. В. Васильева, Т. Д. Горбовская, А. В. Павлов // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. – 2019. – Т. 22, № 1. – С. 72-82.

[3] Денежкина А. А. Теоретико-методическое обоснование выбора способа биоремедиации нефтезагрязнённых почв / А. А. Денежкина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. – 2022. – № 6-2. – С. 9-13.

[4] Киреева Н. А. Влияние биопрепарата Азо-

лен на комплекс микромицетов нефтезагрязнённой серой лесной почвы / Н. А. Киреева, Г. Ф. Рафикова, А. С. Григориади [и др. // Микология и фитопатология. – 2009. – Т. 43, № 2. – С. 142.

[5] Лебедева М. А. Перспективы использования консорциумов микроорганизмов и высших растений в восстановлении нефтезагрязнённых земель / М. А. Лебедева, И. Л. Бухарина, А. А. Исупова, В. И. Лямзин // Лесной вестник. Forestry Bulletin. – 2022. – Т. 26, № 6. – С. 14-23.

[6] Леднев А. В. Влияние нефтяного загрязнения на микробное сообщество торфяных почв среднего Предуралья / А. В. Леднев, И. А. Скворцова // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. – 2017. – № 1(56). – С. 47-53.

[7] Марютина Т. А. Особенности выбора метода определения нефтепродуктов в почвах в зависимости от экологических задач / Т. А. Марютина, Ю. Н. Романова, Н. С. Мусина // Аналитика. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 292-301.

References:

[1] Avetov N. A. Oil pollution of soils in the taiga zone of Western Siberia / N. A. Avetov, E. A. Shishkonakova // Bulletin of the V.V. Dokuchaev Soil Science Institute. - 2011. - No. 68. - Pp. 45-55.

[2] Vasilyeva Z. V. Reclamation of oil-contaminated soils using organic waste in the Kola North / Z. V. Vasilyeva, T. D. Gorbovskaya, A. V. Pavlov // Bulletin of Moscow State Technical University. Transactions of Murmansk State Technical University. - 2019. - Vol. 22, No. 1. - Pp. 72-82.

[3] Denezhkina A. A. Theoretical and methodological substantiation of the choice of the method of bioremediation of oil-contaminated soils / A. A. Denezhkina // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Natural and technical sciences. - 2022. - No. 6-2. - P. 9-13.

[4] Kireeva N. A. Influence of the biopreparation Azolen on the micromycete complex of oil-contaminated gray forest soil / N. A. Kireeva, G. F. Rafikova, A. S. Grigoriadi [et al. // Mycology and phytopathology. – 2009. – Vol. 43, No. 2. – P. 142.

[5] Lebedeva M. A. Prospects for the Use of Consortia of Microorganisms and Higher Plants in the Restoration of Oil-Contaminated Lands / M. A. Lebedeva, I. L. Bukharina, A. A. Isupova, V. I. Lyamzin // Forestry Bulletin. – 2022. – Vol. 26, No. 6. – P. 14-23.

[6] Lednev A. V. The Impact of Oil Pollution on the Microbial Community of Peat Soils in the Middle Cis-Urals / A. V. Lednev, I. A. Skvortsova // Agrarian Science of the Euro-North-East. – 2017. – No. 1(56). – P. 47-53.

[7] Maryutina T. A. Features of the choice of the method for determining oil products in soils depending on environmental objectives / T. A. Maryutina, Yu. N. Romanova, N. S. Musina // Analytics. - 2025. - Vol. 15, No. 4. - P. 292-301.

АНИСИМОВА Татьяна Анатольевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н.Ульянова»,
Чебоксары, Россия,
e-mail: victoria_tk@bk.ru

ТОКМАЛАЕВА Виктория Владимировна,
студентка медицинского факультета,
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова»,
Чебоксары, Россия,
e-mail: victoria_tk@bk.ru

ФЕДОТОВА Екатерина Алексеевна,
студентка медицинского факультета,
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н.Ульянова»,
Чебоксары, Россия,
e-mail: katekotenok1704@mail.ru

ИНФЕКЦИИ, ПЕРЕДАЮЩИЕСЯ ЧЕРЕЗ СЛЮНУ: ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются основные патогенные агенты и пути их передачи в стоматологии, а также механизмы контроля инфекций. Обсуждаются различные вирусы (SARS-CoV-2, гепатиты В и С, ВИЧ, грипп, RSV) и бактерии (*Mycobacterium tuberculosis*, *Staphylococcus aureus*, *Legionella pneumophila*), которые могут передаваться через аэрозоли, кровь, слюну и другие контактные поверхности. Особое внимание уделяется рискам, связанным с процедурами в стоматологической практике, и мерам предосторожности для их минимизации. Статья подчеркивает важность систематического применения мер инфекционного контроля для снижения риска передачи болезней в стоматологии. Особое внимание уделяется обучению персонала, соблюдению протоколов и формированию культуры инфекционного контроля, что является ключевым фактором для успешной борьбы с инфекциями в стоматологической практике.

Ключевые слова: гигиена рук, средства индивидуальной защиты, аэрозоли, стерилизация, дезинфекция, скрининг, иммунизация, туберкулёз, гепатит, ВИЧ, COVID-19.

ANISIMOVA Tatyana Anatolyevna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
I.N. Ulyanov Chuvashia State University,
Cheboksary, Russia

ТОКМАЛАЕВА Victoria Vladimirovna,
Medical Student, I.N. Ulyanov Chuvashia State University,
Cheboksary, Russia

FEDOTOVA Ekaterina Alekseyevna,
Medical Student, I.N. Ulyanov Chuvashia State University,
Cheboksary, Russia

SALIVA-BORNE INFECTIONS: PREVENTING THE SPREAD IN DENTAL PRACTICE

Annotation. This article examines the main pathogens and their transmission routes in dentistry, as well as infection control mechanisms. It discusses various viruses (SARS-CoV-2, hepatitis B and C, HIV, influenza, RSV) and bacteria (*Mycobacterium tuberculosis*, *Staphylococcus aureus*, *Legionella pneumophila*) that can be

transmitted through aerosols, blood, saliva, and other contact surfaces. Particular attention is given to the risks associated with dental procedures and precautions to minimize them. The article emphasizes the importance of systematically implementing infection control measures to reduce the risk of disease transmission in dentistry. Particular attention is paid to staff training, adherence to protocols, and the development of an infection control culture, which is key to successfully combating infections in dental practice.

Key words: *hand hygiene, personal protective equipment, aerosols, sterilization, disinfection, screening, immunization, tuberculosis, hepatitis, HIV, COVID-19.*

Введение

В современных условиях вопросы инфекционного контроля в стоматологии приобретают особую значимость, поскольку стоматологический приём связан с постоянным контактом со слюной, кровью и аэрозолями, содержащими потенциально опасные микроорганизмы. Инфекции, передающиеся через слюну и при выполнении аэрозоль-генерирующих процедур (AGP — aerosol generating procedures), создают существенный риск для пациентов и медицинского персонала, особенно при недостаточном соблюдении протоколов инфекционной безопасности.

Слюна служит резервуаром для ряда опасных вирусов и бактерий. Среди них — вирус SARS-CoV-2, вирусы гепатитов В и С, вирус иммунодефицита человека (ВИЧ), вирусы гриппа и респираторно-синцитиальный вирус (RSV — respiratory syncytial virus), а также бактериальные патогены: *Mycobacterium tuberculosis* (возбудитель туберкулёза), *Staphylococcus aureus*, включая метициллин-резистентные штаммы (MRSA — methicillin-resistant *Staphylococcus aureus*), и другие микроорганизмы. Риск инфицирования повышается при нарушении протоколов стерилизации инструментов, дезинфекции контаминированных поверхностей и использовании недостаточных средств индивидуальной защиты (СИЗ) [2].

Несмотря на наличие развитых международных и национальных рекомендаций (CDC — Centers for Disease Control and Prevention, ADA — American Dental Association, OSAP — Organization for Safety, Asepsis and Prevention), при их детальном сравнении выявляются расхождения касательно использования высокоэффективной эвакуации (HVE — high-volume evacuation), требований к вентиляции и респираторной защите при работе с пациентами высокого инфекционного риска. Это создаёт практические затруднения при внедрении унифицированных протоколов в различных стоматологических учреждениях.

Цель:

Обеспечение безопасности пациентов и персонала в стоматологических учреждениях путём минимизации риска передачи инфекционных агентов.

Задачи:

1. Идентификация и передача патогенов: Определение возбудителей инфекций и путей их передачи (аэрозоли, кровь, слюна).

2. Меры инфекционного контроля: Гигиена, СИЗ, снижение аэрозолей, стерилизация инстру-

ментов, дезинфекция поверхностей, вакцинация персонала.

3. Особые меры: Изоляция пациентов с туберкулёзом, использование хлоргексидина, адаптация мер в зависимости от условий.

4. Организационные процессы: Обучение персонала, мониторинг и аудит мер, обновление знаний.

5. Исследования и ограничения: Анализ эффективности методов, изучение передачи вирусов, оценка условий, разработка рекомендаций для развивающихся стран.

Методы исследования:

Исследование включает анализ и систематизацию данных о патогенных агентах, путях их передачи, механизмах контроля инфекции в стоматологии. Для этого применяются различные методы. Сначала проводится обзор литературы: изучаются научные статьи, клинические руководства и нормативные документы. Анализируются данные о передаче вирусов и бактерий в стоматологических условиях, а также современные методы контроля инфекций. Затем выполняется сравнительный анализ: сравниваются различные методы стерилизации инструментов, оценивается эффективность средств индивидуальной защиты, сравниваются методы контроля аэрозолей. Далее происходит систематизация данных: патогенные агенты классифицируются по типу и риску передачи, меры инфекционного контроля систематизируются по этапам стоматологического приёма, поверхности классифицируются по степени критичности. После этого проводится анализ рисков: оценивается вероятность передачи инфекций в стоматологических условиях, рассматриваются факторы, влияющие на эффективность мер контроля, анализируются ограничения существующих методов. На основе полученных данных разрабатываются рекомендации по улучшению мер инфекционного контроля, предлагаются организационные меры для внедрения протоколов, формулируются рекомендации для развивающихся стран.

Результаты исследования

Слюна является важным звеном передачи ряда вирусных инфекций в стоматологической практике. **SARS-CoV-2** обнаруживается в слюне у 91–92% инфицированных пациентов и может выявляться в течение 20 дней и более от начала появления симптомов. Это особенно повышает риск передачи при проведении AGP, так как такие процедуры создают обильное коли-

чество инфекционных аэрозолей. Вирус может передаваться пациенту-пациенту через аэрозоли, капли и контаминированные поверхности, а также инфицировать стоматолога и ассистента при отсутствии надлежащего контроля аэрозолей [10,11]. **Вирус гепатита В (HBV)** традиционно рассматривается как одна из наиболее значимых профессиональных угроз для стоматолога и ассистента. Риск передачи при перкутанной травме (например, случайный укол иглой) от источника с позитивной HBeAg составляет 30%, однако при наличии антител anti-HBc и anti-HBs риск минимален. Вакцинация против гепатита В обеспечивает защиту более 95% получивших полный курс. После вакцинации рекомендуется проверка уровня антител к HBs (anti-HBs); при титре менее 10 мМЕ/мл показана ревакцинация. **Вирус гепатита С (HCV)** передаётся преимущественно через контакт с кровью при нарушении целостности кожи или слизистых оболочек. Передача через слюну крайне редка и требует наличия видимой крови в слюне. Вакцины от HCV не существует; профилактика основана на строгом соблюдении правил безопасного обращения с кровью и острыми инструментами. **Вирусы гриппа и респираторно-синцитиальный вирус (RSV)** передаются преимущественно через крупные дыхательные капли при кашле и чихании, однако могут образовывать

аэрозоли при выполнении AGP. Риск для стоматолога повышается при наличии респираторных симптомов у пациента и отсутствии масочного режима [1].

Mycobacterium tuberculosis требует особого внимания в стоматологической практике из-за её передачи через ядра капель (droplet nuclei), которые остаются в воздухе на длительное время (часы–дни) и могут проникать в нижние отделы дыхательной системы. Риск инфицирования персонала существует при недостаточной изоляции пациента с активным туберкулёзом. **Staphylococcus aureus** (особенно MRSA — метициллин-резистентные штаммы) передаётся при контакте с загрязнённой кровью, слюной и при контаминации поверхностей. MRSA представляет опасность не только для персонала, но и может привести к внутрибольничным инфекциям, осложняя клинический исход у пациентов. **Legionella pneumophila** и другие грамотрицательные бактерии (*Pseudomonas aeruginosa*, *Klebsiella pneumoniae*) могут колонизировать системы водоснабжения стоматологических установок, особенно при недостаточном управлении биоплёнками. Исторический случай смерти стоматолога от инфекции *Legionella* подчеркнул критическую важность контроля качества воды в системах стоматологических установок [1].

Таблица 1. Сравнение патогенов, путей передачи и основных мер профилактики.

Патоген	Путь передачи в стоматологии	Риск для персонала	Основные меры профилактики
SARS-CoV-2	Аэрозоли (AGP), капли, контаминированные поверхности [10]	Высокий	AGP минимизация (HVE, коффердам), респираторы FFP2/N95, масс-скрининг
Гепатит В (HBV)	Кровь, чрескожные травмы, редко слюна	Высокий (30% при травме)	Вакцинация, проверка anti-HBs, безопасная техника
Гепатит С (HCV)	Кровь, чрескожные травмы	Средний	Безопасная инъекционная практика, соблюдение стерильности
ВИЧ	Кровь, редко слюна	Низкий при травме (~0.3%)	СИЗ, безопасные инструменты, пост-экспозиционная профилактика
Mycobacterium tuberculosis	Ядра капель (droplet nuclei)	Средний-Высокий	Выявление и изоляция, масса N95/FFP3, изолированный кабинет
Staphylococcus aureus (MRSA)	Контактный путь, загрязнённые поверхности	Средний	СИЗ, гигиена рук, дезинфекция поверхностей
Грипп и RSV	Крупные капли и аэрозоли (AGP)	Средний	Маски, вакцинация, отложение плановой помощи

Таблица 2. Сравнение требований различных организаций (CDC, ADA, OSAP) к инфекционному контролю.

Параметр	CDC	ADA	OSAP	Европейский стандарт
Маска для всех AGP	N95 (да)	Хирургическая + HVE (допускается)	N95 + HVE (рекомендуется)	Хирургическая при HVE
Воздухообмены в кабинете	6–12 в час	6 в час	12 в час (оптимально)	4–6 в час
Температура паровой стерилизации	121°C (15 мин)	132°C (3 мин)	121°C или 132°C	121°C или 132°C
Коффердам при AGP	Рекомендуется	Рекомендуется	Обязателен	Рекомендуется
Дезинфекция поверхностей	Перед 1-м пациентом, после контаминации	Ежедневно + при загрязнении	После каждого пациента	Дважды в день минимум
HVE снижение аэрозолей	77–90%	80–95%	До 99% (правильное положение)	85–92%

Руки являются наиболее частым путём передачи патогенов в любой клинической среде. В стоматологической практике гигиена рук должна выполняться в следующие моменты: До и после лечения каждого пациента (до надевания перчаток и после их снятия); После касания загрязнённых поверхностей или объектов (кровь, слюна, выделения); Перед контактом со стерильными инструментами; После выполнения операций по деконтаминации. Рекомендуется использование антисептических средств на основе спирта (60–80%) или дезинфектантов с видимым загрязнением — механическая обработка водой с мылом [4]

Перчатки — наиболее важный барьер против прямой передачи инфекций. Используются нестерильные экзаменационные перчатки для клинических процедур, стерильные хирургические перчатки для инвазивных вмешательств. Ре-

комендуется менять перчатки между пациентами и при их повреждении. **Маски** обеспечивают защиту от капельной передачи патогенов. Хирургическая маска фильтрует 95% крупных частиц, но недостаточно защищает от аэрозолей [10]. При работе с пациентами с подозрением на туберкулёз, COVID-19 или при выполнении AGP требуется респираторная маска (FFP2, FFP3, N95). **Защита глаз** (защитные очки или экраны с боковой защитой) обязательна при выполнении процедур, генерирующих брызги слюны или крови, поскольку слизистые оболочки глаз, носа и рта являются портами входа для инфекционных агентов. **Защитная одежда** (халаты, фартуки) должна иметь длинные рукава и высокий воротник, закрывающие торс и руки. Отсутствие защиты для нижних конечностей приемлемо при минимальном риске контаминации [4].

Таблица 3. Эффективность различных методов контроля аэрозолей.

Метод	Эффективность снижения аэрозолей	Область применения	Ограничения
HVE (правильное позиционирование)	77–90% [10,11]	Все AGP	Требует обучения оператора, шум
Коффердам	99% (на 1 м), 70% (на 2 м) [10,11]	Интраоральные процедуры	Невозможен для ротовой полости, премоляров
Хлоргексидин 0,12–0,2%	Снижение бактериальной нагрузки на 70% [10,11]	Перед инвазивными процедурами	Не защищает от вирусов на 100%
Вентиляция 12 воздухообменов/час	50–80% в течение 1–2 часов после процедуры [10,11]	Общая вентиляция кабинета	Требует инвестиций в оборудование
Предоперационные полоскания + HVE + маска	До 95% [10,11]	Комбинированный подход	Наиболее эффективно, требует соблюдения всех этапов

Любой инструмент, контактирующий с кровью, слюной или другими биоматериалами пациента, должен пройти следующие этапы: **Очистка:** Инструменты следует немедленно погружать в воду или чистящий раствор после использования для предотвращения затвердевания органических материалов. Механическая очистка (ультразвуковая дезинсекция или тепловая дезинфекция) предпочтительнее ручной, так как снижает риск травм рук персонала.

Методы стерилизации: Паровая стерилизация (автоклав): 121–132°C в течение 15–30 минут — наиболее часто используемый метод в стоматологии. Обеспечивает надёжную стерильность при условии правильного упаковывания инструментов.

Поверхности в стоматологическом кабинете, контактирующие с руками пациентов и персонала или загрязняющиеся брызгами слюны и крови, требуют регулярной дезинсекции. **Критические поверхности** (непосредственно используемые в ходе процедуры, инструментальные столики, система подачи воды) дезинфицируются дважды в день минимум (перед началом работы с пациентами и между пациентами при видимом загрязнении). **Некритические поверхности** (стены, полы, мебель) дезинфицируются один раз в день (по окончании рабочего дня) или по необходимости при видимом загрязнении.

Рекомендуемый стандарт качества воды: Вода из стоматологической установки должна содержать менее 500 КОЕ/мл (колониеобразующих единиц на миллилитр). Хотя это значительно выше требований для питьевой воды (100 КОЕ/мл), оно отражает практические ограничения контроля биоплёнок в сложных системах водоснабжения.

Все пациенты должны рассматриваться согласно принципу «стандартных мер предосторожности», однако определённые категории пациентов требуют дополнительных передача-основанных мер предосторожности. Пациенты с подозрением или подтверждённым диагнозом острого респираторного заболевания (грипп, COVID-19, простуда, RSV) должны использовать хирургические маски между процедурами. Плановая стоматологическая помощь рекомендуется отложить до исчезновения симптомов; срочная помощь (например, по поводу острой боли) должна быть оказана в условиях максимальной изоляции с использованием персоналом маски N95 и максимальной минимизации AGP. *Mycobacterium tuberculosis* требует специальных мер из-за её передачи через ядра капель. Плановая помощь должна быть отложена до медицинской оценки и подтверждения отсутствия активного заболевания. Пациенты с гепатитом В, гепатитом С или ВИЧ требуют соблюдения стандартных мер предосторожности с особым вниманием к контролю потенциальных чужеродных травм (укол иглой, порез). Специальной изоляции этих пациентов

не требуется; все они должны получать помощь в соответствии с одинаковыми протоколами инфекционного контроля.

Вакцинация является одной из наиболее эффективных и экономичных мер для предотвращения профессиональной инфекции у стоматологического персонала. **Гепатит В:** CDC рекомендует вакцинацию для всех стоматологических работников. Стандартная схема включает три дозы вакцины на 0, 1 и 6 месяцев. Вакцина обеспечивает защиту 95% и более. После завершения схемы рекомендуется проверка уровня антител к HBs (anti-HBs). При титре ≥ 10 мМЕ/мл человек защищён; при титре < 10 мМЕ/мл показана ревакцинация. **Грипп:** Ежегодная вакцинация рекомендуется для всех стоматологических работников, особенно во время сезонных эпидемий (осень–зима). Вакцинация снижает риск инфицирования на 40–60% и тяжесть заболевания.

При инвазивных стоматологических процедурах (удаление зуба, пародонтальное лечение, имплантация) возникает бактериемия — присутствие бактерий в кровяном русле вследствие нарушения слизистой оболочки. Исследования показали, что предпроцедурное полоскание рта 0,2% хлоргексидином снижает частоту бактериемии с 52,4% (в контрольной группе с водой) до 27,1%. Это снижение на 48% демонстрирует значительную клиническую пользу, особенно для пациентов с риском инфекционного эндокардита (пациенты с пороками сердца, протезами клапанов, истории ревматической лихорадки). Использование поликлональных антисептических полосканий также снижает риск распространения вирусов в аэрозолях при AGP; рекомендуется использование 0,12–0,2% хлоргексидина, 1% перекиси водорода или полиодонола перед AGP у пациентов с подозрением на респираторные инфекции [1].

Вывод

Предотвращение передачи инфекций, передающихся через слюну, в стоматологической практике возможно и достижимо при условии систематического применения научно обоснованных мер. Основные столпы инфекционного контроля включают:

1. Строгую гигиену рук на критических моментах приёма;
2. Надлежащее использование средств индивидуальной защиты, адаптированных к уровню риска процедуры;
3. Эффективный контроль аэрозолей при выполнении AGP (HVE, коффердам, предпроцедурные полоскания, вентиляция);
4. Надёжную стерилизацию инструментов с верификацией процессов;
5. Систематическую дезинсекцию контаминированных поверхностей;
6. Контроль качества воды в системах стоматологических установок;

7. Скрининг пациентов и ведение трансмиссионных мер для высокорисковых групп;

8. Иммунизацию персонала против гепатита В, гриппа и других заболеваний;

9. Организационную культуру инфекционного контроля с участием и приверженностью всех членов команды.

Анализ современных рекомендаций (CDC, ADA, OSAP и др.) показывает общую согласованность принципов, однако выявлены значительные вариации в деталях требований (использование респираторных масок при AGP, требования к вентиляции, методы стерилизации). Это требует от практикующего врача критического подхода к внедрению рекомендаций и адаптации их к конкретным условиям работы учреждения.

Успех в реализации мер инфекционного контроля требует не только наличия правильного оборудования и материалов, но и создания культуры инфекционного контроля, в которой каждый член команды понимает критическую важность этих мер и обязуется их соблюдать. Регулярное обучение, мониторинг соответствия протоколам, система обратной связи и инвестиции в необходимое оборудование являются неоспоримо необходимыми элементами современной стоматологической практики.

Для учреждений, работающих в условиях ограниченного финансирования, приоритизация мероприятий (начиная с вакцинации персонала, гигиены рук и базовых СИЗ, а затем переходя к оборудованию для контроля аэрозолей и вентиляции) позволяет достичь значительного снижения рисков даже при постепенном внедрении комплексных программ.

Данные, собранные из научной литературы за период 2015–2025 годов, подтверждают, что строгое соблюдение протоколов инфекционного контроля значительно снижает риск передачи инфекционных заболеваний в стоматологической практике. Стоматологам и ассистентам, работающим в Российской Федерации и странах СНГ, рекомендуется обращать внимание на соответствие национальным стандартам и руководствам Министерства здравоохранения РФ, одновременно учитывая интернациональные передовые практики, описанные в настоящей статье.

Список литературы:

[1] Araujo M.W., Andreana S. Risk and prevention of transmission of infectious diseases in dentistry // *Quintessence International*. 2002. Vol. 33, № 5. P. 376–382.

[2] Cleveland J.L., Gray S.K., Harte J.A. et al. Transmission of bloodborne pathogens in US dental health care settings: 2016 update // *Journal of the American Dental Association*. 2016. Vol. 147, № 9. P. 729–738.

[3] Harrel S.K., Molinari J. Aerosols and splatter in dentistry: a brief review of the literature and infection-control implications // *Journal of the American Dental*

Association. 2004. Vol. 135, № 4. P. 429–437.

[4] Atukorala D.S., Ranasinghe R.K. Oral mucosa, saliva and COVID-19 infection in oral care // *Frontiers in Medicine*. 2021. Vol. 8. Art. № 656926. DOI: 10.3389/fmed.2021.656926. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/medicine/articles/10.3389/fmed.2021.656926/full> (дата обращения: 04.01.2026).

[5] Efficacy of preprocedural mouthwashes in reducing aerosol generation during dental procedures // *Frontiers in Medicine*. 2021. Vol. 8. Art. № 600769. DOI: 10.3389/fmed.2021.600769. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/medicine/articles/10.3389/fmed.2021.600769/full> (дата обращения: 04.01.2026).

[6] Pre-operative chlorhexidine use to reduce bacteraemia following tooth extractions: a comparative study // *Journal of Taibah University Medical Sciences*. 2015. Vol. 10, № 2. P. 182–188.

[7] Xu R., Cui Z., Xu J. et al. Saliva: potential diagnostic value and transmission of 2019-nCoV // *International Journal of Oral Science*. 2020. Vol. 12. Art. № 8. DOI: 10.1038/s41368-020-0080-z. URL: <https://www.nature.com/articles/s41368-020-0080-z> (дата обращения: 04.01.2026).

[8] Al-Wali A., Al-Wali M. et al. Cross-contamination in oral healthcare: a potential threat to public health // *Open Journal of Stomatology*. 2025. Vol. 13, № 1. P. 1–15.

[9] Guideline summary: prevention of infections in dental practices. KNMT. Руководство. URL: https://knmt.nl/sites/default/files/platform/summary_recommendations_guideline_prevention_infections_dentalpractices.pdf (дата обращения: 04.01.2026).

[10] Prevent infections in dental offices. 2023. Веб-статья. URL: <https://magazine.zhermack.com/en/hygiene-en/prevent-infections-in-dental-offices/> (дата обращения: 04.01.2026).

[11] Biofilm growth and microbial contamination of dental unit waterlines: a systematic review // *PubMed Central*. 2023. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36689938/> DOI: 10.1159/000528513 (дата обращения: 04.01.2026).

[12] Dental unit waterline biofilm removal: infection control guide. 2025. Руководство. URL: <https://www.fsrosen.com/biofilm-dental-waterlines-solutions/> (дата обращения: 04.01.2026).

References:

[1] Araujo M.W., Andreana S. Risk and prevention of transmission of infectious diseases in dentistry // *Quintessence International*. 2002. Vol. 33, No. 5. P. 376–382.

[2] Cleveland J.L., Gray S.K., Harte J.A. et al. Transmission of bloodborne pathogens in US dental health care settings: 2016 update // *Journal of the American Dental Association*. 2016. Vol. 147, No. 9. P. 729–738.

[3] Harrel S.K., Molinari J. Aerosols and splatter in dentistry: a brief review of the literature and infection-control implications // *Journal of the American Dental*

Association. 2004. Vol. 135, No. 4. P. 429–437.

[4] Atukorala D.S., Ranasinghe R.K. Oral mucosa, saliva and COVID-19 infection in oral care // *Frontiers in Medicine*. 2021. Vol. 8. Art. No. 656926. DOI: 10.3389/fmed.2021.656926. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/medicine/articles/10.3389/fmed.2021.656926/full> (access date: 01/04/2026).

[5] Efficacy of preprocedural mouthwashes in reducing aerosol generation during dental procedures // *Frontiers in Medicine*. 2021. Vol. 8. Art. No. 600769. DOI: 10.3389/fmed.2021.600769. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/medicine/articles/10.3389/fmed.2021.600769/full> (access date: 01/04/2026).

[6] Pre-operative chlorhexidine use to reduce bacteraemia following tooth extractions: a comparative study // *Journal of Taibah University Medical Sciences*. 2015. Vol. 10, No. 2. P. 182–188.

[7] Xu R., Cui Z., Xu J. et al. Saliva: potential diagnostic value and transmission of 2019-nCoV // *International Journal of Oral Science*. 2020. Vol. 12. Art. No. 8. DOI: 10.1038/s41368-020-0080-z. URL: <https://www.nature.com/articles/s41368-020-0080-z> (access date: 01/04/2026).

[8] Al-Wali A., Al-Wali M. et al. Cross-contamination in oral healthcare: a potential threat to public health // *Open Journal of Dentistry*. 2025. Vol. 13, No. 1. P. 1–15.

[9] Guideline summary: prevention of infections in dental practices. KNMT. Management. URL: https://knmt.nl/sites/default/files/platform/summary_recommendations_guideline_prevention_infections_dentalpractices.pdf (accessed: 04.01.2026).

[10] Prevent infections in dental offices. 2023. Web article. URL: <https://magazine.zhermack.com/en/hygiene-en/prevent-infections-in-dental-offices/> (accessed: 04.01.2026).

[11] Biofilm growth and microbial contamination of dental unit waterlines: a systematic review // *PubMed Central*. 2023. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36689938/> DOI: 10.1159/000528513 (accessed: 04.01.2026).

[12] Dental unit waterline biofilm removal: infection control guide. 2025. Guide. URL: <https://www.fsrosen.com/biofilm-dental-waterlines-solutions/> (accessed: 04.01.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

СИЧИНАВА Натэлла Энвериевна,

студент,
Кубанский государственный медицинский университет,
Краснодар, Россия,
e-mail: sichinava2021@list.ru

БРЮХОВЕЦКАЯ Дарья Олеговна,

студент,
Кубанский государственный медицинский университет,
Краснодар, Россия,
e-mail: sichinava2021@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ТЕЧЕНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ У ПАЦИЕНТОК С СИНДРОМОМ ПОЛИКИСТОЗНЫХ ЯИЧНИКОВ

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению влияния синдрома поликистоза яичников на течение беременности и исходы в послеродовом периоде, а также внутренним механизмам, способствующим развитию осложнений у беременных с этим диагнозом. Основная цель — проанализировать, каким образом PCOS влияет на развитие беременности, определить ключевые факторы риска для гестационных нарушений и разработать эффективные средства профилактики и терапии. В рамках работы использовались клинические обследования, анализ медицинских карт, а также передовые лабораторные и визуализационные методы для оценки уровня гормональных и метаболических показателей, а также функции плаценты. Особое внимание уделялось исследованию ролей гендерных, сосудистых, эндокринных и воспалительных путей, участвующих в формировании осложнений при беременности, сопряжённой с PCOS. Значимость данного исследования обусловлена высокой распространённостью PCOS среди молодых женщин и её заметным воздействием на здоровье матери и ребёнка, включая повышенную вероятность гестационного диабета, гипертензивных состояний, преждевременных родов и других негативных исходов. Полученные результаты нацелены на усовершенствование методов диагностики, профилактики и лечения, что позволит повысить качество профилактической и лечебной помощи и улучшить перинатальные показатели у матерей и новорождённых.

Ключевые слова: СПКЯ, беременность, гестационный диабет, преэклампсия, инсулинорезистентность, макросомия плода, преждевременные роды.

SICHINAVA Natella Enverievna,

student,
Kuban State Medical University,
Krasnodar, Russia

BRYUKHOVETSKAYA Daria Olegovna,

student,
Kuban State Medical University,
Krasnodar, Russia

FEATURES OF THE COURSE OF PREGNANCY IN PATIENTS WITH POLYCYSTIC OVARY SYNDROME

Annotation. This investigation examines the influence of polycystic ovary syndrome (PCOS) on the trajectory of pregnancy and neonatal outcomes, delving into the biological pathways that contribute to complications in affected pregnant women. The principal objective is to analyze the impact of PCOS on gestational development, pinpoint key risk factors for pregnancy-related disorders, and propose targeted strategies for prevention and management. The study combines clinical examinations, retrospective review of medical histories, and sophisticated laboratory and imaging methodologies to evaluate hormonal and metabolic profiles, alongside placental function assessments. Special attention is given to dissecting the roles of gender-specific, vascular, endocrine, and inflammatory mechanisms in the genesis of pregnancy

complications linked to PCOS. The relevance of this research stems from the high incidence of PCOS in young women and its substantial implications for maternal and fetal health, including heightened susceptibility to gestational diabetes, hypertensive conditions, early delivery, and other adverse outcomes. The insights gained aim to refine diagnostic criteria, optimize preventive protocols, and enhance treatment strategies, ultimately improving perinatal care and health prospects for mothers and their babies.

Key words: PCOS, pregnancy, gestational diabetes, preeclampsia, insulin resistance, fetal macrosomia, preterm birth.

Введение

Среди эндокринных нарушений у женщин репродуктивного возраста синдром поликистозных яичников занимает ведущее место. Распространённость этого синдрома варьирует и составляет примерно от 6% до 15%, причём диапазон зависит от выбранных диагностических критериев [1]. Его основными характеристиками считаются гиперандрогения и нарушение овуляторной функции, что нередко ведёт к развитию гинекологических и метаболических осложнений. Важнейшую роль в патогенезе данного состояния играет инсулинорезистентность, которая способствует накоплению жира и формированию метаболического синдрома — комплекса факторов, увеличивающих риск сердечно-сосудистых заболеваний. В механизмы развития синдрома вовлечены гиперинсулинемия и повышенный уровень андрогенов, являющиеся причинами сбоя в работе яичников и причиной репродуктивных расстройств. В современной медицине особое значение придаётся устранению инсулинорезистентности как средства повышения шансов на зачатие и предотвращения долгосрочных осложнений. В терапевтических целях применяются препараты, повышающие чувствительность тканей к инсулину, а также рекомендуются изменения в питании и образе жизни, дающие хорошие результаты. В этой статье рассматриваются современные гипотезы по патогенезу СПКЯ, его симптомы и возможности лечения, а также подчеркивается значение метаболических нарушений, связанных с инсулинорезистентностью, в формировании патологического процесса. Для иллюстрации эффективности комплексного подхода представлен клинический случай. Полученные выводы подчеркивают необходимость индивидуализированного и системного управления заболеванием для повышения качества жизни женщин и снижения риска осложнений.

Материалы и методы

Настоящее исследование выполнено в форме обзорной работы. В рамках анализа были использованы публикации, взятые из информационных баз данных, таких как eLibrary и другие, охватывающие период с 2021 по 2024 годы. Основной акцент делался на исследованиях, касающихся беременности у женщин с синдромом поликистозных яичников (СПКЯ). В отбор вошли как клинические исследования, так и метаанализы, содержащие релевантные показатели. В целом было рассмотрено 20 научных источников, из которых

шесть написаны на русском языке. Проведена качественная оценка влияния СПКЯ на показатели гестационного процесса и исходы в перинатальный период. Помимо литературного анализа, в работе представлен реальный клинический случай, что позволяет более подробно проиллюстрировать особенности диагностики и терапии у конкретного пациента.

Гипотеза

Этот исследовательский проект подчеркивает, что синдром поликистозных яичников (СПКЯ) выступает самостоятельным фактором риска для неблагоприятных исходов беременности и перинатальных осложнений у женщин с этим диагнозом. Причем, его влияние сохраняется независимо от наличия или отсутствия избыточной массы тела. Такой вывод основывается на сложной системе гормональных, метаболических и сосудистых расстройств, присущих СПКЯ, которые негативно влияют на результаты беременности даже у тех женщин, у которых вес считается нормальным.

Патогенез СПКЯ и влияние на беременность

Патогенетическая основа синдрома поликистозных яичников представляет собой сложный многокомпонентный процесс, обусловленный взаимодействием ряда факторов. В числе ключевых патологий выделяют гиперандрогению, дисфункцию процесса овуляции и морфологические изменения яичников с множественными кистами. Одним из центральных механизмов, лежащих в основе развития синдрома, считается инсулинорезистентность. Этот метаболический фактор наблюдается у значительной части женщин (50–70%) независимо от степени ожирения и ведет к развитию гиперинсулинемии, которая, в свою очередь, способствует гиперандрогении и влияет на гормональный баланс [2]. В условиях беременности эти нарушения усиливаются, повышая вероятность развития осложнений, таких как гестационная гипертензия и предлежание проблем [4].

Длительное хроническое воспаление и нарушения в процессах ангиогенеза представляют собой значимые элементы патогенетического механизма. Эта воспалительная активность вызывает повреждение эндотелиальной ткани и способствует аномальному формированию сосудов, что в свою очередь может привести к дисфункции плаценты и артериальной гипертензии. Гормональные расстройства, включающие избыточную выработку андрогенов, оказывают негативное влияние на ранние стадии эмбрионального раз-

вития и на имплантацию в матке, создавая предрасположенность к ранним осложнениям беременности [5].

У большинства женщин, страдающих синдромом поликистозных яичников, обнаруживаются нарушения в механизмах инсулинорезистентности, при этом степень связи с индексом массы тела не выявлена. Повышенные концентрации инсулина вызывают усиленную стимуляцию яичников к выработке андрогенов, а также снижают уровень глобулина, связывающего половые гормоны (SHBG). В результате увеличивается доля свободных андрогенов, что способствует развитию гиперандрогении. Эти гормональные сбои могут усложнить процесс правильной имплантации оплодотворенной яйцеклетки и привести к чрезмерной пролиферации эндометрия, что в свою очередь повышает вероятность невынашивания беременности [3].

У женщин, у которых диагностирован синдром поликистозных яичников, отмечается наличие хронического воспалительного процесса, выражающегося умеренным поднятием уровней маркеров воспаления, таких как С-реактивный белок, а также цитокинов, включая TNF- α и IL-6. Эти биомаркеры тесно связаны с развитием эндотелиальной дисфункции, что мешает полноценной адаптации плаценты и увеличивает риск возникновения таких осложнений, как преэклампсия и задержка внутриутробного развития плода. Гормональная дисрегуляция при гиперандрогении негативно влияет на созревание фолликулов, овуляцию и ранние этапы развития эмбриона. Более того, повышенный уровень андрогенов способствует нарушениям сосудистой проницаемости и ухудшению кровоснабжения плаценты, что предрасполагает к возникновению фетоплацентарной недостаточности и осложнениям в поздние сроки беременности.

Современные методы диагностики СПКЯ

Сегодня методы диагностики синдрома поликистозных яичников опираются на международные стандарты и новейшие технологические достижения, что позволяет точно и своевременно выявлять данное состояние. Для постановки диагноза широко используют критерии, разработанные Римским сообществом, согласно которым наличие СПКЯ подтверждается наличием как минимум двух из трёх признаков: нарушениями овуляции или их отсутствием, клиническими или лабораторными проявлениями гиперандрогении. Основопологающим является исключение других возможных причин гормональных нарушений и дисфункции яичников.

Диагностический процесс включает комплексное сочетание клинических, лабораторных и ультразвуковых методов. Сначала проводят сбор анамнеза и физикальный осмотр: оценивают регулярность менструальных циклов, наличие признаков гиперандрогении, таких как гирсутизм,

акне или гиперсекреция кожных сальных желез, а также измеряют показатели веса и давления. Анализы гормонов включают определение уровня тестостерона, ДГЭА-S, а также соотношений ЛГ и ФСГ, что важно для подтверждения гиперандрогенного состояния. Не менее важной является оценка уровня глюкозы и инсулина для выявления инсулинорезистентности, которая часто сопутствует СПКЯ.

Ключевым методом, подтверждающим диагноз, является ультразвуковое исследование органов малого таза. Оно позволяет выявить характерные признаки поликистозных яичников, такие как увеличение их размеров (более 10 мл у взрослых женщин) и наличие большого количества мелких фолликулов диаметром менее 9 мм, расположенных по линии периферии яичника. Этот ультразвуковой «фенотип» иногда называют «звуковой окружностью» или «телячьей глазурью». В некоторых случаях в диагностический процесс также включается доплерография, позволяющая оценить кровоток и сосудистое состояние яичников.

Кроме стандартных методов широко развиваются современные исследования — молекулярные и генетические тестирования. Они позволяют понять на более глубоком уровне патогенез синдрома, выявляя экспрессивные профили генов, связанных с обменом веществ и гормональной регуляцией, что открывает новые возможности для точечной диагностики. В будущем используют расчетные алгоритмы и мультифакторные модели, объединяющие все полученные данные для более индивидуализированного анализа рисков и прогноза.

Подводя итог, можно сказать, что современная диагностика СПКЯ представляет собой комплексный и многоуровневый процесс. Он объединяет клинический осмотр, гормональные исследования и ультразвуковую визуализацию, что обеспечивает высокую точность определения синдрома. Такой системный подход способствует своевременному началу профилактических и лечебных мероприятий, а также углублению понимания механизмов возникновения этого сложного состояния — в интересах женского здоровья и репродуктивной функции. Постоянно внедряющиеся новые технологии и методы позволяют дальше совершенствовать возможности диагностики и обеспечивают перспективы более эффективного ведения женщин с СПКЯ.

Осложнения беременности у женщин с СПКЯ

У женщин с синдромом поликистозных яичников существенно возрастает вероятность возникновения разнообразных гестационно-перинатальных осложнений. Это обусловлено целым спектром гормональных, метаболических и сосудистых нарушений, характерных для данного состояния. Одним из наиболее часто встречаемых осложнений является гестационный сахар-

ный диабет (ГСД). У пациенток с СПКЯ риск его развития увеличивается в 2–3 раза, что связано с предрасполагающей инсулинорезистентностью и сниженной функцией β -клеток поджелудочной железы, что затрудняет контроль уровня глюкозы в крови на всем протяжении беременности.

Преэклампсия и гипертензивные расстройства также вызывают серьезные последствия у женщин с СПКЯ. Наблюдается повышение риска преэклампсии в 1,5–2 раза. Механизмы, лежащие в основе, включают эндотелиальную дисфункцию, хроническое воспаление и метаболические расстройства, которые увеличивают вероятность сосудистых осложнений.

Преждевременные роды являются еще одной серьезной проблемой. Повышенные уровни андрогенов и воспалительные реакции способствуют преждевременной активности матки и нарушают сосудистую адаптацию, что повышает шансы ранних родов.

Самопроизвольные выкидыши — это еще одно осложнение, к которому ведет СПКЯ. По данным метаанализов, частота преждевременных потерь беременности у женщин с СПКЯ достигает 30–50%, что значительно превышает показатели среди общей популяции (10–15%). Основные причины включают ановуляцию, нарушения в лютеиновой фазе и дефекты имплантации.

У женщин, страдающих синдромом поликистозных яичников, часто выявляются психоэмоциональные нарушения. Они демонстрируют повышенную склонность к стрессовым состояниям, что связано с хроническими нарушениями менструального цикла, проблемами с фертильностью и другими симптомами заболевания. Во время беременности такие эмоциональные расстройства могут усугубляться под влиянием гормональных перестроек, что усложняет течение беременности и негативно сказывается на психологическом состоянии будущей матери.

Осложнения у плода, возникающие при беременности женщин с синдромом поликистозных яичников, могут проявляться в различных формах и объясняются комплексом физиологических изменений, происходящих в организме матери и плода. Одним из часто встречающихся аспектов является макросомия, развивающаяся в результате гипергликемии и гиперинсулинизма плода, вызываемых материнской гипергликемией после 20-й недели гестации. Это состояние связано с активным ростом плода, что повышает риски возможных осложнений при родах.

Кроме того, стоит учитывать задержку внутриутробного роста (ЗВУР), вызванную выраженными сосудистыми нарушениями при гестационном сахарном диабете. Эти нарушения приводят к недостаточной доставке питательных веществ и кислорода к плоду, что задерживает его нормальное развитие и увеличивает риск низкого веса при рождении, а также возможностей для респираторных заболеваний и частых инфекций.

Гипоксия плода, часто наблюдаемая при преэклампсии у пациенток с СПКЯ, связана с недостаточным кровоснабжением плаценты, что угрожает состоянию ребенка и может вызвать отклонения в его развитии. Респираторные проблемы, такие как синдром дыхательных расстройств, особенно часто встречаются у недоношенных детей, которые рождаются преждевременно. Риск таких осложнений у женщин с СПКЯ значительно выше, что увеличивает вероятность респираторных заболеваний и последующих нарушений дыхательной системы у новорожденных.

Важно отметить, что у детей женщин с синдромом поликистозных яичников существует повышенная вероятность развития метаболических нарушений в будущем. У таких малышей могут наблюдаться повышенный индекс массы тела, признаки инсулинорезистентности и склонность к раннему on-set метаболического синдрома, что требует регулярного наблюдения и профилактических мер. Кроме того, дети, родившиеся с малым весом или в условиях преждевременных родов, подвергаются большему риску неврологических и когнитивных отклонений, включая задержки в психомоторном развитии. Эти обстоятельства подчеркивают необходимость проведения комплексных исследований и своевременных профилактических стратегий у беременных женщин с СПКЯ для обеспечения благополучных исходов как для матери, так и для ребенка.

Клинический случай течения беременности у женщины с СПКЯ

Пациентка 32 лет, находится в третьем триместре беременности и имеет подтвержденный диагноз синдрома поликистозных яичников, основанный на объективных критериях: наличие поликистозных яичников, гиперандрогении и нарушенной овуляции. В её анамнезе зафиксированы два самопроизвольных аборта на ранних сроках, что свидетельствует о повышенной предрасположенности к гинекологическим осложнениям и требует особого внимания при текущем ведении беременности. В настоящее время осуществляется тщательное наблюдение с учетом потенциальных рисков, связанных с СПКЯ.

На ранних сроках беременности признаки угрозы выкидыша отсутствуют, однако в анамнезе зафиксирована тенденция к невынашиванию, которая может быть обусловлена аутоиммунными нарушениями или гормональными дисфункциями. Во втором триместре могут проявиться типичные метаболические проблемы — в частности, инсулинорезистентность, способная усугубляться при развитии гестозных состояний. У женщин с СПКЯ существует повышенная вероятность развития гестационного сахарного диабета, особенно после 20 недели гестации, что связано с предрасположенностью к инсулинорезистентности. Поэтому важен регулярный контроль уровня глюкозы, а также коррекция диеты и медикаментозное ле-

чение при необходимости.

Дополнительно у таких пациенток повышен риск преэклампсии, обусловленный хроническим воспалением и дисфункцией эндотелия сосудов. Ведение включает контроль артериального давления, функции почек и состояния плода. Учитывая опыт двух прошлых выкидышей, важно контролировать уровни гормонов и состояние эндометрия для предотвращения повторных случаев прерывания беременности, так как наличие гиперандрогении и возможных нарушений имплантации могут повышать эти риски. Также существует вероятность преждевременных родов, так как воспалительные процессы и гиперандрогения могут стимулировать преждевременное сокращения матки. Для профилактики и своевременного обнаружения симптомов подготовки к преждевременным родам требуется системное наблюдение и применение профилактических мер.

Говоря о матери, необходимо отметить, что у женщин с СПКЯ часто наблюдаются гестационные осложнения — гипогликемия, гипертензивные состояния и сосудистые дисфункции. Метаболические нарушения в виде необоснованного увеличения массы тела являются распространенной проблемой и требуют комплексного подхода. Не меньшую роль играет психологическая поддержка, так как многие женщины переживают стресс из-за опасений повторных прерываний и текущих трудностей. Ведение таких беременных должно учитывать как физиологические, так и психологические особенности для максимизации успешного исхода.

Риски для плода существенны: возможна макросомия, которая связана с гиперинсулинизмом и гипергликемией у матери, увеличивающая риск травм при родах или необходимости кесарева. Также существует вероятность задержки внутриутробного развития, обусловленной сосудистыми нарушениями и гипоксией. Повышается вероятность преждевременных родов, сопровождающихся респираторными проблемами новорожденных. У новорожденных в возрасте могут проявиться склонность к метаболическим нарушениям — инсулинорезистентности и метаболическому синдрому в будущем.

Общий клинический случай показывает сложное течение беременности у женщины с СПКЯ, с высоким риском развития различных осложнений. Для обеспечения благополучного исхода необходим тщательный мониторинг состояния, своевременное лечение метаболических, сосудистых и гормональных нарушений, а также психологическая поддержка. Такой индивидуализированный подход к ведению беременности — ключ к успешным результатам и минимизации рисков для матери и ребенка.

Заключение

Беременность у женщин с синдромом полики-

стозных яичников сопряжена с повышенной вероятностью развития разнообразных осложнений, таких как гестационный диабет, преэклампсия, преждевременные роды и макросомия — чрезмерно крупный плод. Эти проблемы во многом обусловлены гормональными расстройствами и метаболическими нарушениями, характерными для данного синдрома, что подчеркивает необходимость своевременного выявления и постоянно-го контроля за состоянием беременной.

Использование современных методов диагностики и персонализированный подход к ведению беременности существенно снижают риск тяжелых исходов и повышают шансы на благополучное завершение беременности. Для дальнейшего прогресса в этой сфере необходимо расширять научные исследования, нацеленные на создание более точных методов предсказания и разработки индивидуальных терапевтических протоколов. Такие меры способны значительно улучшить качество акушерского ухода и обеспечить здоровье матери и ребенка.

Список литературы:

- [1] Bahri Khomami M., Joham A.E., Boyle J.A. Increased maternal pregnancy complications in polycystic ovary syndrome appear to be independent of obesity // *Obesity Reviews*. — 2021. — С. 22.
- [2] Hoque L.F., Zakaria Z.A., Apsara S., Sultana D.A. Maternal and perinatal outcomes in women with polycystic ovarian syndrome // *Int J Reprod Contracept Obstet Gynecol*. — 2024. — С. 77-82.
- [3] Legro R.S., Arslanian S.A., Ehrmann D.A., et al. Diagnosis and treatment of polycystic ovary syndrome: an Endocrine Society clinical practice guideline // *Human Reproduction Update*. — 2021. — С. 778-793.
- [4] Li Y., Zhang X., Wang Y., et al. Pregnancy complications and birth outcomes in women with polycystic ovary syndrome undergoing frozen embryo transfer // *Fertility and Sterility*. — 2024. — С. 789-797.
- [5] Teede H.J., Misso M.L., Costello M.F., et al. Recommendations from the 2023 international evidence-based guideline for the assessment and management of polycystic ovary syndrome // *Human Reproduction*. — 2023. — С. 443-464.
- [6] Ситникова Н.В. Риски метаболических нарушений у потомства при СПКЯ // *Современные проблемы науки и образования*. — 2023. — С. 54-60.
- [7] Чернухина Е.Г., Балышев А.Н. СПКЯ и гестационные осложнения: современные представления // *Российский вестник акушера-гинеколога*. — 2022. — С. 48-55.

References:

- [1] Bahri Khomami M., Joham A.E., Boyle J.A. Increased maternal pregnancy complications in polycystic ovary syndrome appear to be independent of obesity // *Obesity Reviews*. - 2021. - P. 22.

[2] Hoque L.F., Zakaria Z.A., Apsara S., Sultana D.A. Maternal and perinatal outcomes in women with polycystic ovarian syndrome // Int J Reprod Contracept Obstet Gynecol. - 2024. - pp. 77-82.

[3] Legro R. S., Arslanian S. A., Ehrmann D. A., et al. Diagnosis and treatment of polycystic ovary syndrome: an Endocrine Society clinical practice guideline // Human Reproduction Update. — 2021. — pp. 778-793.

[4] Li Y., Zhang X., Wang Y., et al. Pregnancy complications and birth outcomes in women with polycystic ovary syndrome undergoing frozen embryo transfer // Fertility and Sterility. - 2024. - P.

789-797.

[5] Teede H.J., Misso M.L., Costello M.F., et al. Recommendations from the 2023 international evidence-based guideline for the assessment and management of polycystic ovary syndrome // Human Reproduction. - 2023. - P. 443-464.

[6] Sitnikova N.V. Risks of metabolic disorders in offspring with PCOS // Modern problems of science and education. - 2023. - P. 54-60.

[7] Chernukhina E.G., Balyshv A.N. PCOS and gestational complications: modern concepts // Russian Bulletin of Obstetrician-Gynecologist. - 2022. - P. 48-55.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 15 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.

3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:
а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа;

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет один месяц с момента поступления рукописи в редакцию.

9. Редакция издания может направлять авторам копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

10. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в научно-правовом журнале «Частное право» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 5 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 35% от ранее опубликованных материалов).

Рукописи должны иметь авторство не менее 75%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 75%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: info@law-books.ru или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью РИНЦ».

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат

ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Правила транслитерации:

Транслитерацию можно делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, e-мейл),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования ИИ, недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе «Антиплагиат» (организационный взнос в этом случае не возвращается).

научно-издательская группа
ЮРКОМПАНИ

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

№ 1

(январь-март)

2026 г.

Подписано в печать 20.03.2026. Формат 60x90/8. Печать цифровая. Печ. л. 6,25.
Тираж 250 экз. Заказ № 39.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Ленина, д.102.